же вероят-
видим ведь, что,
рство и вожди про-
движения ни смягчают рез-
ку коренных пунктов программы,
ых, например, углекопами и же-
никами, но рабочая масса и не
казываться от своих требований,—
по мере обострения экономической
, она настаивает на них решитель-
дет момент—и он не за горами,—
вожди должны будут примкнуть к
ниям рабочих (как это было при же-
рожной забастовке), и тогда будет
жна всеобщая забастовка во всех глав-
х отраслях производства, которая мо-

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

для

учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей.

ВЫПУСКЪ I.

составилъ

В. Покровскій.

ИЗДАНІЕ
книжнаго магазина
М. Д. НАУМОВА.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Арбатъ, домъ Платонова.
1887.

УЧЕБНЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ

МОСКОВСКИМЪ КНИГОПРОДАВЦЕМЪ

М. Д. НАУМОВЫМЪ

ВЪ МОСКВѢ,

Мясницкая улица, домъ Духовной Консисторіи.

Арефьевъ, А. и **Соколовъ, А. Ѳ.** Повторительный курсъ ариѳметики для начальныхъ училищъ. М. 1879 г. Ц. 15 к.

Вертоградскій, І., преподаватель Реальнаго училища св. Михаила. Практическій курсъ элементарной грамматики, составленный по руководству «Русское Правописаніе» академика Грота. М. 1885 г. Ц. 40 к. Одобренъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр., какъ руководство.

— Методическія замѣтки для учителей. М. 1885 г. Ц. 40 к.

Гика, Д. Задачи для начальнаго обученія ариѳметикѣ—цѣлыя числа. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. и Духовно-Учебн. Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ. М. 1885 г. Ц. 45 к.

Гика, Д. и **Муромцевъ, А.** Элементы геометріи; курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, расположенный по способамъ доказательствъ. Ц. 1 р.

— Геометрическія задачи. Часть 1-я. Задачи плоской геометріи (1750 задачъ). Ц. 75 к.

— Геометрическія задачи. Часть 2-я. Задачи геометріи въ пространствѣ. (Задачи 1751 до 2768). Ц. 75 к.

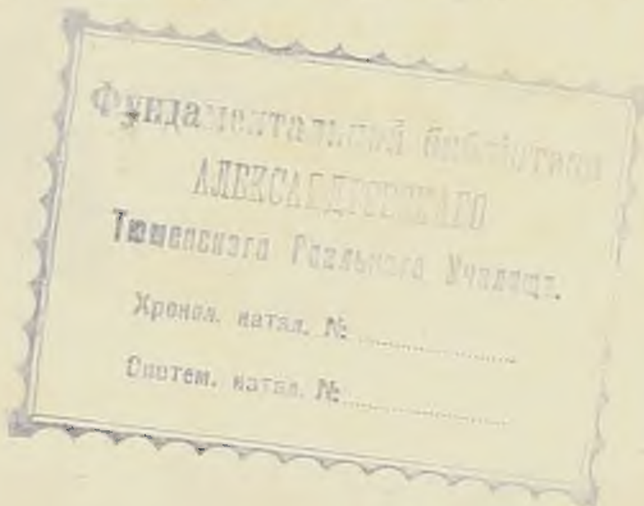
Ивановъ, В., преподаватель Смоленскаго реальнаго училища. Учебникъ русской грамматики (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній), вып. 1-й. Уч. К. М. Н. Пр. одобренъ, какъ учебное пособіе при преподаваніи русскаго языка для гимназій и реальныхъ училищъ и какъ учебное руководство для учительскихъ семинарій. М. 1881 г. Ц. 45 к.

— Вып. 2-й. Уч. К. М. Н. Пр. одобренъ, какъ учебное пособіе при преподаваніи русскаго языка для гимназій и реальныхъ училищъ и какъ учебное руководство для учительскихъ семинарій. М. 1882 г. Ц. 40 к.

Козьминъ, К., преподаватель Московскаго учительскаго института. Русская хрестоматія для среднихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Курсъ II, изданіе 4-е, исправленное и дополн. 3-е изд. одобрена Учен. Ком. М. Н. Пр. 1887 г. Ц. 75 коп.

Историческая

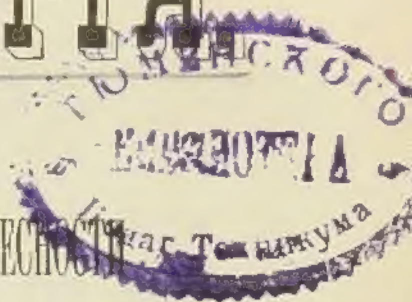
ХРЕСТОМАТІЯ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

для

учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей.

ВЫПУСКЪ I.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

ИЗДАНІЕ
книжнаго магазина
М. Д. НАУМОВА.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Арбатъ, домъ Платонова.
1887.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая хрестоматія вызвана, какъ мнѣ кажется, насущною потребностью. Каждый преподаватель русской словесности не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что недостаточность времени, полагаемаго на изученіе литературы въ учебныхъ заведеніяхъ, ставитъ его въ необходимость на иное обращать сравнительно ничтожное вниманіе, вслѣдствіе чего у многихъ учениковъ остается неясное представленіе о литературномъ памятникѣ и его значеніи, другое же, на что обращается бо́льшее вниманіе, оставлять безъ всесторонняго освѣщенія. Историческая хрестоматія въ значительной степени устраняетъ указанное неудобство.

Объ одномъ и томъ же памятникѣ хрестоматія даетъ обильныя и разнообразныя свѣдѣнія, объ одномъ и томъ же вопросѣ предлагаетъ мнѣнія разныхъ ученыхъ. Въ первомъ случаѣ она расширяетъ познанія учениковъ, во второмъ — углубляетъ ихъ. Думаю, что періоды, направленія, виды словесныхъ произведеній въ русской литературѣ, съ помощью настоящей хрестоматіи новаго типа, яснѣе и отчетливѣе воспримутся сознаніемъ ученика.

Уясняя и всесторонне освѣщая проходимый курсъ литературы, данная хрестоматія помогаетъ ученику созна-

тельнѣе и основательнѣе усвоить преподаваемое въ классѣ. Въ иныхъ случаяхъ она можетъ служить и сподручною книгою для повторенія.

Позволяю себѣ надѣяться, что трудъ мой будетъ не безполезенъ даже и для многихъ учителей словесности, такъ какъ они найдутъ въ немъ не мало статей изъ рѣдкихъ и, можно сказать, классическихъ книгъ нашихъ ученыхъ словесниковъ.

В. Покровскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБРЯДОВЫЯ И БЫТОВЫЯ ПѢСНИ.

Стран.

СКАЗКИ.

—❧—

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБРЯДОВЫЯ И БЫТОВЫЯ ПѢСНИ.

Языческая религія русскихъ славянъ.

Вся природа для язычника была великимъ храмомъ всеобщей жизни. Не стихіямъ и не явленіямъ природы, а явленіямъ жизни язычникъ и творилъ поклоненіе. Многоразличіе его божествъ вполнѣ зависѣло отъ многоразличія явленій самой жизни. А жизнь, исполненную чувства жизни, встрѣчалъ онъ повсюду, и не было предмета въ окружающемъ мірѣ, который бы не являлся ему живою мыслью, не являлся живою волею и живымъ намѣреніемъ. Въ этомъ созерцаніи и скрываются источники языческаго удивленія и поклоненія матери природѣ, источники такъ называемаго идолопоклонства. Здѣсь же скрывалась, такъ сказать, и вся система языческаго міросозерцанія, пониманія всѣхъ вещей: тамъ, гдѣ мы только изучаемъ и наблюдаемъ, язычникъ благоговѣлъ и возсылалъ моленія; тамъ, гдѣ мы находимъ только прекрасное, изящное, полезное, онъ видѣлъ самое божество.

Его небо, его солнце съ своей недостижимой высоты глядѣли на него живыми очами безпредѣльной отеческой любви и заботились обо всемъ, что только желалъ этотъ ребенокъ, по отечески внимательныя къ нему очи. Ихъ случайный гнѣвъ былъ гнѣвъ отца, котораго любовь и милость къ родному дѣтищу были безпредѣльны. Свѣтлыя явленія наблюдали самыя малѣйшія движенія этого дитяти и опредѣляли судьбу всей его жизни. Со всею природою онъ велъ нескончаемые разговоры или призывалъ на свои пиры и въ свою храмину ея благодать и всякое добро, или отгонялъ отъ себя ея грозу и ненависть. Все въ природѣ жило съ человѣкомъ человѣческими же мыслями и чувствами и бодрствовало человѣческою волею.

Само собою разумѣется, что, обожая природу, создавая себѣ на каждомъ шагу новые кумиры, претворяя свои первыя познанія и созерцанія, первые помыслы о мірѣ и о самомъ себѣ въ живые образы поэтическаго религіознаго чувства, язычникъ въ своей миѳологіи и въ своихъ вѣрованіяхъ выражалъ и изображалъ только то, что существовало передъ его глазами и что существовало въ немъ самомъ, въ устройствѣ его мысли, чувства, нрава и всего быта. Неопровержимая истина, что какова природа и каковъ человѣкъ, полюбившій и [illegible] природу, таковы должны быть и его вѣрованія, таковы и его мечты, таковы его боги. Поэтому язычество каждаго народа есть какъ бы зеркало, отражающее въ себѣ ту страну, гдѣ [illegible] и весь его бытъ [illegible] во всѣхъ подробностяхъ. Чего же [illegible] въ странѣ и въ быту язычника, того не существовало и въ его [illegible], въ самыхъ его богахъ, въ кругу его вѣрованій и созерцаній.

На [illegible] особенное поэтическое [illegible] выражалось въ двухъ мѣстахъ: на [illegible] и скандинавскомъ сѣверѣ и [illegible] въ [illegible] чить, что и тамъ, и здѣсь человѣкъ былъ поставленъ самою природою почти въ одинаковыя условія [illegible] острова, и множество родныхъ примѣровъ [illegible] просторомъ мореходства [illegible] мѣста, и тамъ, и здѣсь [illegible] и [illegible] еще болѣе воображеніемъ въ такіе далекіе края, о которыхъ, какъ говорится, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Отсюда, конечно, само собою народилась и поэтическая просторъ [illegible] міросозерцанія и [illegible]. [illegible] природа той и другой страны [illegible] печать на миѳическое творчество человѣка и [illegible] характеръ сурово-мрачнаго сѣвера [illegible] и свѣтлаго и любезнаго юга Греціи. Пришедшіе изъ [illegible] прародины первичные миѳы [illegible] и на сѣверѣ, и на югѣ были воспитаны въ томъ особомъ характерѣ, какой давала сама природа каждой страны. Точно также и [illegible] въ [illegible] равнинѣ [illegible] должны были [illegible] первородное міросозерцаніе въ томъ особомъ харак-

теръ, какимъ отличалась сама здѣшняя природа. Русская природа не изумляла человѣка своими дивами. Ничего чрезвычайнаго, захватывающаго вниманія, она не представляла ни для мысли, ни для чувства. Прежде всего, въ общемъ своемъ очеркѣ, который всегда запечатлѣвается въ народныхъ созерцаніяхъ, это была пустыня, тихое, спокойное, широкое, почти безконечное, повсюду однообразное раздолье на югъ дикаго чистаго поля, на сѣверъ — дикаго и дремучаго лѣса и болота. И тамъ, и здѣсь пытливая мысль нигдѣ и ни надъ чѣмъ не могла особенно сосредоточиться. Все здѣсь просто и обыкновенно. Если что и поражаетъ, то развѣ одна безмѣрная ширина картины. Но мысль и воображеніе, убѣгая въ этотъ глубокій, однообразный, неподвижный просторъ, совсѣмъ теряются въ немъ и въ недоумѣніи безмолвствуютъ, какъ сама пустыня. Въ этой равнинной ширинѣ, кажется, самое небо разстилается какъ-то низменнѣе, приземистѣе, совсѣмъ не въ той красотѣ, какъ въ иныхъ странахъ, гдѣ горы и моря возносятъ его величавый сводъ несравненно выше и глубже въ даль мірового пространства. Для поэтическаго міросозерцанія поднебесной высоты въ нашей равнинѣ недоставало тѣхъ именно горныхъ и морскихъ красотъ и чудесъ природы, которыя всегда дѣйствуютъ неотразимо на развитіе миѳическаго творчества. Очень естественно, что въ нашей равнинѣ самые боги должны были отличаться тѣмъ ровнымъ и спокойнымъ характеромъ своего могущества, какой господствовалъ въ самомъ ландшафтѣ всей страны.

Въ нашемъ родномъ ландшафтѣ во всѣхъ его очертаніяхъ мы прежде всего видимъ необычайное спокойствіе, ту сельскую и деревенскую тишину, которая охватываетъ сердце какимъ-то миролюбивымъ тепломъ, вовсе не вызывающимъ ни на какую борьбу и битву. Никакого воздвиганія волнъ, никакой величавой далекой высоты, уносящей къ себѣ помыслы человѣка, здѣсь не видно. Всѣ наши помыслы исчезаютъ тутъ же посреди этого ровнаго и спокойнаго небосклона.

Чрезвычайная красота или чрезвычайное чудо природы, которыя изумляютъ наше вниманіе, есть, во-первыхъ, наши рѣки, отчасти озера; ихъ высокіе крутые берега суть наши горы. Затѣмъ дремучій лѣсъ, закрывающій нашъ горизонтъ, гремучій ключъ, студеный колодезь, родникъ, орошающій наше поле; глубокій, поросшій лѣсомъ, оврагъ или безпредѣльное болото, даже каменная глыба, гдѣ-либо спокойно лежащая посреди

чистаго поля — вотъ чудеса и красоты нашего ландшафта. Все это находится подъ рукою и не уноситъ воображенія въ высь и въ даль, къ тѣмъ поэтическимъ мечтаніямъ и созерцаніямъ, которыя создаются при иныхъ, болѣе рѣзкихъ и болѣе сильныхъ очертаніяхъ природы. Нашему воображенію не отчего пылать и разгораться, нашей мысли не надъ чѣмъ особенно работать и не съ кѣмъ бороться.

Горы наши не распадаются суровыми и мрачными скалами скандинавскаго сѣвера, солнце наше не горитъ египетскимъ или индійскимъ огнемъ, и наши звѣзды не блистаютъ египетскимъ огнемъ звѣзды Сиріуса; ни звѣрь, ни растеніе, ни гадъ, ни цвѣтокъ не поражаютъ нашего воображенія какими либо чрезвычайными силами и чудами. Въ нашемъ равнинномъ ландшафтѣ самое разительное, единственное явленіе природы, которое наиболѣе изумляло и поражало человѣка — была гроза, громовая туча, сверкающая молніями. Это явленіе повсюду, у всѣхъ народовъ было первою причиною, которая заставляла почувствовать небесное существо, вполнѣ живымъ, имѣющимъ волю и намѣреніе и грозный всемогущій образъ. Повсюду человѣкъ его познавалъ не иначе, какъ поклоненіемъ, обожаніемъ. Но въ другихъ странахъ было много другихъ чудесъ природы и потому явленіе грозы тамъ скоро стало рядомъ съ другими чудными дѣлами неба и земли. Напротивъ того, въ нашей странѣ грозный и благодатный Перунъ былъ единымъ живымъ существомъ, которое въ истинномъ смыслѣ было господиномъ неба и земли. Нѣтъ сомнѣнія, что и миѳъ, и имя Перуна славяне принесли еще изъ своей арійской прародины, отдѣлившись отъ своихъ азіатскихъ родичей, вѣроятно еще въ то время, когда Перунъ и у нихъ былъ господствующимъ божествомъ.

Оттуда они принесли и имя Сварога, которое означаетъ небо, свѣтъ небесный; означаетъ верховнаго небеснаго бога, бога боговъ, бога въ отвлеченномъ смыслѣ, потому что небесный свѣтъ, какъ пространство, небо, можно было представить въ опредѣленныхъ, законченныхъ чертахъ какого либо живого образа. Это было божество вообще, богъ всѣхъ, какъ обнаруживается и по во[illegible] Сварожича имени. Это былъ прабогъ, великій старѣйшина боговъ, небесное отечество. Можно полагать, что другіе боги, происходя отъ единаго небеснаго, представляли въ своемъ существѣ только особыя отрасли того же Сварога — неба, были только Сварожичами, сынами Сварога, почему и впослѣдствіи

ніяхъ и понятіяхъ народа сливались въ одно существо съ своимъ отцомъ. Вотъ почему византиецъ Прокопій еще въ половинѣ VI в. могъ весьма справедливо замѣтить, что славяне покланялись единому Богу, единому владыкѣ вселенной, творцу молніи. Здѣсь слиты понятія о Сварогѣ и Перунѣ, потому что такъ они должны были представляться и въ воззрѣніи язычника.

Явленіе грозы, грома и молніи, этой Божьей милости, какъ и донынѣ говоритъ народъ, хотя и обозначалось особымъ именемъ Перуна, но оно все-таки было небеснымъ явленіемъ, дѣломъ и дѣйствіемъ небеснаго божества. Потому очень естественно, что Перунъ въ своемъ значеніи сливался съ именемъ Сварога. Это тотъ же Сварогъ, означаемый Перуномъ только по особому качеству своего небеснаго дѣла. Это не болѣе какъ грозное и благодатное хожденіе въ небесной высотѣ самого Сварога.

Очевидно, что въ миѳѣ Перуна язычникъ поэтически олицетворялъ жизнь неба, т. е. дѣйствующую и ходящую силу грозы. Но главнымъ образомъ съ этимъ явленіемъ онъ связалъ свои понятія и представленія о жизни земли, какъ эта земля проявлялась и была зависима отъ небеснаго хожденія молніи и грома. Онъ скоро выразумѣлъ, что это чудо природы производитъ на землѣ дѣйствительныя чудеса, и если въ единичныхъ случаяхъ грозитъ и поражаетъ, зато въ общемъ своемъ дѣлѣ разноситъ и разливаетъ по всей землѣ живую благодать плодорожденія и всякаго земного обилія. Только въ этомъ живомъ образѣ небеснаго божества язычникъ естественно могъ подмѣтить благое плодородящее сошествіе неба на землю и потому обоготворилъ Перуна высшимъ божествомъ, главнѣйшимъ дѣятелемъ земной жизни.

Совсѣмъ иное представленіе должно было существовать о солнцѣ. Перунъ въ раскатахъ грома, блистая молніями, торжественно проходилъ и скрывался до неизвѣстнаго времени. Солнце, огненное небесное тѣло, каждый день восходитъ и заходитъ, каждый годъ уходитъ и приходитъ, сотворяя теплое лѣто. Это не само небо, звѣздная высота и широта, гдѣ пребываетъ Сварогъ, сходящій на землю грозою Перуна; это какъ бы зависимое, подчиненное ему свѣтило, которое, очевидно, сынъ Сварога, Дажь Богъ, какъ именуетъ его лѣтописецъ и поэтическое слово объ Игорѣ. *Дажь* происходитъ отъ санскритскаго *dag*, горѣть, жечь, и родственно съ готскимъ *dags*,

Tag — день, и съ славянскимъ (хорутанскимъ) *оджанца* — ранняя заря, слѣдовательно, это богъ-Свѣтъ-День.

Другое имя солнцу было Хорсъ, имя древне-персидское: Киросъ, Коресъ, Куросъ; новоперсидское Хоръ или Хуръ, — имя, вообще указывающее на тѣсныя связи и сношенія восточныхъ славянъ съ древне-персидскими странами по Каспійскому морю и за Кавказомъ, откуда оно могло распространиться и по нашей странѣ, если не принесено еще вмѣстѣ съ Перуномъ.

Но въ славянскомъ миѳическомъ языкѣ существуетъ слово, родственное этому имени и по корнямъ, и по смыслу. Это *Кресъ* — огонь, свѣтъ, солнце, а также слово *Кросъ*, означающее пламя, огонь. Съ миѳическимъ именемъ Хорса связаны слова *хороводъ* или *короводъ*.

Другой сынъ Сварога былъ Сварожичъ — Огонь, въ его земномъ видѣ. Имѣлъ ли онъ свое особое миѳическое имя, или прозывался только по батюшкѣ, неизвѣстно.

Въ сонмѣ русскихъ миѳовъ, по лѣтописи, послѣ Перуна занимаетъ второе мѣсто Хорсъ Даждьбогъ. Но тотъ же лѣтописецъ, излагая договоры съ греками Олега и Святослава, упоминаетъ на второмъ мѣстѣ, подлѣ Перуна, Волоса, или какъ у западныхъ славянъ, Велеса, скотьяго бога. По соображеніямъ, весьма основательнымъ, изслѣдователи признаютъ въ этомъ божествѣ солнце, т. е. новое имя того же Хорса Даждьбога. Подобно Аполлону, это богъ плодородія земли, покровитель земледѣлія и скотоводства и всякой паствы, высокій и великій пастухъ, Панъ, точно также играющій на гусляхъ, почему и вѣщій Боянъ, соловей стараго времени, какъ вѣщій поэтъ-гусляръ, именуется (въ Словѣ о Полку Игоревомъ) внукомъ Велеса. Какъ скотій богъ, онъ несомнѣнно почитался и покровителемъ богатства и торговыхъ прибытковъ, тѣмъ болѣе, что главнѣйшій товаръ Русской земли состоялъ изъ мѣховъ и звѣриныхъ шкуръ.

Въ лѣтописи, въ Словѣ о Полку Игоревомъ и въ Словахъ или поученіяхъ противъ идолопоклонства упоминается еще божество Стрибогъ, сущность котораго обозначается отчасти тѣмъ, что вѣтры представляются его внуками, слѣдовательно, и самъ онъ былъ вѣтеръ. Можно полагать, что это божество особенно почиталось во время плаванія. Само собою разумѣется, что этими именами не исчерпывалось все богатство

языческаго поклоненія и олицетворенія. Въ старой письменности и въ устахъ народа остается еще много именъ, миоическое значеніе которыхъ несомнѣнно, но смыслъ которыхъ трудно объяснить.

Чтобы яснѣе себѣ представить живой обликъ каждаго миоа, т. е. всѣ живыя черты языческаго поклоненія и живой кругъ вѣрованій въ тотъ или другой миоическій образъ природы, необходимо имѣть въ виду общія основы языческаго міросозерцанія. Язычникъ обожалъ природу, но въ природѣ, какъ мы упоминали, онъ обожалъ въ сущности только единое существо — онъ обожалъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, почему и самую смерть необходимо представлялъ себѣ въ живомъ образѣ. Поэтому оставшіяся намъ глухія имена разныхъ божествъ мы можемъ хотя нѣсколько раскрыть, если вникнемъ въ смыслъ миоовъ, еще доселѣ живущихъ подъ именами домового, водяного, лѣшаго, русалки и т. п. Всѣ они представители или выразители языческихъ и болѣе всего поэтическихъ понятій и представленій о кругѣ жизни, въ которомъ сосредоточиваются тѣ или другія дѣйствія жизни.

Такъ, въ образѣ домового олицетворялась жизнь дома, совокупность невѣдомыхъ и непостижимыхъ явленій, причинъ, дѣйствій возлѣ домашняго очага. Язычникъ не умѣлъ понять, отчего его дворовая скотина добрѣетъ, отчего вдругъ худѣетъ, отчего подымается во дворѣ невѣдомый трескъ, неожиданный переполохъ между тою же скотиною и домашнею птицею, отчего извѣстный цвѣтъ скотины не приходится ко двору: она гибнетъ, какъ ни сохраняй и что ни дѣлай. И такъ идетъ безконечный рядъ различныхъ примѣтъ, объясняющихъ только одно, что здѣсь всѣмъ дѣломъ заправляетъ какая-то невѣдомая сила, невѣдомая воля. Съ другой стороны въ образѣ домового олицетворялась совокупность хозяйскихъ желаній, стремленій и всяческихъ заботъ, чтобы въ дому все было хорошо и благодатно. Извѣстно, что существующій въ дому очагъ или печка представляютъ какъ бы корень или сердце самаго дома и всего двора. Здѣсь сохраняется существенная благодать всего жилища, согрѣвающая во время холода, изготовляющая всякую снѣдь, способная претворять всякое вещество на пользу или удовольствіе человѣку. Огонь и безъ того являлся живымъ существомъ, былъ божичъ, Сварожичъ. Отсюда ясно, что домовой въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ самый этотъ домашній

огонь, очагъ. При переселеніи въ новую избу язычникъ переносилъ весь этотъ огонь въ видѣ горящихъ угольевъ изъ старой печи въ новую съ привѣтомъ: „Милости просимъ, дѣдушка, на новое жилье!“

Обыкновенно домовой живетъ за печкою, куда и кладутъ ему домашнія жертвы, маленькіе хлѣбцы. Его вообще перекармливаютъ, какъ человѣка, хлѣбомъ, кашею, пирогами, лепешками; оставляютъ ему на ночь на трапезѣ ужинъ. Но главнѣйшая для него жертва — это пѣтухъ. Эта жертва его вполнѣ умилостивляетъ, если онъ чѣмъ либо раздраженъ. Тогда въ полночь колдунъ рѣжетъ пѣтуха, выпускаетъ кровь на голикъ и голикомъ выметаетъ всѣ углы въ избѣ и на дворѣ съ приличными заклинаніями. Какъ житель печки, домовой не боится мороза. Въ какой хороминѣ ставилась печка, тамъ непремѣнно и жилъ домовой.

Домовой очень добрый и самый заботливый хозяинъ во дворѣ. Вновь купленная скотина, лошадь, корова, отдавалась ему на руки съ привѣтомъ: „Полюби, пои, корми сыто, гладь гладко, самъ не шути и жены не спущай и дѣтей унимай!“ Веревку, на которой приводили скотину на дворъ, вѣшали у печки.

Домовой любитъ только свой домъ, свой дворъ, такъ что иной разъ таскаетъ даже изъ чужихъ сѣноваловъ и закромовъ кормъ для своей скотины. Въ сущности это идеалъ хорошаго хозяина. Онъ видитъ всякую мелочь, неустанно хлопочетъ и заботится, чтобы все было въ порядкѣ и на готовѣ: гдѣ пособитъ, тамъ поправитъ промахъ. По ночамъ слышно, какъ онъ стучитъ и хлопочетъ за разными подѣлками. Если жилье придется ему по душѣ, то онъ смотритъ за всѣмъ домомъ и дворомъ лучше хозяйскаго глаза, соблюдаетъ домашнія выгоды и радѣетъ объ имуществѣ лучше заботливаго мужика: охраняетъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней, смотритъ за птицею, особенно любитъ куръ; наблюдаетъ за овиномъ, огородомъ, конюшнею, хлѣвами, амбарами. По всѣмъ этимъ качествамъ домовой иначе называется *[illegible]*, что уже прямо означаетъ [illegible] жизнь. Его также называютъ *сусѣдка, отецъ, дѣдушка.*

Очевидно, весь этотъ образъ домашняго духа есть въ сущности олицетвореніе домашняго счастья, домашняго благосостоянія. Онъ хранитель дома. По этой мысли и сказательный образъ

домового представляется обросшимъ густою мохнатою шерстью и мягкимъ пушкомъ. Даже ступни и ладони у него тоже покрыты волосами. По ночамъ онъ сонныхъ обитателей дома гладитъ ладонью: если тепла и мягка — къ счастью и богатству; холодна и щетиниста — не къ добру. По ночамъ онъ душитъ сонныхъ, но ради шутки. Такъ точно и во дворѣ по ночамъ онъ возится, проказитъ, все только тѣшится, безъ злобы. Домовой лихъ только до чужихъ дворовъ и большое зло дѣлаютъ только чужіе домовые.

Если домовой былъ олицетвореніемъ домашней работы, домашняго счастья, богатства, всякой благодати, то, по естественному развитію понятій, въ немъ же почитался и духъ умершихъ родителей — предковъ, ибо кто же больше можетъ желать счастья жильцамъ дома, какъ не умершіе родители, или самые близкіе родные. Отъ этого домовой называется *дѣдушкой*, не только какъ благодѣтельный духъ, но какъ родной, настоящій дѣдъ — предокъ. Быть можетъ, на этомъ основаніи домовой принимаетъ иногда человѣческій образъ и кажется иногда мальчикомъ, иногда старикомъ. Такимъ образомъ въ понятіяхъ о домовомъ сосредоточивались представленія о жизни дома и двора съ его прошедшимъ и будущимъ, съ его счастьемъ и невзгодами и всѣми заботами и работами его хозяйства. Это была сама жизнь людей въ границахъ дома и двора.

Тѣмъ же самымъ путемъ созидался и образъ лѣшаго. Лѣшій въ существѣ своихъ качествъ олицетворялъ жизнь лѣса, совокупность деревъ, предъ которыми человѣкъ терялся и которыхъ не могъ постигнуть. Лѣшій осенью пропадалъ и появлялся весною, стало быть, это не былъ лѣсъ только стоячій деревьями, — это былъ лѣсъ живой, одѣтый живою зеленью, Лѣшій все лѣто шумѣлъ, рыкавшій всякимъ звѣремъ, свиставшій зловѣщимъ свистомъ невѣдомаго существа — дива. Лѣшій былъ такъ высокъ, какъ самое высокое дерево, и такъ малъ, какъ самая малая травка. Это самъ лѣсъ не въ смыслѣ количества деревьевъ, а въ живой полнотѣ того понятія о лѣсномъ царствѣ, какое неизмѣнно воплощалось въ представленіяхъ язычника цѣльнымъ, единымъ существомъ. Волоса у него на головѣ и бородѣ длинные, косматые, зеленые. Онъ остроголовый, мохнатый. Онъ любитъ вѣшаться, качаться на вѣтвяхъ, какъ въ люлькѣ или въ качеляхъ. Онъ свищетъ, хохочетъ, такъ что на 40 верстъ кругомъ слышно; хлопаетъ въ ладоши.

ржетъ, какъ лошадь, мычитъ, какъ корова, лаетъ собакой, мяукаетъ кошкой, плачетъ ребенкомъ, стонетъ умирающимъ, шумитъ рѣчнымъ потокомъ. Всякій лѣсной звѣрь и всякая лѣсная птица находятся подъ его покровительствомъ. Лѣшій иногда заводитъ путника въ непроходимыя трущобы и болота и потѣшается надъ нимъ, перекидывая его дорожныя примѣты: станетъ предъ нимъ тѣмъ самымъ деревомъ, тѣмъ пнемъ, тою тропою, куда слѣдовало по примѣтѣ идти, и непремѣнно собьетъ съ дороги, заливаясь самъ громкимъ хохотомъ. Иногда обращается въ волка, въ филина. Иногда въ образѣ старика, такого же путника въ звѣриной шкурѣ, или въ образѣ мужика съ котомкою, самъ выходитъ навстрѣчу, заводитъ разговоръ, проситъ пирога, проситъ подвезти въ деревню, садится, ѣдетъ, глядь — а его ужъ нѣтъ, а путникъ съ возомъ ужъ въ болотѣ, въ оврагѣ или на крутомъ обрывѣ. Обошедши подобнымъ образомъ путника, онъ принимается его щекотать и можетъ защекотать на смерть. Онъ уноситъ ребятъ, которые приходятъ домой иногда чрезъ нѣсколько лѣтъ. Все это рисуетъ извѣстныя обстоятельства, когда мальчики, дѣвушки или женщины, ходя въ лѣсъ за ягодами и грибами, теряютъ дорогу и, заблудившись, пропадаютъ на нѣсколько дней, а иногда и совсѣмъ.

Однако, это духъ добрый и благодарный, если его задобрить жертвою. Пастухъ, начиная пасти стадо, долженъ пожертвовать ему корову, тогда онъ самъ съ охотою пасетъ стадо. Охотники всегда приносятъ ему на поклонъ краюху хлѣба съ солью, блинъ, пирогъ и кладутъ эту жертву на пень. Другіе жертвуютъ половину улова птицы или звѣря и т. д. На Ерофея, 4 октября, лѣшій пропадаетъ. Въ этотъ день онъ бѣсится, ломаетъ деревья, гоняетъ звѣрей и проваливается. Жизнь лѣса умираетъ на всю осень и на зиму.

Точно также и въ образѣ водяного олицетворялась жизнь воды, жизнь рѣки, озера, болота, т. е. та совокупность невѣдомыхъ и непостижимыхъ, но живыхъ явленій этой стихіи, тѣхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ человѣкъ не могъ понимать истинной причины и, одухотворяя своимъ чувствомъ весь міръ, находилъ и здѣсь такую же живую волю и силу, какими обладалъ самъ.

Водяной живетъ въ омутахъ, водоворотахъ и особенно у мельницы. У этой мудреной постройки, которая и человѣка — мельника непремѣнно дѣлала колдуномъ и другомъ нечистаго.

Водяной — нагой старикъ съ опухшимъ лицомъ — образъ утопленника. Волоса на головѣ и бородѣ длинные, зеленые. Онъ является иногда весь въ тинѣ, въ высокой шапкѣ изъ водорослей, подпоясанъ поясомъ также изъ травы. Всякая водяная трава — это его одежда, его кора. Но онъ является иногда и въ образѣ обыкновеннаго смертнаго мужика. Тогда его легко узнать: полы его платья всегда мокры; съ лѣвой полы всегда каплетъ вода; гдѣ сядетъ, то мѣсто оказывается всегда мокрымъ. Въ омутахъ онъ живетъ богато: у него есть каменныя палаты, стада лошадей, коровъ, овецъ, свиней (утопленники). Женится онъ на русалкѣ (утопленницѣ). Онъ можетъ загонять въ рыболовныя сѣти множество рыбы. Ѣздитъ онъ на сомѣ и очень его жалуетъ. Днемъ водяной сидитъ въ глубинѣ омута. Съ заката солнца начинается его жизнь: тогда и купаться очень опасно; и даже дома опасно ночью пить воду — можно схватить болѣзнь — водянку. Въ лунныя ночи онъ хлопаетъ по водѣ ладонью. Вдругъ завертится и заклубится, и запѣнится вода — это водяной. Онъ бодрствуетъ только лѣтомъ, а зимою спитъ. Онъ просыпается отъ зимней спячки на Никитинъ день, 3 апрѣля. Ломится, прётъ по руслу весенній ледъ, бурлитъ и волнуется рѣка — значитъ просыпается дѣдушка водяной, рѣка оживаетъ. Тогда приносятъ ему въ жертву лошадь, и онъ успокоивается. Рыбаки возливаютъ ему масло, мельники приносятъ черную, откормленную свинью. На Прокопье, когда жизнь рѣки приходила къ концу, водяному приносили въ жертву гуся. Какъ въ домѣ домовой, въ лѣсу — лѣшій, въ водѣ водяной, такъ и въ нивѣ живетъ ея живой духъ, дѣдъ полевой или полевикъ, ростомъ равный высотѣ хлѣба, а послѣ жатвы — каждому оставшемуся срѣзанному стеблю.

Ясно, что всякій духъ, жившій въ лѣсу, въ рѣкѣ, полѣ, на вѣтвяхъ дерева, какъ русалка и т. п., былъ сама жизнь, которую понять и представить себѣ язычникъ иначе не могъ, какъ въ образѣ духа. Въ этотъ образъ живого духа онъ облекалъ и все умершее, не вѣря отъ полноты созерцанія жизни, что въ мірѣ что-либо умираетъ на вѣки.

Язычникъ обожалъ природу, но въ природѣ онъ боготворилъ существенное одно — онъ боготворилъ жизнь во всѣхъ ея образахъ и видахъ, даже и тамъ, гдѣ жизнью являлась одна его мечта. Прежде всего раскрывалось это богопочитаніе земли, поклоненіе ея силамъ въ самомъ кругу годовыхъ временъ; въ этомъ

чередованіи свѣта и мрака, тепла и холода, оживанія всей природы и ея замиранія до новаго тепла и свѣта. Эта-то череда возрожденія и угасанія жизни была могла и служить прямымъ и непосредственнымъ источникомъ для возникновенія и развитія языческихъ созерцаній о жизни, какъ единомъ существѣ всего міра.

Аѳанасьевъ.

Праздники языческихъ славянъ.

Славяне располагали свои празднества сообразно съ тремя временамъ дѣятельности свѣта, выражаемой перемѣнами года, который потомъ дѣлился на три части. Празднествъ было три, по тремъ частямъ земледѣльческаго процесса: посѣять, убрать и приготовить.

Первымъ былъ праздникъ весны, торжество въ честь Лада, воскресеніе или возвращеніе солнца. И теперь у насъ по деревнямъ поются единственно весною до 25 іюня особенныя пѣсни съ именемъ Лада въ припѣвахъ. Время съ 25 мая до 25 іюня для земледѣльческаго класса довольно свободное: тогда сѣвка кончается, а покосъ еще не начатъ.

Праздникъ весны начинался очень рано, когда только отъ солнца начиналъ таять снѣгъ; тогда отправлялось богослуженіе и приносился въ жертву козелъ.

Памятниками этого древняго обычая у славянъ остались 1) пѣсни, въ которыхъ упоминается о такомъ жертвоприношеніи и 2) обычай водить козла, что наблюдалось въ Украинѣ при началѣ весны, обыкновенно при первой недѣлѣ поста. Юноши и дѣвицы гуляютъ по улицамъ съ рукоплесканіями и пѣснями; въ этихъ пѣсняхъ въ первый разъ упоминается имя Лада съ эпитетомъ Лелю, т. е. свѣтлый. По-русски этотъ праздникъ называется проводы. Когда снѣгъ сходилъ, распускались рѣки и показывалась первая трава, отправлялось торжество смерти зимы и водворенія весны. Прежде всего хороводъ, составленный народомъ изъ юношей и дѣвъ, называемый у поляковъ стадо, купался въ знакъ очищенія. Памятникомъ этого обряда остался на Украинѣ еще въ XVII в. обычай: на святой недѣлѣ юноши бѣгали съ ведрами за дѣвицами и обливали ихъ водою, а на другой день дѣвицы

тѣмъ же оплачивали мужчинамъ: въ другихъ мѣстахъ другъ друга бросали въ воду: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россiи до сихъ поръ поселяне погружаются на провесенъ въ воду, потомъ взлѣзаютъ на избу и поютъ пѣсни въ честь весны. Потомъ совершается символическiй обрядъ утопленiя зимы и заклинанiя весны. Въ XVII в. въ Польшѣ дѣлали чучело, надѣвали на него женскую одежду, торжественно несли къ рѣкѣ и повергали въ воду: это чучело называлось Маржаною и означало у славянъ смерть или зиму, т. е. воду въ стоячемъ положенiи. Тогда пѣли: „Смерть вьется по заборамъ, ища себѣ поживы".

Потомъ совершалось заклинанiе или призыванiе весны. Это торжество у русскихъ называется Красною Горкою. Такъ какъ идея свѣтопоклоненiя относилась къ различнымъ предметамъ, то и праздникъ имѣлъ четыре значенiя: религiозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Во-первыхъ, это было торжество приходящей весны. Оно начиналось призыванiями матери солнца, великой Лады. Послѣ того пѣли торжественные гимны въ честь солнцу; хороводъ обращался къ мѣсяцу и звѣздамъ; пѣли священныя пѣсни въ честь воды, совершали моленiя о плодородiи и ниспосланiи дождя, обращались къ лѣсамъ, прося ихъ развиться, призывали птицъ развеселить пѣнiемъ расцвѣтающiя дубравы. Потомъ отправлялись символическiя игры; нѣкоторыя изъ нихъ знаменовали весну, другiя означали воспоминанiя миѳологическихъ событiй. Припѣвы Ладо-Дидо-Ладо! (т. е. великiй Ладо) Лелю-Ладо! Дана! Дана! показываютъ, что всѣ они относятся къ исторiи язычества славянскаго, съ которою связывается свѣто-и водо-поклоненiе. Обряды и пѣсни сопровождались священными огнями: въ честь солнцу, небеснымъ свѣтиламъ и водѣ, невѣстѣ солнца, носили свѣтильники, подобно тому какъ въ Египтѣ на праздникъ Озириса, у грековъ въ честь Аполлона, изображавшагося съ факеломъ, также на праздникъ Цереры и Вакха. Названiе игры горѣлки, игры весеннея, показываетъ, что она первоначально совершалась около зажженныхъ огней.

Второе значенiе Красной горки было земледѣльческое. Такъ какъ это было время сѣянiя, то земледѣльческiя занятiя изображались символическими образами. Доказательствомъ тому служатъ игры, какъ напр., извѣстная игра сѣянiе проса и пѣсни хороводныя, въ которыхъ изображается пахан

вообще, сѣяніе мака, хмеля, ячменя и пшеницы, льна и разныя сельскія работы. Все это, изображаясь въ священнодѣйствіи, какъ бы освящало полевые труды поселянъ.

Третье значеніе праздника было семейственное. Высочайшій ладъ, всемірная гармонія, физически символизуются въ образѣ бракосочетанія огня свѣта съ водою, олицетворяемыхъ подъ именами Свановича и Дѣвицы. Это бракосочетаніе совершалось въ день Купала, а до того времени, весною, предшествовала воображаемая любовь свѣта съ водою, какъ жениха съ невѣстою; слѣдствіемъ этой любви былъ всеобщій расцвѣтъ, радость, свѣжесть. Любовь свѣтоноснаго мужескаго и водянаго женскаго существъ служила первообразомъ соединенія половъ на землѣ. Потому въ хороводѣ, составленномъ для богослуженія, юноши и дѣвицы дѣйствительно соединялись бракомъ при концѣ празднества, а до того времени въ своихъ играхъ и пѣсняхъ выражали взаимную любовь, гдѣ представлена духовная поэзія. И весенніе игры символизуютъ часто любовь и брачное сочетаніе, напр. «Царевичъ и царевна», или «Сѣяніе проса», гдѣ представляется увѣнчаніе дѣвицъ и т. д. Эти игры, исключительная принадлежность Красной горки, объясняются названіемъ и неизмѣннымъ освященіемъ тѣхъ игрищъ, которыя съ тѣхъ поръ должны были совершаться каждый вечеръ между горами, и на которыхъ молодые люди знакомились между собою и приготовлялись къ браку.

Четвертое значеніе праздника было религіозно-погребальное. Тотъ же самый вешній праздникъ, который теперь называется Красною Горкою, называется Радуницею или проводами и фоминками. Послѣ веселыхъ игръ ходили на могилы къ тѣмъ покойникамъ, гдѣ ставили на столахъ сосуды съ питьемъ умершихъ, приносили туда яйца и напитки, дѣлали возліянія въ честь покойниковъ, а женщины въ плачевныхъ пѣсняхъ вспоминали достоинства умершихъ. Потомъ отправляема была тризна или страва, торжественное пиршество, на которомъ пили вино званые и незваные, все въ честь покойниковъ, а потомъ начиналась борьба и ристаніе, подобно какъ въ древности у Грековъ. Эти погребальныя игры считались необходимыми для умершихъ. Мы имѣемъ описаніе такой языческой тризны у Нестора, гдѣ разсказывается, что послѣ пиршества надъ могилою Игоря княгиня Ольга пригласила древлянъ на состязаніе съ кіевлянами. Поминовеніе оканчивалось

радостными пѣснями и танцами, что называлось закликать мертвыхъ, т. е. призывать ихъ къ жизни и надеждѣ на воскресеніе.

Послѣ Красной Горки начинались полевыя работы, сопровождаемыя пѣснями и увеселеніями. Все носило видъ богослуженія Ладу. По вечерамъ собирались юноши и дѣвицы въ хороводѣ, обыкновенно у воды или въ рощахъ. Это-то были тѣ игрища „межю-селы", на которыхъ, по словамъ Нестора, „умыкаху у воды дѣвиця".

Когда земледѣльцы обсѣвались, и наступало болѣе свободное время, когда солнечный жаръ становился ощутительнѣе и развитіе органической жизни шло быстрѣе, славяне отправляли торжество въ честь Ладу, называемое Семикомъ. Праздникъ этотъ былъ тотъ же, который называется у русскихъ Яриломъ, а у словаковъ Турицами и Лѣтницами. Подобно Красной Горкѣ, Семикъ имѣетъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Праздникъ этотъ продолжался нѣсколько дней, можетъ быть собственно семь, а можетъ быть и доходилъ до дня Купала, какъ это можно предположить изъ того, что обряды лѣтницкіе совершаются въ разныхъ мѣстахъ славянщины въ разныя времена, но непремѣнно въ близкія около Троицына дня и купальнаго праздника. Идея его есть поклоненіе свѣтоносному существу въ эпоху сильнѣйшей его дѣятельности. Хороводъ юношей и дѣвицъ въ вѣнкахъ, съ вѣтвями, собирался на берегу рѣки на возвышеніи, въ рощѣ. Срубленное дерево, украшенное лентами, вѣроятно прежде символическими знаками, служитъ непремѣннымъ условіемъ этого праздника у русскихъ поселянъ. Обыкновенно это дерево — береза, и, кажется, оно символизовало мать Ладу природу, ибо береза въ малороссійскихъ пѣсняхъ и народныхъ сказкахъ всегда символизуетъ мать. Къ этому же торжеству относится и обрядъ погребенія Ярилы. Ярила празднуютъ теперь разнымъ образомъ. Встарину человѣкъ разрумяненный, обвязанный лентами и колокольчиками, съ краснымъ колпакомъ на головѣ, шелъ, окруженный толпою народа, которая плясала, пѣла, пьянствовала и билась на кулачки до смерти. Въ заключеніе хоронили чучело мужчины. Такъ описанъ этотъ языческій праздникъ въ Воронежѣ, въ житіи Преосвященнаго Тихона, который истребилъ и проклялъ идола. Въ другихъ мѣстахъ Яриломъ называютъ истукана, одѣтаго въ мужское и женское платье вмѣстѣ. Въ Бѣлоруссіи

Ярило изображался въ видѣ молодого человѣка, убраннаго цвѣтами. По всему однако видно, что Ярило отождествлялся съ Ладомъ, ибо во Владимирской губерніи называютъ Ярила Ладомъ. Этотъ праздникъ отправлялся въ честь свѣта. Праздникъ приходится въ то время, когда вся природа бываетъ, по русскому выраженію, въ яру. Принадлежности этого праздника есть катаніе, особенно посредствомъ вѣнковъ и [illegible], которые бросаютъ въ воду.

Религіозно-земледѣльческое значеніе Троицкаго праздника [illegible] изъ обычаевъ ходить по полямъ съ образами, убитыми цвѣтами. Такъ какъ это происходитъ предъ началомъ покоса и жатвы, то, значитъ, [illegible] отправляли въ то время освященіе полей. Въ Галиціи особенно съ большимъ значеніемъ совершается такая процессія: юноши и дѣвицы идутъ въ вѣнкахъ и поютъ пѣсни, приличныя только этому времени; знамена убиты цвѣтами. Христіанскіе пастыри, распространяя вѣру, кротко обращали въ христіанскіе тѣ изъ языческихъ обрядовъ, которые не заключали ничего противнаго идеѣ христіанства.

Въ семейственномъ отношеніи пѣсни лѣтнія отличны отъ весеннихъ. Въ нихъ уже молодцы не ищутъ [illegible], не изображается первое знакомство любящихся, а выражается предчувствіе скораго брака. Такъ, въ одной пѣснѣ, дѣвушка думаетъ, что скоро придется быть замужемъ, въ другой сожалѣетъ о скоро проходящихъ дняхъ дѣвичества, дняхъ забавъ и пѣсенъ, за которыми послѣдуетъ однообразная жизнь семейная. Оттого, въ весеннихъ пѣсняхъ отецъ отправляетъ дочь на игрище и говоритъ:

Гуляй, дочь моя, сколько хочешь! Два раза не будешь молодою!

А въ пѣсняхъ лѣтнихъ мать посылаетъ дочь повеселиться.

Рядомъ съ гуляньемъ, шествіями и веселыми играми поминали и умершихъ. Хороводъ переходитъ отъ [illegible] къ могиламъ; тамъ отправлялись тризны съ такими же играми, пѣснями и весельемъ. И теперь около этого времени въ обычаѣ поминовеніе [illegible] земное царство свѣта, напоминали отжившимъ, что и для нихъ придетъ время, когда [illegible] и избавитъ ихъ изъ черной ночи.

Въ то же время отправлялось [illegible] русалкамъ, и теперь недѣля, послѣ духовой, называется русальною.

[illegible] Купала. [illegible]

родныхъ празднествъ не оставалось съ его явно-языческими принадлежностями, послѣ принятія христіанства, какъ праздникъ купальный. Духовные въ Россіи силились истребить его и не могли до сихъ поръ: они оставили намъ любопытныя описанія. Въ Стоглавѣ (въ XVI в.) жалуются, что противъ праздника рождества Іоанна Предтечи, противъ ночи и во весь день до ночи, мужи и жены, и дѣти въ домахъ и по улицѣ и, ходя по водамъ, глумы творятъ со всякими играми и всякими скоморошествы и пѣсни сатанинскими, ночью въ рощѣ омываются водою, и пожаръ запаливъ, перескакаху по древнему нѣкоему обычаю". Въ Польшѣ такой обычай назывался соботка, и въ XVI ст. служилъ увеселеніемъ даже высшаго класса. Огонь, назначенный для перескакиванія чрезъ него, добывался посредствомъ тренія дерева объ дерево. У западныхъ славянъ это празднество, называемое также соботка, такъ укоренилось, что на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, 23 іюня вечеромъ, горы Судетскія и Карпаты кажутся пылающими.

Слѣды этого празднества существуютъ у многихъ народовъ. Такъ, въ сѣверныхъ странахъ такой огонь зажигался въ честь Бальдура; въ Германіи онъ называется Johannisfeuer; нѣмцы переводили чрезъ него стада свои. У литовцевъ этотъ праздникъ назывался Росса, и зажиганіе огня было главнымъ его обрядомъ. У древнихъ римлянъ существовалъ пастушескій праздникъ Палилія, когда перескакивали чрезъ огонь и проводили стада; вмѣстѣ съ тѣмъ совершалось очищеніе и посредствомъ воды. У грековъ очищеніе посредствомъ огня и воды составляло важный догматъ религіи и существенную часть таинствъ Цереры и Вакха. Въ глубокой древности, на праздникѣ Весты, 23 іюня, кропили водою дома и перепрыгивали ночью чрезъ зажженные костры. Такимъ образомъ торжество Купала у славянъ было общимъ праздникомъ всего языческаго міра.

Вотъ какъ отправляется этотъ праздникъ въ южной Россіи. Прежде всего юноши и дѣвицы купаются, потомъ надѣваютъ вѣнки изъ черноклена съ душистыми травами, подпоясываются чернобыльникомъ и, предъ захожденіемъ солнца, собираются на возвышенномъ мѣстѣ, непремѣнно надъ рѣкою. Ставятъ два изображенія: одно чучело на подобіе человѣка; другое — дерево, увитое женскими уборами, лентами и вѣнками. Дерево обыкновенно бываетъ черноклёнъ. Потомъ раскладываютъ кучи

соломы и, постановившись кругомъ, поютъ пѣсни и, взявши въ руки изображенія, попарно, парень съ дѣвкою, прыгаютъ черезъ огонь; когда всѣ перепрыгнутъ, бросаютъ въ воду изображенія, изъ которыхъ мужское называется Купаломъ, а женское Мареною. Вслѣдъ за тѣмъ бросаютъ съ себя вѣнки въ воду. Въ пѣсняхъ, которыя поются при этомъ, говорится, что Купало (передѣлываемый обыкновенно въ Ивана) купался, что играло на немъ солнце, и что, наконецъ, купавшись, онъ упалъ въ воду. Поютъ также о Маренѣ, что она необыкновенная красавица, играла въ высокомъ теремѣ, потомъ бросилась въ воду. Кромѣ того, поютъ о какомъ-то женскомъ существѣ, утонувшемъ въ Дунаѣ, и о мужскомъ, изрубленномъ дѣвицами и превратившемся въ нѣсколько цвѣтовъ.

Два изображенія — мужское и женское, Купало и Марена, означаютъ, очевидно, Лада-Свантовита, свѣтоносное начало, и женское водное начало, или Дѣвану; теперь они называются въ народѣ царь-огонь и царица-водица. Бракъ солнца съ водою былъ величайшимъ торжествомъ всего творенія; оттого, по народнымъ суевѣріямъ, и солнце три раза останавливается на день св. Іоанна, и птицы, и звѣри, и цвѣты, и деревья радуются. Въ самомъ дѣлѣ въ то время заключается въ природѣ процессъ растенія и возбужденія; поэтому тогда солнце представляется на высочайшей степени своей всеживотворящей дѣятельности.

Въ отношеніи семейномъ этотъ день былъ великъ у славянъ. Юноши и дѣвицы, составлявшіе хороводъ въ продолженіе праздника Лада, должны были соединиться бракомъ. Хороводъ уничтожается. Каждый юноша выбираетъ себѣ вѣчную подругу. Это доказывается тѣмъ, что пѣсни купальскія суть, по большей части, однѣ и тѣ же, что свадебныя; въ нихъ уже мало поется о любви, а если поется, то о супружеской; дѣвушка теряетъ отца, брата, сестру и пріобрѣтаетъ свекра, свекровь, деверя, золовку. Какъ купанье, такъ и перескакиванье черезъ огонь — обряды брачные, и, кажется, у славянъ языческихъ были тѣмъ, что теперь вѣнчаніе. Такъ Іаковъ Черноризецъ, жившій въ XI в., жаловался митрополиту Іоанну, что простые люди не вѣнчаются, а совершаютъ бракосочетаніе посредствомъ плесканія. Огонь же употребляется на свадебахъ въ Малороссіи и теперь на свадебномъ пиру молодые перескакиваютъ черезъ кучу зажженной соломы, какъ на Купала.

Въ хозяйственномъ отношеніи этотъ праздникъ имѣлъ также высокое значеніе. Въ этотъ день собираются обыкновено травы какъ медицинскія, такъ и такія, которымъ фантазія приписываетъ чародѣйственную силу. Какъ вода, такъ и огонь, и даже вѣнки съ праздника купальскаго, признаются полезными для здоровья. Тогда находятъ подъ чернобыльникомъ какой-то земляной уголь, исцѣляющій отъ болѣзней. Тогда растетъ трава архилина, получаемая, какъ думали встарину, только чрезъ золотую и серебряную гривну, и трава-разрывъ, способная разрушать желѣзо, и цвѣтетъ папоротникъ, символъ таинственной силы свѣта. Огнемъ купальскимъ и водою очищали славяне скотъ, поля и огороды, приготовляясь къ начатію полевыхъ работъ и полагая, что они предохраняютъ произрастенія отъ вредныхъ насѣкомыхъ. И потому, справедливо называютъ Купала богомъ земныхъ плодовъ. Какъ смыслъ высочайшей силы солнца, онъ дѣйствительно былъ божествомъ плодородія.

Неизвѣстно навѣрное, имѣетъ ли праздникъ Купала значеніе для усопшихъ, но то вѣрно, что огонь и вода считались для нихъ необходимыми. Такъ русскіе объясняли арабскому путешественнику Ибнъ Фодлану, что они сожигаютъ тѣла для того, чтобы умершіе невозбранно вошли въ блаженство, слѣдовательно, достигли блаженства посредствомъ огня. Въ Богеміи если и хоронили трупы, не сжигая, то считали необходимымъ, чтобы на могилѣ 3 или 7 дней горѣлъ огонь. Что вода была также необходимою для мертвыхъ, видно изъ того, что, по сказанію того же арабскаго путешественника, мертвыхъ сожигали непремѣнно въ лодкѣ на водѣ. Святославъ, для успокоенія усопшихъ, топилъ въ водѣ пѣтуховъ и младенцевъ.

По окончаніи длиннаго праздника Лада, начинались полевыя работы, которыя, несмотря на свою тяжесть, сопровождаются и теперь пѣснями. Когда жатва оканчивалась, отправлялся другой торжественный праздникъ Свантовиту-Ладу, теперь называемый „обжинки“. Саксонъ Грамматикъ описываетъ его у прибалтійскихъ славянъ такимъ образомъ: „Въ день, назначенный для праздника жатвы, арконскій жрецъ входитъ въ святилище, т. е. внутреннюю часть храма, едва переводя отъ благоговѣнія дыханіе, и смотритъ, есть ли вино въ рогѣ, находившемся въ правой рукѣ идола. Ежели нѣтъ, или мало, это служило предвѣстіемъ хорошаго урожая на будущее время. Народъ собранъ передъ храмомъ и въ внѣшней части храма.

Жрецъ допиваетъ остатокъ вина, наливаетъ рогъ, выходитъ къ народу, выпиваетъ при торжественныхъ моленіяхъ о всеобщемъ благоденствіи, побѣдѣ и мирѣ, желаетъ, чтобы никто изъ присутствующихъ не умеръ, потомъ наливаетъ снова рогъ виномъ и оставляетъ въ рукѣ идола. Послѣ того онъ выходитъ къ народу; приносятъ огромный медовый пирогъ и ставятъ передъ жрецомъ. Жрецъ спрашиваетъ: „Что, видите вы меня?" Если ему отвѣчаютъ: „Не видимъ", то говоритъ: „Ну, чтобы вы меня и на тотъ годъ не увидѣли за большимъ изобиліемъ!" Это драгоцѣнное извѣстіе мы можемъ считать относящимся и къ нашему отечеству. До сихъ поръ у малороссіянъ сохраняется подобный обрядъ, только перенесенный ко времени Рождественскихъ Святокъ. Отецъ семейства садится за столъ, на которомъ стоятъ кушанья, обставленныя снопами. Онъ спрашиваетъ: „Видите ли вы меня дѣти?" Ему отвѣчаютъ: „Не видимъ". Онъ говоритъ: „Ну, дай Богъ, чтобы и на этотъ годъ не увидѣли". Послѣ обряда праздникъ проводился славянами въ пиршествахъ и забавахъ. Теперь въ простомъ народѣ празднуется торжество это съ различными церемоніями въ разныхъ краяхъ. Въ Россіи обыкновенно все село дѣлаетъ складчину, пьютъ и ѣдятъ, и отправляютъ при этомъ обряды, истинно миѳологическіе: напр. дѣлаютъ чучело изъ снопа въ видѣ женщины или приносятъ въ церковь пѣтуха (а пѣтухъ, особенно красный, на всемъ европейскомъ сѣверѣ символизуетъ огонь). Въ Малороссіи жницы и жнецы несутъ снопы въ церковь, сами въ вѣнкахъ изъ колосьевъ, переплетенныхъ съ цвѣтами.

Третій праздникъ у славянъ отправлялся зимою въ то время, когда солнце доходило до наименьшей степени своей силы и возвращалось снова на весну. Праздникъ этотъ имѣетъ основаніе въ общечеловѣческомъ миѳологическомъ понятіи о рожденіи свѣта. У римлянъ тогда отправлялись Януарскія Календы (называвшіяся также Natales Solis invicti). Древнее изображеніе женщины съ младенцемъ было символомъ рождающагося солнца. У скандинавовъ тогда отправлялся праздникъ Юлы, въ знакъ возвращающагося солнца. У славянъ былъ въ то время праздникъ, именуемый теперь Колядою; утверждали, что Коляда есть испорченное слово Calendae, и зашло въ Малороссію отъ поляковъ, которые заимствовали его отъ западныхъ европейцевъ. Но мы знаемъ, что не только въ Мало-

россіи, но и въ Великой Россіи, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ, извѣстно имя Коляды, притомъ находимъ видимое сходство обрядовъ этого праздника съ древними, подобными миѳологическими торжествами. Имя Коляда, какъ можно полагать, не произошло отъ Calendae, а скорѣе однозначательно со словомъ Кола, означающемъ колесо — кругъ солнца; тоже значитъ и Коляда, отъ коло — кругъ, колесо.

Въ отношеніи религіозномъ этотъ праздникъ у славянъ отправлялся въ честь рождающагося солнца, изъ чего уже слѣдуетъ заключить, что годъ славяне начинали съ зимняго поворота. А такъ какъ солнце совершаетъ дѣятельность свою постоянно, и сначала оно является въ маломъ видѣ, то оттого и образовалось понятіе у всѣхъ языческихъ народовъ о рожденіи и дѣйствѣ свѣтоноснаго начала въ годичномъ его бытіи; оттого и произошло изображеніе женщины — олицетворенной природы — съ младенцемъ. Памятникомъ этому служитъ пѣсня:

Уродилась Коляда
Накануне Рождества.

Въ отношеніи семейственномъ этотъ праздникъ, кажется, имѣетъ также значеніе. Колядницы, ходящія подъ окнами въ Малороссіи, поютъ обрядныя пѣсни юношамъ и дѣвицамъ и всегда изображаютъ ихъ еще не знающими любви, но предвѣщаютъ имъ скорое знакомство съ этимъ чувствомъ. Такъ юноша изображается съ аттрибутами молодца, на конѣ, на охотѣ или на войнѣ; нечаянно онъ находитъ себѣ дѣвицу и получаетъ ее то геройскою удалью, то прельщая красотою. Дѣвицѣ расхваливаютъ ея наряды, ея красоту, и говорятъ, что скоро соберутся къ ней князи и бояре (т. е. женихи), будутъ искать любви ея, и, наконецъ, возьметъ доблестнѣйшій и красивѣйшій изъ всѣхъ юношей. По большей части гаданья, существенная часть праздника, относятся къ семейной связи. Дѣвушка хочетъ узнать своего суженаго, юноша свою будущую подругу. Къ такимъ принадлежитъ гаданье посредствомъ лошади: дѣвушки выводятъ коня и проводятъ его чрезъ бревно; ежели конь не зацѣпится, то мужъ у той, которая гадаетъ о себѣ, будетъ добрый, въ противномъ случаѣ — сердитый. Гаданье посредствомъ кольца также древнее. Гаданье посредствомъ куръ, которыхъ заставляютъ пить воду, ѣсть хлѣбъ,

брать кольца и т. п., сходно съ гаданьями римскихъ авгуровъ. Гаданье посредствомъ лучины, которую обмакиваютъ въ водѣ, зажигаютъ и, по скорому зажженію, заключаютъ о выгодномъ или невыгодномъ бракосочетаніи, имѣетъ соотношеніе съ языческимъ понятіемъ о бракосочетаніи огня съ водою. Всѣ эти гаданья исключительно семейныя. Очень вѣроятно, что въ язычествѣ на праздникѣ Коляды — рожденія солнца — составлялся и хороводъ, котораго члены — юноши и дѣвицы — долженствовали на будущую весну своею любовью прославлять всеобщую любовь, выражаемую въ природѣ жизнью, а въ языческой миѳологіи — символическимъ бракосочетаніемъ царя-огня съ царицею-водицею.

Безъ малѣйшаго сомнѣнія, праздникъ Коляды имѣлъ важное значеніе въ земледѣльческомъ отношеніи. Обычаи щедровать и отчасти колядовать у малороссовъ преимущественно земледѣльческіе. Пѣвцы подъ окномъ прославляютъ обиліе и счастіе хозяина, говорятъ, что у него есть и пшеничный хлѣбъ, и кишки, и колбасы, и желаютъ ему такого же благоденствія на другой годъ. „Богъ тебѣ кличе! — говорится въ одной щедровкѣ: даетъ два лана жита, а третій пшеницы, а четвертый гречихи, а пятый овса“. Въ другой говорится, что Богъ любитъ хозяина, и когда онъ посѣетъ на будущій годъ хлѣбъ, то Богъ ниспошлетъ на ниву его дождь, который упадетъ три раза въ маѣ, и на нивѣ уродится жито и пшеница, а хозяинъ, въ благодарность за хорошее желаніе, долженъ поставить пѣвцамъ меду и вина. У великоруссовъ хозяину желаютъ корысти въ домъ, а хозяйкѣ предвѣщаютъ, что она будетъ печь пироги, что значитъ принимать гостей. При святочныхъ подблюдныхъ пѣсняхъ всегда прежде всего воздается хвала хлѣбу:

Пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ.

Многія изъ гаданій относятся къ урожаю въ будущемъ году, какъ и къ женитьбѣ. Гаданье посредствомъ соломины, которую берутъ, закинувъ голову, ртомъ изъ снопа и заключаютъ о счастіи, когда вынется соломина съ колосомъ, и о несчастіи, когда пустая, есть гаданье земледѣльческое. Обычай посыпать зерномъ на Новый годъ, наблюдаемый въ Великой и Малой Россіи, сопряженъ съ большимъ торжествомъ, кото-

рое называется авсень у великоруссовъ, а у малороссіянъ щедрымъ вечеромъ. Этотъ праздникъ въ язычествѣ имѣлъ, вѣроятно, значеніе освященія зеренъ, приготовляемыхъ для посѣва. У малороссовъ поется при этомъ о святомъ Иліи, который носитъ плеть изъ жита, и гдѣ махнетъ ею, тамъ растетъ хлѣбъ. Подъ святымъ Иліею, вѣроятно, сокрылось другое языческое существо, которое могло быть не иной кто, какъ Ладъ свѣтъ, всеоживляющее, дарующее всякое благо, начало, Бѣлый Богъ, Святовитъ, покровитель земледѣлія.

Костомаровъ.

Святилища и обряды языческаго богослуженія славянъ.

Чувствуя силу природы, славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество и по ея дѣйствіямъ, были ли они благодѣтельны для него, или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ и проч. О духахъ горъ, водъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрья въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ.

Особенно было распространено поклоненіе божествамъ воды и огня.

Воду почитали славяне стихіей, изъ которой образовался міръ, и земля, по ихъ понятію, выплыла изъ моря, что видно изъ преданій, сохранившихся у разныхъ славянъ до нашего времени... Въ языческое время поклоняясь воднымъ божествамъ, призывая ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, очищались водою, какъ стихией священною, молились надъ водою, приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточные вѣнки, яства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣря также, что имъ извѣстно было прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судьями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними

торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ; это было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣроятностію можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятія древнихъ славянъ, что огонь, подобно водѣ, былъ первородною стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра.

Объ обоготвореніи огня славянами-язычниками мы имѣемъ извѣстія писателей арабскихъ. Древнее огнепоклоненіе указывается многими повѣрьями и обычаями славянъ современныхъ. Такъ всѣ славяне сохранили суевѣрную боязнь къ духамъ огня, огнянамъ, огневикамъ и т. п., являющимся въ видѣ огненныхъ людей, блуждающихъ огней, огненныхъ змѣй и проч. У всѣхъ славянъ есть вѣрованіе въ чистоту вновь возжигаемаго огня (посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева), называемаго у русскихъ и нѣкоторыхъ другихъ славянъ живымъ или живичемъ (отъ жечи — жигати — возгнѣтать). У всѣхъ же славянъ есть что-то въ родѣ религіознаго уваженія къ очагу, какъ обиталищу духовъ, домовыхъ и пр.

Во всѣхъ земляхъ славянскихъ остается въ обычаѣ огневозжиганія въ полѣ почти вездѣ во время праздника Купала, а кое-гдѣ во время праздника Коляды и въ другое время; эти огневозжиганія соединены у многихъ славянъ съ перескакиваніемъ черезъ огонь — символъ очищенія огнемъ и съ обычаемъ жертвоприношеній огню. Во всѣхъ земляхъ славянскихъ остается также въ обычаѣ гаданія по пламени, углямъ, золѣ и т. п. У всѣхъ славянъ, отъ которыхъ уцѣлѣли памятники юридическія или преданія, былъ въ обычаѣ судъ огнемъ и желѣзомъ; всѣ памятники, въ которыхъ упоминается о судѣ Божіемъ водою, говорится и о судѣ желѣзомъ. Древнѣйшее свидѣтельство о поклоненіи огню русскими читаемъ въ словѣ Христолюбца: „И огневи молятся, зовутъ его сварожичемъ, и огневи молятся подъ овиномъ". Другое древнее свидѣтельство о поклоненіи огню находимъ у Кирилла Туровскаго: „Уже бо не нарекутся богомъ стихія, ни солнце, ни огнь"... Огонь, какъ первосозданная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему

молились — на очагѣ, подъ овиномъ у костра: ему приносили жертвы. Его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, человѣку невѣдомыхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы Коляда и Купало; ему посвящался особенный день четвергъ, и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ. Горы, скалы и камни считались обиталищами божества и потому не могли не быть почитаемы, какъ священныя мѣста богослуженія. „Не нарицайте себѣ бога въ камени", говорилъ русскій проповѣдникъ XII ст. Кириллъ, увѣщевая русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ Христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ. Божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы: къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее, и вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ славянъ были жертвенники, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карпатахъ, Судетахъ, Исполиновыхъ горахъ и проч.

Лѣса, рощи и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали славяне, и сохранили отчасти донынѣ, чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ, поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ славянъ. О богослуженіи подъ деревьями у русскихъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный: „Приходя на островъ св. Георгія — говоритъ онъ — русскіе совершали жертвоприношеніе подъ большимъ дубомъ". Въ уставѣ Владиміра о церковныхъ судахъ, говорится о тѣхъ, кто молится въ рощеніи", а въ житіи князя Константина Муромскаго читаемъ о поклоненіи „дуплинамъ деревяннымъ, вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе". Этотъ послѣдній обычай сохраняется до сихъ поръ въ Малороссіи, гдѣ на посвященныхъ дубахъ вѣшаютъ полотенца и мотки ниток, называя это приношеніями русалкамъ. Въ Густинской лѣтописи упоминается о жертвоприношеніяхъ рощеніямъ; а въ Ипатьевской лѣтописи — о служеніи около куста. И хотя уже Кириллъ Туровскій говорилъ, что „уже бо не нарекутся богомъ древеса", однако не только духовный регламентъ запрещалъ „предъ дубомъ молитвы пѣть, но и до сихъ поръ народъ русскій разсказываетъ многое о духахъ, живущихъ въ лѣсахъ, о чудесахъ, тамъ происходящихъ, сохраняетъ благоговѣніе къ нѣкоторымъ

старымъ деревьямъ, и даже кое-какіе обычаи, напоминающіе о языческомъ лѣсномъ богослуженіи. Такъ въ сказкахъ и заговорахъ говорится о „силѣ видимой невидимой“, живущей въ садахъ и лѣсахъ, о дубѣ мокрецкомъ, какъ о чемъ-то священномъ и пр. Семицкая пѣсня: „Подъ липою столъ стоитъ“, какъ замѣтилъ уже Снегиревъ, намекаетъ на какой-то жертвенный обрядъ. Нѣкоторые изъ раскольниковъ совершаютъ свои обряды въ чащѣ лѣса; простой народъ вообще охотно вслушивается въ лѣсное ауканье, какъ въ голосъ судьбы... Ко всему этому прибавимъ еще, что въ рощахъ и лѣсахъ любили язычники славяне хоронить мертвыхъ. Изо всего, что сказано выше о лѣсахъ и рощахъ, какъ святилищахъ, можно вывести слѣдующее: служеніе богамъ совершалось — или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, нерѣдко дуплистымъ, такъ что иногда мѣсто святилища было огорожено кольями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви, или около куста, или же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Совершеніе служенія поручалось жрецамъ, если не всегда и не вездѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ: въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ и на землѣ, славянинъ вѣрилъ, что все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благости божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло, по вѣрованію славянъ, жизнью каждаго человѣка. Славяне вѣровали въ дѣвъ жизни: преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ славянъ и до сихъ поръ. Хорутане называютъ ихъ рожденицами и разсказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою рожденицу, которая предсказываетъ ему судьбу его. Русскіе славяне вѣрили также въ эти существа, называя ихъ *рожаницами*. „Молятся и роду, и рожаницамъ“, говоритъ одинъ христіанскій обличитель языческихъ вѣрованій. У всѣхъ славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе

въ предопредѣленіе божье. Русскіе говорятъ: „Чему быть, тому не миновать; суженаго конемъ не объѣдешь" или, какъ выражались прежде: „Ни хитру, ни горазду суда Божія не минути". Сербы говорятъ: „Отъ Божьей воли нельзя никуда уйти". Славяне вѣрили, что боги и въ милости, и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его моленій, и различными знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждать ли ему удачи въ дѣлѣ или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ, на землѣ — во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе досель осталось у славянъ. „Вѣруемъ", говоритъ Кириллъ, — „въ дятловъ, въ воронъ и синицъ. Когда идемъ куда, и если которая впереди заиграетъ, то мы останавливаемся и слушаемъ: правая ли играетъ или лѣвая? Если играетъ по нашей мысли, то мы говоримъ себѣ: добро намъ эта птица, доброе предвѣщаетъ она намъ. Если что на дорогѣ случится дурного, то говоримъ окружающимъ насъ: „а что, не воротиться ли? Когда отправляемся куда, заходимъ къ волхвамъ, вѣруемъ въ чихъ, — въ встрѣчу, а когда идемъ въ долгій путь, мы слушаемъ птицу!"

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Все зависѣло отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва, все — и жизнь, и счастье, и несчастие человѣка; богами насылались бѣдствія, подобныя мору и голоду; богами казнились люди за неправоту, за нецѣломудріе и пр.

Въ мѣстахъ, освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ предъ лицемъ самого божества, нельзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а обращаясь къ богу, молельщики выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленныя. Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Пѣніе было принадлежностью языческой религіи славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что „пѣвца добра милуютъ боги", и что пѣвецъ Баянъ былъ внукомъ бога солнца Велеса.

Молитвы сопровождались жертвоприношеніями. Между ними нельзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ

жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ оскорбленіи приносимаго, объ отрѣшеніи отъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хотя благомъ, но разгнѣванномъ и страшащемъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго. Возношенія чаще всего были огнемъ и яствами. Обычаи разложенія огня сохранился до сихъ поръ у многихъ славянъ, не совсѣмъ забывшихъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды, или новогодія, и въ праздникъ Купалы, или Креса, въ половинѣ года. Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію лѣтописцевъ вѣками возношеній горѣлъ постоянно: „Ему, какъ Богу, жертву приносили и огонь неугасающій съ дубоваго древа непрестанно палили". Возношенія яствами были также обыкновенны: „Ты, Перунище, до сыта ѣлъ и пилъ, а теперь плыви прочь", говорилъ Перуну одинъ изъ его прежнихъ почитателей. „Кладутъ имъ требы, короваи имъ ломятъ, моленіе то бравши дають и ядятъ, ставятъ кумирамъ трапезы", сообщаетъ одно обличительное русское слово. Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Жертвы закланія возносимы были ежегодно въ честь божествъ во время праздниствъ, имъ посвященныхъ, и, кромѣ того, при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ: такъ, между прочимъ, и при совершеніи обряда погребенія. Что должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось, если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гаданіемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напримѣръ быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время приготовленія жертвъ совершались таинства, и при этомъ жрецы, для того чтобы воздухъ дыханія своего не осквернилъ жертвъ. Не при-

несенія жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо, какъ яства, на слѣдовавшемъ за тѣмъ пиршествѣ. Видно также, что жертвы могли приноситься и злому богу, враждебному людямъ. Во всякомъ случаѣ жертвы, закланія имѣли двоякій характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ-нибудь большимъ. Жертвы сожженія имѣли преимущественно характеръ дара богамъ; онѣ были вообще въ большемъ обычаѣ у славянъ. Самое слово жертва или жаривана происходитъ отъ жрѣти — сожигать. Было у славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у русскихъ, поляковъ и балтійскихъ славянъ; можно догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ славянскимъ народамъ. „Русскіе во время язычества, говоритъ нашъ лѣтописецъ, приводили дочерей своихъ и сыновей, приносили жертвы бѣсамъ, осквернили землю требами своими, и осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ".

Гаданія составляли столь же необходимую принадлежность богослуженія славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою: раскрыть ему свою волю и его будущее, подать ему совѣтъ или повелѣніе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, открыть его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинаніи зналъ впередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, что божества и безъ воли человѣка раскрывали ему будущее.

Гадая о будущемъ, славянинъ язычникъ допрашивалъ божество, во-первыхъ, о томъ, быть ли чему, или не быть, дѣлать ли ему что, или не дѣлать, — во-вторыхъ, о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно то и было гаданьемъ по жребію. Распространенное во время язычества, оно и досель составляетъ у простого народа славянскаго очень важную часть суевѣрій. Гаданія, въ понятіи язычниковъ — славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и част-

ную, и общественную. Гаданіемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось понынѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ семьѣ; въ городахъ избирали жениховъ для дѣвушекъ, и старожилы еще запомнятъ, какъ москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго. Судъ по жребію былъ также обыченъ у славянъ, особенно судъ Божій. И здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ жребій имѣлъ религіозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданіемъ рѣшали предпріятія общественныя: походы и битвы, сухопутныя и морскія; гаданіемъ назначались дни богослужебныхъ праздниковъ; гаданіемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ.

Срезневскій.

Борьба началъ свѣта и тьмы по воззрѣніямъ славянъ.

Въ своемъ младенчествѣ народъ такъ же мало понимаетъ все, что его окружаетъ, что происходитъ на землѣ и на небѣ, какъ ребенокъ то, что происходитъ въ домѣ его родителей и внѣ дома. Какъ ребенокъ чувствуетъ свою зависимость отъ старшихъ, его окружающихъ, такъ и народъ чувствуетъ свою зависимость отъ олицетворяемыхъ имъ явленій окружающей его природы. Нашъ простолюдинъ небо называетъ отцомъ батюшкою, а землю — матушкой, кормилицей; въ сказкахъ нашихъ и пѣсняхъ часто вспоминается мать сыра-земля. Небо, солнце, земля, по представленію первобытнаго человѣка, грѣютъ, питаютъ, кормятъ народъ, хотя хлѣбъ добываетъ онъ собственнымъ трудомъ. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему приведетъ трудъ земледѣльца, когда земля не добра, безплодна, когда солнце не будетъ грѣть вдоволь, а небо заупрямится, не смилуется надъ человѣкомъ, не пошлетъ благодатнаго дождика? За блага, даруемыя природою человѣку, народъ въ своемъ младенчествѣ любитъ ее, обожаетъ, поклоняется ей, какъ Богу, обращается къ ней въ своихъ нуждахъ, въ горѣ, въ болѣзни.

Небо, солнце, земля — эти силы природы, казались славянамъ добрыми, благодатными богами.

Но не однѣ только добрыя, благодѣтельныя силы видѣли предки наши въ природѣ: если бъ одни только добрые боги владычествовали въ мірѣ, какъ доброе солнышко, откуда бы тогда взялись всѣ несчастія, постигающія человѣка: и голодъ, и холодъ, и болѣзнь, и смерть? Солнце, думали, доброе, не допуститъ человѣка голодать; значитъ, есть въ мірѣ и въ природѣ злыя силы, злыя божества; навѣрное, это они мѣшаютъ исполниться добрымъ желаніямъ бога-солнца, это они ниспосылаютъ стужу и всякія напасти на человѣка, разрушаютъ все то, что создано благотворными богами. Такимъ образомъ у славянъ, какъ и у всѣхъ младенческихъ народовъ, были боги добрые и злые.

И самые добрые боги, каково солнце, не всегда бываютъ милостивы къ людямъ; вѣдь и добрые люди подъ-часъ прогнѣваются и творятъ зло. Солнце — творецъ урожая, податель пищи, покровитель всѣхъ бѣдныхъ и сирыхъ; но, когда люди прогнѣваютъ доброе солнышко, оно шлетъ на землю свои огненныя стрѣлы, жгучіе палящіе лучи солнца, причиняющіе засуху, а съ ней голодъ и моръ. Солнце праведно; оно караетъ человѣка за всякую неправду, нечестіе.

Наши праотцы, видя солнце движущимся будто бы по небу, видѣли въ этомъ огненномъ шарѣ живое существо; имъ представлялось оно богомъ, выѣзжающимъ каждое утро изъ своего золотаго дворца; выѣзжаетъ солнце-богъ въ своей свѣтозарной колесницѣ, запряженной бѣлыми огнедышущими конями, ѣдетъ по небу, откуда ниспосылаетъ оно на землю благодатное тепло и свѣтъ. При этомъ первобытному человѣку невольно приходили въ голову вопросы: „Какъ идетъ солнце по небу? Отчего нѣтъ пыли на его дорогѣ? Отчего не скатится солнце внизъ съ своего небеснаго пути?“

Утренняя и вечерняя заря представлялись двумя божественными сестрами, которыя постоянно находятся при солнцѣ, этомъ свѣтломъ божествѣ дня, и прислуживаютъ ему. Утренняя заря предшествуетъ солнцу, выводитъ на небесный сводъ его бѣлыхъ коней и яркими стрѣловидными лучами солнца поражаетъ мракъ и туманы ночи, разсѣваетъ ихъ; вечерняя заря принимаетъ ослѣпительно бѣлыхъ коней солнца, когда оно, совершивши свой дневной поѣздъ, скрывается на западѣ, за горизонтомъ.

Показываясь раннимъ утромъ на краю неба, одѣтаго темною ночною пеленою, солнце казалось нашимъ далекимъ предкамъ

какъ бы рождающимся изъ тьмы; наоборотъ, когда солнце заходило вечеромъ, оно казалось умирающимъ. Прошло много вѣковъ, прежде чѣмъ увѣрились, что одно и то же солнце должно восходить ежедневно, и что, удалившись отъ земли во время холодной зимы, оно не покинетъ ея навсегда, а опять приблизится къ землѣ и принесетъ съ собой весну и лѣто.

Согласно поэтическимъ воззрѣніямъ славянъ на природу, на небѣ постоянно происходила борьба между свѣтлыми существами, какъ солнце, гроза, и другими, враждебными имъ, темными, злыми божествами, какъ облака, омрачающія ясное небо. Каждый разъ, когда эти свѣтлыя и темныя божества вступали въ борьбу, первобытные, младенческіе народы мучились сомнѣніями и вопросами: „Чѣмъ можетъ кончиться эта борьба? Не скроется ли уже солнце навсегда и перестанетъ грѣть и свѣтить землѣ? Что станется тогда съ людьми? Или же солнце выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы съ темными силами и опять покажется на небосклонѣ? Да и то же ли будетъ это солнце, или замѣнитъ его какое-нибудь новое“.

Такъ думали и тревожились наши отдаленные предки каждый разъ при наступленіи ночи или зимы. За то какъ велика была ихъ радость при наступленіи каждой весны! Сколько веселья, пѣсенъ и радостей приносила она! Какими шумными, торжественными праздниками привѣтствовалось возрожденіе весны.

Младенческіе народы, простодушные еще, какъ дѣти, заставляли своихъ боговъ творить на небѣ то же, что дѣлалось на землѣ; вѣдь ссорятся же и враждуютъ между собою люди, отчего же не ссориться самимъ богамъ, когда они являлись воображенію народа въ человѣческомъ образѣ? Къ тому же наши предки думали объяснить себѣ такимъ образомъ, этой вѣчной враждой и борьбой боговъ свѣта и тьмы, непонятныя еще въ то время явленія природы, каковы смѣна дня и ночи, смѣна временъ года и проч.

День и ночь представлялись въ воображеніи нашихъ предковъ въ постоянной враждѣ; народная загадка называетъ день и ночь раздорниками, т. е. ссорящимися. „Кои два супостата препираются?“ спрашиваетъ старинная народная загадка, и тутъ-же сама отвѣчаетъ: „День и ночь“.

Они постоянно враждуютъ и сражаются, то день, то ночь побѣждаетъ. Одолѣвая въ вечернюю пору своего противника, ночь налагаетъ на него свои оковы, день лежитъ связаннымъ

плѣнникомъ и не можетъ до утра показываться людямъ на глаза, пока не разорветъ наложенныхъ на него ночью цѣпей.

Та же борьба, какая видѣлась нашимъ предкамъ при ежедневной смѣнѣ дня и ночи, видѣлась имъ и въ смѣнѣ лѣта и зимы. Когда, съ приходомъ весны, снова раздавались удары грома, умолкавшіе на зиму, то въ этихъ раскатахъ грома слышались нашимъ предкамъ удары, наносимые Перуномъ, богомъ грома и молніи, тучамъ, этимъ демонамъ, злымъ богамъ; въ молніяхъ видѣлся блескъ несокрушимой палицы Перуна или летучихъ стрѣлъ, въ шумѣ бури слышались воинственные клики сражающихся. Грозныя и мрачныя тучи надвигались на небо и закрывали собой ясное солнышко — это, должно быть, злыя, враждебныя ему существа брали его въ плѣнъ и удерживали въ своихъ затворахъ въ плѣну золотые лучи солнца. Чѣмъ долѣе оставались на небѣ тучи, чѣмъ дольше продолжалось ихъ царенье, тѣмъ страшнѣе становилось за солнце.

Лунныя и солнечныя затменія предки наши объясняли себѣ по-своему тѣмъ, что свѣтила небесныя во время затменій находятся въ пасти чудовищъ, собирающихся поглотить солнце или луну, поэтому во время затменія старались производить всевозможными мѣрами шумъ, думая, что чудовища испугаются и выронятъ изъ пасти свою добычу. „Волколакъ съѣдаетъ солнце!“ вотъ что восклицали наши предки при видѣ солнечнаго затменія. И теперь, во время затменія солнца или луны, крестьяне, чтобы прогнать злыхъ боговъ, пожирающихъ небесныя свѣтила, бѣгаютъ по деревнямъ и селамъ съ бѣшенымъ крикомъ и гамомъ; чтобы еще больше напугать нечистую силу, ударяютъ они въ бубны, тазы, сковороды и чугунныя доски, бренчатъ колокольчиками и бубенчиками, хлопаютъ бичами и стрѣляютъ изъ ружей; а пройдетъ часъ затменія, и вотъ радуются крестьяне, въ полной увѣренности, что не даромъ кричали да шумѣли, прогнали таки нечистую силу.

Славяне вѣрили, что въ громѣ и молніи живетъ и дѣйствуетъ сила бога Перуна, который считался главнымъ изъ боговъ. Его представляли себѣ наши предки разъѣзжающимъ по небу въ пламенной колесницѣ, запряженной крылатыми огнедышущими конями. Старинная русская поговорка: „Ѣдетъ Боже съ перунцемъ, стучитъ колесомъ“, указываетъ на то, что въ раскатахъ грома, дѣйствительно, представлялся нашимъ предкамъ поѣздъ бога-громовника; перунъ — это страшное оружіе, ко

горамъ, какъ полагали наши предки, богъ грома и молніи посылалъ страшные удары. Перунъ являлся въ воображеніи народа вооруженнымъ палицею или лукомъ и огненными стрѣлами. Какъ солнечные лучи представлялись стрѣлами бога солнца, которыми оно гонитъ поутру ночь, разсѣкаетъ туманы и разбиваетъ при началѣ весны льды и снѣга, такъ и молніи казались стрѣлами бога громовника. Какъ молніи представлялись славянамъ огненосными стрѣлами Перуна, такъ радуга являлась въ воображеніи народа огненнымъ лукомъ, съ котораго пускались стрѣлы Перуномъ. До сихъ поръ говорятъ въ народѣ: „Ахъ ты, радуга-дуга, ты убей мужика!“. Такъ то смотрѣли славяне на явленіе грома и молніи. И что же, въ самомъ дѣлѣ, развѣ не напоминаютъ намъ раскаты грома грохотъ быстро катящейся колесницы и топотъ отъ копытъ быстрыхъ коней? Развѣ быстрота молніи не напоминаетъ быстроту, съ какою летитъ пущенная съ лука стрѣла? Грохотъ грома и вой бури во время грозы не напоминаютъ ли намъ свистъ летящей стрѣлы, шумъ и т. д. брошеннаго сильною рукою? Страшные удары молніи, производящіе убійства и пожары, не такъ же ли ужасны, какъ и смерть, поражавшая острой стрѣлы или копья? И теперь еще поселяне, заслышавъ раскаты грома, думаютъ, что это Илья Пророкъ ѣдетъ по небу въ огненной колесницѣ: отъ грохота ея колесъ и происходитъ слышимый нами громъ.

Какъ солнце представлялось нашимъ праотцамъ въ вѣчной борьбѣ съ демонами, темными, нечистыми силами, враждебными свѣту, такъ и богъ громовникъ. Не даромъ этотъ богъ-громовержецъ представлялся въ воображеніи народа вооруженнымъ огненными стрѣлами или копьями, молотомъ, палицей или огненнымъ мечомъ. А то какъ могъ бы богъ-громовникъ вести борьбу съ демонами тучъ и злыхъ тумановъ? А поражая ихъ своимъ оружіемъ, онъ низводитъ на жаждущую землю дождевые потоки и даетъ просторъ ясному солнцу. Вѣдь это они, эти мрачные демоны тучъ, производятъ все зло въ природѣ. Не они ли укрываютъ облачными покровами небесныя свѣтила и студеными вѣтрами задерживаютъ паденіе дождя? Не они ли похищаютъ въ злобныхъ цѣляхъ дожденосныя облака и порождаютъ губительную засуху? Не они ли скрываютъ золотые солнечные лучи въ темныхъ пещерахъ тучъ? А чья же эта работа, какъ не этихъ злыхъ, враждебныхъ людямъ демоновъ, что въ осенніе и зимніе мѣсяцы воды сковываются

облаками, дождь не орошаетъ земли, и блескъ солнца помрачается туманами? Да, въ это безотрадное время пагубные демоны не сидятъ безъ дѣла: тогда-то они и строятъ въ небѣ крѣпкіе города и заключаютъ въ нихъ плѣненныя и скованныя дождевыя облака и золотые солнечные лучи. Но не долго торжествовать вамъ свою побѣду! Вотъ ужъ скоро настанетъ весна, и тогда выступитъ во всей своей силѣ и во всемъ блескѣ своего мѣткаго оружія могучій Перунъ, своей палицей разобьетъ онъ воздвигнутые вами въ небесахъ укрѣпленные города, пробуравитъ облачныя скалы и прольетъ скрытыя въ нихъ благодатныя воды на томимыя мучительной жаждой поля, и снова озарится ослѣпительнымъ блескомъ свѣтильникъ солнца.

Такимъ-то образомъ происходитъ вѣчная вражда между богомъ-громовникомъ и злыми губительными демонами тучъ, и каждый разъ, послѣ каждаго пораженія ихъ, они возстаютъ съ новою силою и снова вызываютъ на бой Перуна. Хорошо еще, что у Перуна есть вѣрные и дружные помощники, какъ напримѣръ, вѣтры, которые помогаютъ ему въ этой нескончаемой борьбѣ съ безчисленными полчищами облачныхъ демоновъ. А демоны эти вѣдь всѣ чудовищные великаны и драконы, огромнѣйшіе змѣи, и что мудренаго въ томъ, что не справиться бы, пожалуй, съ ними Перуну одному. Въ раскатахъ грома слышится стукъ небеснаго оружія, въ воѣ бури звуки военныхъ роговъ и клики сражающихся, а въ блескѣ молніи свѣтятся искры отъ ударовъ мечей.

Когда наставала весна и приводила съ собой дождевыя тучи, когда раздавались удары грома и сверкали молніи, предки наши привѣтствовали появленіе ихъ военными играми, воинственными кликами и стукомъ оружія: всѣмъ этимъ они старались подражать тѣмъ дѣйствіямъ грозы, которыя усматривали на небѣ, во всемъ этомъ изображалась борьба бога-громовника съ демонами-тучами. До сихъ поръ сохранилось у славянъ повѣрье, что нечистые духи и вѣдьмы боятся звона колоколовъ, который напоминаетъ имъ удары грома, и вотъ, заслышавъ звонъ колоколовъ, черти улетаютъ, какъ можно дальше. Если звонъ застигнетъ ихъ вблизи, то охватываетъ [illegible] звуками, какъ волнами, и вертитъ въ страшномъ вихрѣ словно легкую ладью, попавшую въ стремительный водоворотъ.

Потому въ нѣкоторыхъ славянскихъ [illegible] во время грозы звонятъ въ колокола и стрѣляютъ изъ ружей, чтобъ разогнать

черти, которые угрожаютъ полямъ бурею и опустошеніемъ. Народъ нашъ и понынѣ увѣренъ въ томъ, что во время грозы разъѣзжаетъ по небу въ колесницѣ разгнѣванный богъ и преслѣдуетъ молненосными стрѣлами дьявола. Народъ и теперь считаетъ молнію за стрѣлу, которую бросаетъ Илья пророкъ въ змѣя или въ дьявола, который, какъ только завидитъ молнію, тотчасъ прячется отъ нея, нерѣдко въ косматыхъ животныхъ, каковы кошка, собака. Поэтому поселяне наши во время грозы выгоняютъ изъ избы кошекъ и собакъ, чтобы избѣгнуть удара отъ небеснаго пламени. Но не укрыться дьяволу нигдѣ отъ преслѣдованія: находитъ-таки его вездѣ и поражаетъ на смерть небесная стрѣла. Мѣстами у насъ народъ вѣритъ, что Илья пророкъ побиваетъ нечистыхъ дьяволовъ каменными стрѣлами, и что на мѣстѣ пожара, произведеннаго ударомъ молніи, и вообще послѣ грозы, можно находить чудесную громовую стрѣлу. По этому повѣрью, стрѣлы громовыя, когда ниспадаютъ изъ тучъ, уходятъ далеко въ глубь земли, а тогда черезъ три или черезъ семь лѣтъ возвращаются на поверхность земли въ видѣ черного или сѣраго продолговатаго камушка.

Наши простолюдины вѣрятъ, что человѣкъ, убитый громомъ, очищается отъ своихъ грѣховъ, потому что бываетъ невинною жертвою укрывшагося за нимъ дьявола. А дьяволъ не думаетъ и не спроста прячется за человѣкомъ: знаетъ онъ, что человѣка-то Богъ любитъ; но изъ-за дьявола Богъ и человѣка подчасъ не пожалѣетъ. Славяне вообще убѣждены, что молнія, эта стрѣла божія, всегда бьетъ въ то мѣсто, гдѣ скрывается дьяволъ.

Богомольные и набожные хозяева во время грозы [illegible] зажигаютъ громницы, кадятъ, вообще [illegible] и запираютъ двери и окна, чтобы злые духи, гонимые молненосными стрѣлами бога-громовника, не спрятались въ избѣ и не привлекли громоваго удара.

[illegible]

О поэзіи.

Поэзія есть выраженіе духа человѣческаго во всѣхъ его проявленіяхъ, не просто вымыселъ безъ всякаго отношенія къ дѣйствительному міру, сухое, голое отвлеченіе, но живое изображеніе дѣйствительности; напротивъ, она есть способ-

шее сочетаніе идеальнаго съ дѣйствительнымъ, вѣрнѣйшее осуществленіе идеи изящнаго въ прекраснѣйшей, приличнѣйшей ей формѣ, такъ сказать, ея очувствленіе; она — творчество по глубокому уразумѣнію силы внутренняго съ внѣшнимъ его образомъ, творчество по идеаламъ, отъ вѣка существующимъ, присущимъ всѣмъ временамъ и народамъ, гармоническое соединеніе духа и матеріи. Она истинное изображеніе жизни въ ея дѣйствительности, жизни, коей всякое біеніе уловлено, схваченъ внутренній, настоящій смыслъ каждой ея части, проявленъ въ формахъ, вполнѣ ее выражающихъ, безъ педантизма, мелкой точности въ частностяхъ, легко добавляемыхъ при полной передачѣ главнаго, существеннаго. Но родъ человѣческій слагается изъ народовъ, изъ коихъ всякій имѣетъ свою поэзію, потому что поэзія прирождена народу; народъ, какого бы племени онъ ни былъ, вовсе безъ поэзіи быть не можетъ. Такое явленіе не въ природѣ вещей; такой безпоэтичный народъ — необычное дѣло; это не нуждается ни въ какихъ подтвержденіяхъ. Отсюда у каждаго народа есть ему одному только свойственная поэзія, какъ плодъ внутренняго его творчества, его поэтической способности. Это его поэзія, по тому самому, что составляла произведеніе его, непремѣнно и прежде всего должна быть отпечаткомъ его душевнаго быта, отголоскомъ всѣхъ его стремленій, являться въ томъ или иномъ видѣ, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, положенія, обстоятельствъ, стн., безпристрастно отражать внутреннюю и внѣшнюю сторону существованія его, быть своенародною, современною. Будучи народною, она не перестаетъ быть изящною; изящное никогда не измѣнно, оно всегда и вездѣ равно самому себѣ, одинаково. Истинно изящное доступно и понятно всѣмъ вѣкамъ и народамъ и можетъ быть оцѣнено всѣми по своему достоинству. Всѣ народы согласно признаютъ одинъ и тотъ же предметъ прекраснымъ, изящнымъ, потому что въ духѣ нашемъ существуетъ первообразъ красоты, что идея изящнаго — неотъемлемая принадлежность всего человѣчества; оно равное производитъ впечатлѣніе и на грубыхъ, дикихъ народовъ, и на самыхъ просвѣщенныхъ. Только форма проявленія изящнаго до безконечности разнообразна; нимало не измѣняя сущности его, народъ дѣлаетъ прекрасное согласно своимъ понятіямъ о немъ, согласно степени своего эстетическаго образованія. Въ такомъ или другомъ взглядѣ народа на изящное, въ той или иной формѣ обле-

чена, осуществляется, заключается оригинальность творчества, самостоятельность всякаго искусства. Оттого поэзія необходимо должна имѣть на себѣ печать того народа, коему принадлежитъ, печать яркую, неизгладимую: оттого тѣ только поэтическія произведенія истинно великія, кои, будучи общимъ плодомъ творчества человѣческаго духа, со [illegible] въ [illegible] идеи [illegible], отличны въ тоже самобытны [illegible] нымъ тому народу, къ которому относятся, отражаютъ [illegible], какъ въ кристальной поверхности воды, этотъ народъ, со всѣми его свойствами, похвальными качествами и недостатками, представляютъ собою полную картину, вѣрный отпечатокъ, самый правдивый образъ его жизни, его судебъ [illegible] ную эпоху быта его. Такая поэзія будетъ въ высочайшей степени важною, оригинальною поэзіей жизни, ей будутъ сочувствовать, ее понимать и оцѣнивать не отдѣльные любители, не одни только записные знатоки изящнаго, но [illegible] цѣлый народъ, все человѣчество.

[illegible]

Значеніе народной поэзіи.

Пѣсни, сказки, поэтическое преданіе старины [illegible] не потому только, что забавляютъ въ досужее время, [illegible] пылкому праздному воображенію, ласкаютъ слухъ складными звуками и словомъ, не потому, чтобъ народъ находилъ [illegible] въ своей безыскусственной поэзіи удовлетвореніе только однимъ эстетическимъ стремленіямъ и позывамъ. Въ этихъ произведеніяхъ онъ чувствуетъ какъ бы дополненіе всему нравственному существу своему, потому что они [illegible] въ его сердцѣ со всѣми лучшими, задушевными его помыслами, мечтами и вѣрованіями, потому что въ нихъ находитъ онъ уже готовое выраженіе тѣхъ сокровенныхъ духовныхъ [illegible], которыя ему самому становятся доступны и ясны только [illegible] уже установившейся [illegible] формѣ. Это [illegible] рина и преданія, изъ которыхъ слагаются первыя основы нравственной [illegible]. Это [illegible] духовная собственность [illegible] и каждаго. Кто поетъ пѣсню или разсказываетъ сказку, тому она и принадлежитъ, какъ его литературная собственность, потому что онъ и самъ придумалъ бы и сказалъ бы [illegible]

такъ же, если бъ старина не подслуживалась ему готовымъ выраженіемъ. Поэтическое творчество цѣлыхъ массъ, или поколѣній, и творчество отдѣльной личности сливаются въ этомъ всеохватывающемъ широкомъ потокѣ народной поэзіи. Пѣвецъ или разсказчикъ что-нибудь иногда прибавитъ и отъ себя, но такъ, что ни онъ самъ того не замѣтитъ, ни другіе, точно такъ, какъ отъ избытка сердца слагается новое слово, мѣткое и больше, совершенно свѣжее, но уже изъ готовыхъ въ языкѣ этимологическихъ данныхъ.

Вдумываясь глубже въ общій смыслъ народной поэзіи мы должны признать за нею высокое назначеніе. Она сопутствуетъ народамъ на тяжеломъ историческомъ поприщѣ и, вѣчно живая и свѣжая, постоянно питаетъ въ нихъ высокія стремленія въ области идеи. Она убѣждаетъ всякаго, что поэтическое настроеніе есть одна изъ необходимѣйшихъ, непреходящихъ потребностей духовной жизни, какое бы направленіе въ теченіе вѣковъ она ни получала, хотя бы даже исключительно практическое.

Если бъ народная поэзія ограничивалась одними эстетическими интересами, она бы давно уже изсякла въ своихъ источникахъ, она бы съ теченіемъ вѣковъ пропала; но, какъ старина и преданіе, какъ вѣрованіе и обычай, она выше всякаго вымысла, питающаго только праздное эстетическое чувство, она такъ всегда подозрѣвала въ неправдѣ и обманѣ. Хотя и говорится въ народѣ, что сказка — складка, а пѣсня — быль, но это потому только, что вымыселъ большей части сказокъ относится къ такой отдаленной эпохѣ, что народъ не успѣлъ удержать ихъ въ формѣ былины и уже передаетъ ихъ не въ строгой формѣ стиха, а въ болѣе свободной, позднѣйшей, формѣ прозаической. Художественная правда сказокъ, — если можно такъ выразиться, — основывается на томъ, что почти всѣ онѣ у народовъ индоевропейскихъ пользуются извѣстностью и удивительнымъ сродствомъ. Сущая небылица, безсмысленная ложь не могла бы пронестись на разстояніи вѣковъ по многимъ народамъ и племенамъ общимъ согласіемъ въ главныхъ моментахъ сказочнаго преданія, не могла бы такъ твердо окрѣпнуть въ національности каждаго.

Б…

Значеніе народныхъ пѣсенъ.

Поэзія есть принадлежность человѣка; безъ нея онъ не можетъ [illegible] минуты, въ которыя человѣкъ находится въ поэтическомъ настроеніи, — суть тѣ минуты, когда онъ возвышается [illegible] и высказывается невольно, [illegible]. Истинная поэзія не допускаетъ лжи и при[illegible] минуты поэзіи — минуты творчества [illegible]

[illegible]

[illegible] сказываетъ своего характера.

[illegible] разсматриваемы въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1) [illegible] по которымъ историкъ будетъ узнавать [illegible] истину.

2) [illegible] по которымъ историкъ [illegible] устройствѣ общественномъ, о семейномъ [illegible] Въ этомъ отношеніи пѣсни имѣютъ [illegible] достоинство, но представляютъ также недостатки именно потому, что [illegible]

3) Какъ предметъ филологическаго изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи пѣсни для историка драгоцѣнность; значеніе ихъ здѣсь частно и касается преимущественно исторіи развитія языка, а не вообще народа.

4) Какъ памятники воззрѣнія народа самого на себя и на все окружающее. Это самое важнѣйшее и непреложное достоинство пѣсни. Здѣсь не нужно даже никакой критики: лишь бы пѣсня была народнаго происхожденія. Жизнь, со всѣми ея явленіями, истекаетъ изъ внутренняго самовоззрѣнія человѣческаго существа. На этомъ основывается то, что мы называемъ характеромъ: особенный взглядъ на вещи, который имѣетъ какъ всякій человѣкъ, такъ и всякій народъ.

Костомаровъ.

Природа въ поэзіи.

Человѣкъ, живя на землѣ, имѣетъ самую тѣсную связь съ физическимъ міромъ, къ которому принадлежитъ половиною своего двойственнаго бытія. Оттого существованіе каждаго народа условливается мѣстностію и качествами окружающей его природы. Оттого-то въ пѣсняхъ народныхъ видна природа тѣхъ странъ, гдѣ народъ жилъ; изъ нихъ можно узнать, въ какой степени онъ былъ въ связи съ природою, и какія формы принимало человѣческое сочувствіе къ природѣ. И сѣверъ, и югъ, и вершины горъ, и рыбы морей, и всѣ произведенія разнообразныхъ климатовъ рисуются въ народныхъ пѣсняхъ. Пѣсни финна переносятъ насъ въ низенькія избы, занесенныя сугробами, при свѣтѣ огня собирается веселая семья разсказывать и пѣть. На дворѣ свирѣпствуетъ буря, вьется вьюга, вдали воютъ голодные волки, а между тѣмъ въ скромномъ и тепломъ уголкѣ вы слышите о чудесахъ заморскихъ странъ, о подвигахъ старыхъ героевъ. Шотландецъ поетъ о своихъ ясныхъ озерахъ, о прелестныхъ водопадахъ, о дикихъ ланяхъ, жителяхъ рощъ, объ унылом плескѣ волнъ на утесистые берега. Грека вы увидите сидящаго подъ оливою, на закатѣ горячаго солнца, въ кругу добраго семейства: въ воображеніи его славный въ подлунной Олимпъ, струящій 62 ключа; съ неимовѣрною легкостью бросается юноша на хребетъ моря, раскидываетъ могучія руки, какъ весла: грудь его становится кораблемъ, въ челнъ обращается

литное тѣло. Думы украинскія заносятъ ваше воображеніе на степи ордынскія, на необозримыя равнины, выжженныя пожарами: взоръ вашъ манитъ безпредѣльность, раздольное дыханіе расширяется отъ свободнаго вѣтра пустыни. Печальная могила [illegible] осенняя [illegible] сторона, темные лѣса, зеленыя степи, быстрыя воды, Днѣпръ широкій, буйный вѣтеръ, [illegible] смутная чайка, вѣщая зозуля, сизокрылый орелъ, кречеты, летящіе въ туманъ, который палъ въ долину и разостлался по всему полю — вотъ образы, сопровождающіе степную жизнь казака. Пѣсни семейныя окружаютъ васъ другими картинами: вишневые садики, [illegible] зозуля, [illegible] черноокая [illegible], очаровательный блескъ мѣсяца, пѣсня соловья, отряхивающаго раннюю росу съ кустарниковъ.

Не едиными только изображеніями ограничивается [illegible] народа съ природой. Предметы природы, часто встрѣчаемые, не интересуютъ народнаго воображенія потому только, что глазъ безпрестанно видитъ ихъ. Напротивъ, чтобы они существовали въ полномъ смыслѣ этого слова, народъ ищетъ въ нихъ жизни, а не призраковъ, хочетъ съ ними сообщиться не только тѣлесно, но и духовно. Физическая природа, проникнута творческою идеею, согрѣта божественною любовью, облечена въ формы совершенства. Каждое явленіе въ ней не случайно, но имѣетъ свой законъ, постигаемый духомъ. Въ природѣ [illegible] для человѣка [illegible], приближающая его къ его собственному существу. Человѣкъ видитъ въ окружающихъ его предметахъ не одну грубую безжизненную [illegible]; напротивъ, какъ бы ни удалено казалось отъ его духа самое ничтожное произведеніе родной планеты, [illegible] тайное око, которое видитъ, что и грубая матерія [illegible] съ духовнымъ существомъ; есть [illegible], который [illegible] въ чемъ состоитъ эта связь. [illegible] создалъ духовное въ тѣлесномъ и составляетъ основу всего прекраснаго въ искусствѣ. Око есть [illegible] гармоніи и любви, существующей между Творцомъ и его созданіями. [illegible] только духомъ [illegible] само по себѣ недоступно его сердцу.

На этомъ-то свойствѣ человѣческой природы народъ мало[illegible] что вноситъ въ свои произведенія [illegible] физической природы. Онъ оживляетъ ее, природа получаетъ [illegible] разумное [illegible]. Такимъ образомъ [illegible] въ [illegible] пѣсняхъ.

входя въ произведенія народной поэзіи, получаетъ въ ней духовное значеніе, которое является въ формѣ примѣненія къ быту нравственнаго существа: это называется въ обширномъ смыслѣ символомъ. Понятіе о символѣ не должно смѣшивать ни съ образомъ, ни съ аллегоріей, ни съ сравненіемъ: все это формы, въ которыхъ высказывается символъ. Всякое поэтическое сравненіе необходимо должно опираться на символъ; иначе будетъ только игрою словъ, обманчивымъ блескомъ и пролетитъ мимо васъ безплодно, не западая ни на минуту въ сердце. Если поэтъ сравниваетъ красавицу съ розою или удальца съ соколомъ, — не въ правѣ ли мы спросить его, на чемъ основываетъ онъ соединеніе существъ, столь разнородныхъ? Есть, слѣдовательно, тайная связь между ними: одна и та же идея проявляется и въ мірѣ человѣческомъ, и въ мірѣ природы. Если народъ имѣетъ опредѣленное понятіе о духовномъ значеніи какого-нибудь предмета физическаго міра, то это значитъ, что такой предметъ заключаетъ символъ для народа.

Костомаровъ.

Отношеніе европейскихъ народовъ къ народной поэзіи.

У всѣхъ европейскихъ народовъ видна любовь къ народности, уваженіе къ народной поэзіи. Всѣ собирали народныя пѣсни, сохраняли ихъ, подражали имъ, вводили народность и въ науку, и въ словесности нашли себѣ представителей. Англійскіе поэты Вальтеръ Скоттъ и Томасъ Муръ черпали изъ народныхъ пѣсенъ вдохновенія для своихъ поэтическихъ созданій. Въ Германіи лира Гёте въ лучшихъ своихъ пѣснопѣніяхъ настраивалась подъ ладъ старонѣмецкихъ напѣвовъ; баллады Уланда такъ близки къ своему источнику, что замѣняютъ для народа преданія, его собственныя произведенія. Множество важныхъ трудовъ посвящено изученію, разработкѣ и изданію народности. Собранія старинныхъ англійскихъ поэтическихъ произведеній, изданныя Перси, много доказали, какъ важны пѣсни народныя для исторіи и литературы. Четырехъ-томная исторія англійской поэзіи Вартона служитъ примѣромъ того, какъ люди ученые цѣнятъ народное достояніе. Не менѣе важны труды Эллиса, Ритсона и другихъ. Древнія баллады Да

сова и народныя пѣсни Бордеровъ Вальтеръ Скотта можно поставить примѣрами отличнѣйшихъ сборниковъ. Въ послѣднемъ сочиненіи превосходно разсмотрѣна исторія Бордеровъ съ примѣненіемъ къ народнымъ остаткамъ и показаны суевѣрія народныя, наводящія притомъ на важнѣйшія точки воззрѣнія относительно повѣрій и миѳологіи европейскихъ народовъ. Въ Германіи замѣчательны труды Герреса, Брентано, Ерлаха. Новое изданіе нѣмецкихъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія поддерживаетъ то всеобщее вниманіе, какое оказываютъ къ народной поэзіи Германцы. Не ограничиваясь разработкою отечественныхъ матеріяловъ, они занимались и поэзіею другихъ народовъ: таковъ Гриммъ. Бюшингъ и Вольфъ познакомили нѣмецкую публику съ народными произведеніями скандинавскихъ, славянскихъ и романскихъ племенъ. Изъ всѣхъ народовъ нѣмцы могутъ похвалиться самымъ безсмертнымъ Гердеромъ, который нанесъ рѣшительный ударъ прежнимъ мнѣніямъ и водрузилъ на незыблемомъ основаніи знамя народности. Французы, строившіе поэзію по классицизму, тоже уже сознали въ [illegible] романтизмъ, но они могутъ причислить къ числу своихъ ученыхъ такихъ, которые оказали услуги народности: Форіэль, собиратель греческихъ пѣсенъ, Ампеpъ, Марье, Гейдахъ, Бальзакъ, Шарль Нодье и другіе. Испанцы еще въ XVI вѣкѣ издали собраніе своихъ народныхъ произведеній. Въ Швеціи Шведы и Датчане ученые также занимаются этимъ предметомъ. Изъ славянскихъ народовъ были издаваемы нѣсколько разъ и собственно малороссійскія пѣсни. Что еще сдѣлаемъ мы въ другихъ, давно достигнувъ того, что имѣютъ Германцы; у Сербовъ есть прекрасный сборникъ пѣсенъ Вука Стефановича; старыя пѣсни Кирши Данилова. Великорусскихъ пѣсенникъ Сахарова и пѣсни его, 120 (по неимѣнію мѣста), а также народныхъ пѣсенъ, не изданныхъ собирателями. Такимъ образомъ всѣ обращаютъ вниманіе на народность.

Костомаровъ.

Періоды въ развитіи народной словесности.

Развитіе и характеръ произведеній устной словесности вполнѣ соотвѣтствуетъ постепенному развитію народа, въ которомъ замѣчаютъ три періода: миѳическій, героическій и историческій.

Миѳическимъ называется самый древній, первоначальный періодъ народной жизни, когда создаются *миѳы*, т. е. сказанія, въ которыхъ народы изображаютъ происхожденіе, характеръ и дѣятельность боговъ, а также происхожденіе міра и людей. Совокупность этихъ сказаній составляетъ *миѳологію*, выражающую религіозныя вѣрованія народа. Первоначальная основа миѳовъ всѣхъ народовъ заключается въ естественной, прирожденной человѣку идеѣ о Существѣ Высшемъ, которая развивается въ человѣкѣ подъ вліяніемъ окружающихъ его явленій природы и разныхъ условій его быта, и потому въ выраженіи своемъ естественно получаетъ всегда рѣзкій отпечатокъ мѣстной страны народа и народнаго быта. Отсюда происходитъ то различіе, какое мы находимъ между миѳами разныхъ народовъ (напр. между миѳами индійцевъ, грековъ и скандинавскими миѳами). Не зная истиннаго Бога, отъ котораго все произошло и все зависитъ въ мірѣ, языческіе народы видятъ проявленіе божества въ тѣхъ дѣйствіяхъ стихій и силъ природы, которыя особенно сильно поражаютъ ихъ воображеніе. Не умѣя объяснить этихъ дѣйствій, они самыя стихіи и силы, ихъ производящія, считаютъ существами высшими и самостоятельными и олицетворяютъ ихъ въ образѣ боговъ и богинь, отъ которыхъ производятъ и которымъ подчиняютъ какъ все въ природѣ, такъ и свою жизнь, и свой собственный духъ, какъ высшія совершенства. Какъ олицетворенія стихій и силъ природы, миѳическія божества первоначально имѣютъ чисто *стихійное* значеніе: это боги и богини неба, солнца, земли, воды, огня, грома и молніи и проч.; народъ чтитъ въ нихъ самыя стихіи и силы природы. Это древнѣйшая *космическая* эпоха въ миѳологіи. Значеніе божествъ измѣняется и расширяется въ эпоху такъ называемаго *антропоморфизма*, когда яснѣе опредѣляется отношеніе этихъ божествъ къ людямъ и устанавливается правильный богослужебный культъ, т. е. опредѣленное служеніе богамъ. Для этого требуется изображать боговъ въ опредѣленной формѣ, и этой формой становится

какъ видимая или всѣхъ видимыхъ формъ, форма человѣческой природы. Вмѣстѣ съ человѣческою формою, приписывались богамъ и человѣческія свойства, и самый образъ ихъ жизни и дѣятельности слагался въ народномъ воображеніи по образу жизни и дѣятельности человѣка. Къ стихійному значенію божествъ присоединяется *нравственное* значеніе: божества становятся олицетвореніемъ разныхъ нравственныхъ качествъ — являются боги и богини любви, мудрости, справедливости и другихъ качествъ, и признаются устроителями и покровителями всякой человѣческой дѣятельности: земледѣлія, разныхъ ремеслъ, наукъ и искусствъ. Вообще какъ божествъ въ эту эпоху человѣкъ видитъ повсюду: горы, лѣса, долины, рѣки и источники — все находится подъ ихъ [illegible]; точно также и каждое замѣчательное, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, дѣйствіе человѣка совершается непремѣнно съ помощью боговъ. Поэтому *[illegible]* составляетъ отличительный характеръ миѳическаго періода народной жизни.

Въ миѳахъ выражаются первыя представленія о божествѣ, природѣ и человѣкѣ; это первая религія и вмѣстѣ съ тѣмъ и первая философія народа: въ нихъ мы видимъ первые [illegible] знанія и первыя попытки младенчествующаго ума рѣшить разные вопросы относительно всего окружающаго. Происходя изъ такихъ основныхъ стремленій, они, естественно, глубоко проникаютъ во всю жизнь народную: даютъ содержаніе религіознымъ обрядамъ, служатъ предметомъ произведеній искусствъ, особенно пластическихъ, выражаются въ поэзіи — въ гимнахъ или религіозныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ (греческіе гимны и наши русскія обрядовыя пѣсни), въ сказкахъ, [illegible], въ эпическихъ поэмахъ, особенно въ космогоніи (теогоніи). Герои и божества входятъ въ составъ пѣсенъ и поэмъ героическаго періода (индійскія поэмы — Рамаяна и Магабгарата; греческія поэмы — Иліада и Одиссея). Такъ тѣсно связанные со всѣми явленіями народной жизни, миѳы долго не умираютъ въ народѣ и послѣ принятія имъ новой религіи; поэтому, въ низшихъ классахъ почти каждаго христіанскаго народа еще до сихъ поръ сохраняются остатки языческихъ суевѣрій, предразсудковъ и обрядовъ; поэтому и въ произведеніяхъ народной словесности христіанскихъ временъ, съ христіанскимъ содержаніемъ, мы встрѣчаемъ весьма много миѳическаго

или языческой примѣси (напр. въ извѣстныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ и русскихъ духовныхъ стихахъ и легендахъ).

Героическимъ періодомъ называются первыя времена въ исторіи каждаго государства, когда народъ находится еще въ состояніи племеннаго быта и, устрояя свою жизнь, ведетъ постоянную борьбу и съ природою своей страны, покоряя ее своему вліянію, и съ сосѣдственными племенами, расширяя свои владѣнія и отстаивая свое имѣніе и свою независимость. Такія времена и событія, въ нихъ происходившія, остаются навсегда въ памяти народа: фантазія народная украшаетъ ихъ разными вымыслами; лица, участвовавшія въ нихъ, становятся *героями*; въ этихъ герояхъ народъ представляетъ свои идеалы красоты, силы и храбрости, мудрости, ловкости, терпѣнія и другихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ. Героическій періодъ въ исторіи народной жизни такъ тѣсно связывается съ періодомъ миѳическимъ, что трудно разграничить ихъ опредѣленными чертами. Герои — люди, почти, большею частію, божественнаго происхожденія, находятся постоянно въ сношеніяхъ съ богами и дѣйствуютъ подъ ихъ покровительствомъ. *Чудесное* составляетъ въ немъ такой же преобладающій элементъ, какъ и въ миѳическомъ періодѣ. Типъ героевъ слагается въ народномъ воображеніи подъ вліяніемъ уже существующихъ типовъ божествъ миѳическихъ: черты боговъ переносятся на героевъ, которые поэтому всегда представляются несравненно выше обыкновеннаго человѣческаго роста и уподобляются богамъ (божественный, богоравный, боговидный — обыкновенные эпитеты, которые постоянно придаются героямъ Иліады и Одиссеи). Народная фантазія надѣляетъ сверхъестественными свойствами и часто изображаетъ ихъ дѣятельность въ такихъ неестественныхъ формахъ, которыя могутъ характеризовать не человѣческія силы и свойства, а скорѣе стихійныя силы природы, олицетвореніемъ которыхъ служатъ первоначально миѳическія божества (такими качествами отличаются герои индійскаго и персидскаго эпоса и герои нашихъ былинъ, напр. Святогоръ и Микула Селяниновичъ). Смѣшеніе божескаго или миѳическаго элемента съ элементомъ человѣческимъ составляетъ отличительную черту представленій героическаго періода, который поэтому является продолженіемъ періода миѳическаго. Какъ въ образы боговъ, олицетворяющихъ первоначально явленія природы, вносятся черты изъ природы человѣческой,

и самыя отношенія между богами устроиваются по образу отношеній человѣческихъ. Такъ въ типы героевъ, представляющихъ идеалы всего лучшаго въ человѣкѣ, вносятся черты разныхъ божествъ. Да и вообще въ сказаніяхъ героическаго періода весьма много встрѣчается такихъ образовъ, основа которыхъ находится еще въ миѳическихъ представленіяхъ. Сказанія о героическомъ періодѣ выражаются въ героическихъ пѣсняхъ (таковы напр. наши былины о богатыряхъ). Изъ коихъ образуются потомъ у нѣкоторыхъ народовъ обширныя героическія поэмы (напр. Иліада и Одиссея у грековъ).

Историческій періодъ въ народной жизни начинается съ того времени, когда народъ изъ племеннаго быта переходитъ къ гражданскому, образуя изъ себя общество съ опредѣленными формами государственной жизни, и когда факты этой жизни заносятся на страницы *исторіи*. По той мѣрѣ, какъ человѣкъ знакомится съ природою, вѣра въ чудесное — миѳическое ослабѣваетъ, и явленія природы и событія въ жизни людей представляются въ болѣе настоящемъ своемъ видѣ: мало-по-малу миѳъ и преданіе уступаетъ *исторіи*. Правда, первыя страницы исторіи [illegible] еще тѣсно связаны съ преданіемъ и далеко не свободны отъ вымысла; но и здѣсь уже [illegible] истинѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ вѣроятности, и изъ множества древнихъ [illegible] о народной жизни выбираютъ болѣе правдоподобныя. [illegible] средственнымъ [illegible] знакомствомъ съ природою [illegible] вносится уже преднамѣренное *размышленіе*: стремленіе объяснить ихъ разнообразныя явленія, узнать общія и частныя причины, законы и цѣли всего существующаго въ мірѣ. Является [illegible] *или философія*, сначала заключенная въ [illegible] на которыя она впослѣдствіи раздробляется. По мѣрѣ того, какъ накопляются идеи и знанія, добываемыя [illegible] и какъ умножаются примѣры и опыты, доставляемые исторіею, развивается потребность провести пріобрѣтенныя идеи и знанія въ жизнь, приложить добытые опыты и примѣры къ практической дѣятельности человѣка во всѣхъ ея сферахъ [illegible] удовлетворить [illegible] *[illegible]*

Таковы главные моменты въ развитіи словесности.

Порфирьевъ.

Коляда.

Первымъ праздникомъ въ честь Дажь-бога или солнца и вмѣстѣ началомъ стараго языческаго года, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, былъ зимній праздникъ во время такъ называемаго *солнцеворота*, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда, послѣ долгихъ ночей, начинаетъ прибывать день, когда, по народному выраженію, *солнце поворачиваетъ на лѣто*. Близкое совпаденіе этого праздника съ церковнымъ праздникомъ Рождества Христова было, конечно, причиною того, что въ христіанскія времена онъ примкнулъ къ празднику Рождества и сталъ отправляться 24 декабря, наканунѣ Рождества, или во время самаго Рождества. Въ Великороссіи онъ отправлялся еще въ XVII в., а въ Малороссіи отправляется и теперь такимъ образомъ: наканунѣ Рождества или даже цѣлую Рождественскую недѣлю молодые люди и дѣти собираются подъ окнами богатыхъ крестьянъ, поютъ пѣсни, величая хозяина, хозяйку и дѣтей ихъ, и просятъ денегъ, пироговъ и пр. Въ пѣсняхъ обыкновенно величается *Коляда*, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Овсень*, *Авсень*, *Таусень*; потому онѣ называются *колядками* и *овсеньками*. Слово *Коляда* производятъ отъ латинскаго слова Calendae (Колята, у поляковъ Coleda) отъ caleo, разгорячиться, горѣть, что указываетъ на жаръ солнца. Было ли это слово названіемъ самого Дажь-бога, или только праздника въ честь его, опредѣлить трудно. Въ числѣ особыхъ божествъ Коляда не встрѣчается въ памятникахъ древней письменности; въ пѣсняхъ же она упоминается въ видѣ принца. Въ одной изъ колядскихъ пѣсенъ говорится:

«За рѣкою, за быстрою,
Ой Каліодка, ой Каліодка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни Коліодушки,
Ой Коліодка, ой Коліодка!

Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати...»

Здѣсь, очевидно, описывается старый языческій праздникъ, когда предки наши приносили жертвы въ лѣсахъ; старикъ съ ножомъ — жрецъ, приносившій жертву, а козелъ — самая жертва. Для языческихъ жертвъ, во время праздника, собирались, вѣроятно, приношенія; во времена христіанскія это перешло въ обычай воспѣвать Коляду и собирать разныя подаянія. Вотъ колядка, при которой собираются подаянія:

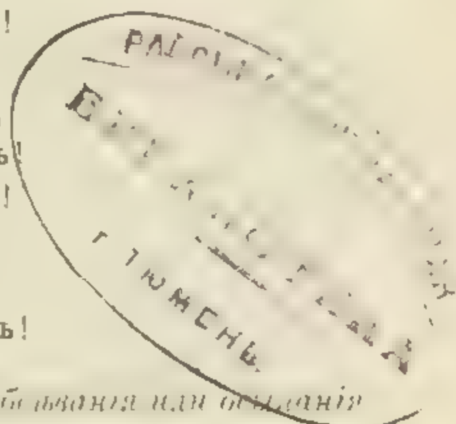
Коляда, Коляда!
Пришла Коляда
Наканунѣ Рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ и проулочкамъ,
Нашли Коляду
У Петрова-то двора...

Называется дворъ хозяина, подъ окнами котораго поется пѣсня. Далѣе въ пѣснѣ величается этотъ дворъ, его хозяинъ, хозяйка и дѣти ихъ. Дворъ обнесенъ желѣзнымъ тыномъ, а середи двора стоятъ три терема. Хозяинъ сравнивается съ свѣтлымъ мѣсяцемъ въ одномъ теремѣ, хозяйка — съ краснымъ солнцемъ въ другомъ, а дѣти ихъ — съ частыми звѣздами въ третьемъ теремѣ. Очень можетъ быть, что солнце, мѣсяцъ и звѣзды первоначально прославлялись, во время Коляды, сами по себѣ, самостоятельно, а потомъ, когда уже потерялся древній смыслъ праздника, они стали употребляться для сравненія съ ними прославляемаго въ пѣснѣ хозяина дома, его жены и дѣтей. Пѣсня оканчивается желаніемъ „здравствовать хозяину съ хозяюшкой на долгіе вѣки, на многія лѣта“. Въ этой пѣснѣ уже ничего не говорится о жертвоприношеніи, какъ въ первой пѣснѣ, а упоминается только *Коляда*, которая притомъ называется *святою*, и говорится, что она пришла наканунѣ Рождества. Такъ измѣнялся смыслъ языческаго праздника Коляды, и справлялся онъ впослѣдствіи христіанами, конечно.

и на мысль не приходило, что, собирая подаянія, они подражаютъ въ этомъ случаѣ своимъ предкамъ язычникамъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто Коляды, въ пѣсняхъ воспѣвается *Овсень* или *Авсень;* потому и самыя пѣсни называются *овсеневыми*. Впрочемъ, какъ Колядки относятся собственно къ кануну Рождества, такъ овсеневыя пѣсни поются, большею частію, наканунѣ Новаго года, вечеромъ, который въ народѣ называется *Васильевымъ вечеромъ* оттого, что въ Новый годъ церковь празднуетъ память св. Василія Великаго. Содержаніе *овсеневыхъ* пѣсенъ почти то же самое, что и колядскихъ, только вмѣсто Коляды въ нихъ величается *Овсень* или *Авсень*. Вотъ пѣсня Овсеню:

Ой Овсень, ой Овсень!
Походи, погуляй
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень, ой Овсень!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ!

Слово *Овсень* одни производятъ отъ *обсѣванія или осыпанія овсомъ*, которымъ сопровождается пѣніе овсеневыхъ пѣсенъ: поющіе обыкновенно бросаютъ зерна разнаго хлѣба и особенно *овса;* зерна эти слушающіе собираютъ и хранятъ до весенняго посѣва. Другіе это слово, произносимое въ различныхъ мѣстахъ различно (Авсень, Усень, Таусень) сближаютъ со словомъ *ясный* и видятъ въ немъ измѣненіе слова *ясень* — названіе солнца (ясное солнце). Какъ бы то ни было, только упомянутый обрядъ осыпанія, при пѣніи овсеневыхъ пѣсенъ, и сходство этихъ пѣсенъ съ колядскими, и по содержанію, и по времени, въ которое онѣ поются, показываютъ, что *Овсень* подобно Колядѣ, *имѣетъ отношеніе къ солнцу* и составляетъ, вѣроятно, только другое названіе одного и того же солнечнаго божества или праздника въ честь солнца, какъ источника теплоты и плодородія. — Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ они даже соединяются вмѣстѣ и величаются рядомъ одна съ другимъ. На то же самое указываютъ и другіе обряды, совершаемые въ разныхъ мѣстахъ въ Васильевъ вечеръ, когда поются овсеневыя пѣсни. Въ Малороссіи въ этотъ вечеръ комнату устанавли-

ваютъ снопами: снопы кладутся и на самый столъ, а посреди нихъ ставятъ большой пирогъ: сидя за нимъ, отецъ спрашиваетъ дѣтей, видятъ ли они его? „Не видимъ", отвѣчаютъ дѣти. — „Ну, дай Богъ, чтобы и на тотъ годъ не увидѣли". Въ Галиціи при этомъ кладутъ еще на столъ рукоять плуга. Этотъ обрядъ, вѣроятно, соблюдался и у насъ: по крайней мѣрѣ изъ одного акта XVII в. извѣстно, что въ навечеріи Богоявленія въ старину „кликали плугу".

Порфирьевъ.

Красная горка и Радуница.

Красная горка на Руси составляетъ первый весенній праздникъ. Великоруссы здѣсь встрѣчаютъ весну, выбираютъ суженыхъ, разыгрываютъ хороводы. Малоруссы отправляютъ свои веснянки, ходятъ съ пѣснями по улицамъ.

Поселяне Тульской губ. на Красную горку закликаютъ весну съ хороводными пѣснями. При восхожденіи солнца они выходятъ на холмы или пригорки, подъ предводительствомъ хороводницы. Обращаясь на востокъ, хороводница, произнеся молитву, входитъ въ кругъ съ круглымъ хлѣбомъ въ одной рукѣ и съ красным яйцомъ въ другой и начинаетъ пѣсню.

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошенькѣ,
На бороночкѣ и проч.

Въ Калужской губ. поселяне зазываютъ весну также съ пѣснями. Соломенное чучело, укрѣпленное на длинномъ шестѣ, ставится на горкѣ, кругомъ его собираются женщины и мужчины. Послѣ пѣсенъ садятся вокругъ горки, угощаютъ другъ друга яичницами. Вечеромъ сожигаютъ чучело съ пѣснями и плясками. Въ степныхъ селеніяхъ встрѣчаютъ весну съ одними пѣснями, безъ всякихъ обрядовъ.

Въ Вязьмѣ выходятъ невѣсты и женихи въ праздничныхъ нарядахъ погулять на Красную горку. Здѣсь невѣсты выглядываютъ жениховъ. Тамъ очень часто случается, что на этотъ день происходятъ и самыя рукобитья.

Въ Буйскомъ уѣздѣ для встрѣчи весны взрослыя дѣвицы и холостые ребята, при восхожденіи солнца, обливаютъ себя водою на открытомъ воздухѣ. Отчаянные и смѣлые купаются въ рѣкахъ. Послѣ на сходбищѣ поютъ пѣсни, перепрыгиваютъ черезъ плетень огорода, взлѣзаютъ на деревья, ходятъ вереницами вокругъ сѣнныхъ стоговъ. Въ это время они поютъ

Весна, весна красная!
Приди весна съ радостью и пр.

На Красную горку начинается и поминовеніе родителей Въ Спасскѣ Рязанскомъ дѣвицы и женщины въ жаленомъ (траурномъ) платьѣ выходятъ на кладбище поклониться своимъ родителямъ. Сначала, по обыкновенію, плачутъ на могилахъ съ разными причитаньями о житьѣ-бытьѣ покойниковъ, потомъ принимаются раскладывать по могиламъ кушанья и напитки. Родные и знакомые ходятъ по могиламъ въ гости Здѣсь старые занимаются угощеніемъ, а молодые катаютъ по могиламъ красныя яйца. Остатки вина выливаются на могилы Съ кладбищъ отправляются въ праздничныхъ платьяхъ разыгрывать Красную горку въ хороводахъ.

На Красную горку начинаютъ играть въ горѣлки, сѣять просо, плести плетень, прославлять заиньку.

Въ четвергъ на послѣдней недѣлѣ великаго поста совершаются на Руси разные обряды.

Въ деревнѣ Сосновкѣ, Чистопольскаго уѣзда, бываютъ въ полночь сборы на рѣчкѣ Бахту. Ровно въ полночь, послѣ пѣнія первыхъ пѣтуховъ, выходятъ дѣвицы и молодицы на рѣчку почерпнуть воды, пока воронъ не обмакнулъ крыла. Почерпая воду, онѣ поютъ пѣсни и умываютъ лицо. По замѣчаніямъ сосновцевъ, будто въ полночь съ этого дня наступаетъ весна и приноситъ съ собою красоту и здоровье, и что воронъ изъ зависти спѣшитъ запастися здоровьемъ прежде людей.

Поселяне Буйскаго уѣзда, Костромской губ., выходятъ рано утромъ встрѣчать весну. Буйскія дѣвицы выходятъ для сего къ рѣкамъ. Если вскрылась вода, то онѣ входятъ по поясъ въ рѣку, соединяются въ кружокъ, держась рука за руку, и поютъ: „Весна, весна красная, приди, весна, къ намъ съ милостью, съ тою милостью, съ великою благостью“. Если рѣки еще покрыты льдомъ, то онѣ окружаютъ прорубн, умываютъ водой лицо, вертятся кругомъ и призываютъ весну

Семигальскія дѣвицы выходятъ на рѣчки при восхожденіи солнца, погружаются трижды въ воду, катаются три раза по землѣ на восточную и западную стороны; послѣ, по угламъ взлѣзаютъ на избы, гдѣ поютъ пѣсни, и призываютъ весну. Все это дѣлается для здоровья.

Почти во всѣхъ мѣстахъ на Руси старушки пережигаютъ въ этотъ день въ печахъ соль. Такая пережженая соль, называемая четверговою, употребляется въ домашнемъ лѣченіи отъ многихъ болѣзней.

Изъ Стоглава узнаемъ, что наши предки „порану солому палили и кликали мертвыхъ". Мнѣ нигдѣ не встрѣчалось видѣть исполненіе такого обычая, и существуетъ ли онъ гдѣ доселѣ — не знаю.

Проводы весны сопровождаются разными обрядами и въ разные дни. Въ Саратовской губ. для сего дѣлали изъ соломы чучело, одѣвали его въ сарафанъ и кокошникъ съ ожерельями. Чучело носили по деревнѣ съ пѣснями, а послѣ раздѣвали и бросали въ воду. Встарину, въ степныхъ селеніяхъ Тульской губ. избирали мужика, надѣвали на его голову березовый вѣнокъ, на кафтанъ нашивали ленты, въ руки давали древесныя вѣтви съ полевыми цвѣтами. Такой мужикъ назывался водо́къ. Его угощали брагой и пирогами, провожали всѣ по селеніямъ съ пѣснями и плясками. Въ селеніяхъ Симбирской и Костромской губ. поселяне наряжались въ оборванныя старыя платья и представляли изъ себя хромыхъ, увѣчныхъ калѣкъ, слѣпыхъ попрошаекъ. Дѣвицы приготовляли соломенное чучело, а молодцы вывозили на улицу телѣги безъ переднихъ колесъ, связывали ихъ одна съ другою веревками въ видѣ гуська и впрягали лошадей. Потомъ начинался поѣздъ съ одного конца селенія до другого. На передней телѣгѣ помѣщалась старуха и держала на колѣняхъ чучело. Послѣ поѣзда разыгрывали хороводы. Вечеромъ съ пѣснями отправлялись къ рѣкѣ и бросали чучело въ воду.

Радуница сопровождается особенными обрядами и пѣснями. Въ Костромской губерніи Радуница бываетъ въ Ѳомино воскресеніе, а въ другихъ въ понедѣльникъ. Бѣлоруссы справляютъ свою Радуницу во вторникъ, какъ и рязанцы. Въ Тулѣ въ Ѳоминъ понедѣльникъ ходятъ женщины на кладбище поминать родителей съ калачами и кануномъ. Въ Иркутскѣ Радуницу справляютъ на Крестовой горѣ. Сюда, какъ на общее

кладбище, сходятся поминать усопшихъ, гулять съ родными и знакомыми и пировать за упокой родителей, чѣмъ Богъ послалъ. Въ Кіевѣ поминали прежде родителей на горѣ Скавицѣ. Здѣсь, послѣ панихиды, происходило въ семейныхъ кружкахъ угощеніе. Бурсаки пѣвали тогда особенныя плачевные канты.

Бѣлоруссы выходятъ во вторникъ на могилы своихъ родителей, въ 2 часа пополудни, обѣдать и поминать ихъ за упокой. Сначала начинается катаніе на могилахъ красныхъ яицъ, потомъ обливаніе могилъ медомъ и виномъ. Яйца раздаются нищимъ. Могилы покрываются бѣлымъ столечникомъ, уставляются кушаньями. По старымъ примѣтамъ кушанье должно состоять изъ нечетныхъ блюдъ и сухихъ. Богатые снабжаютъ бѣдныхъ кушаньями для родительской трапезы. Послѣ сего привѣтствуютъ родителей: „святые родзители, ходзице къ намъ хлѣба-соли кушаць!“ И садятся на могилахъ поминать ихъ. Остатки кушанья раздаются нищимъ, и день оканчивается при корчмахъ съ пѣснями и плясками.

Обкладываніе родительскихъ могилъ на Ѳоминой недѣлѣ почитается у русскихъ въ числѣ необходимой принадлежности старыхъ людей. Сюда сходятся женихи и невѣсты испрашивать благословеніе у своихъ покойныхъ родителей на любовь и союзъ, и въ воспоминаніе своего обѣта кладутъ на могилы красныя яйца.

Радуницы напоминаютъ намъ древнія тризны нашихъ праотцевъ, сопровождаемыя поминками, жертвами и возліяніями въ память усопшихъ.

Въ Орловской губерніи на Радуницкой недѣлѣ поселяне прогоняютъ смерть изъ своего села. Въ полночь дѣвицы выходятъ съ метлами и кочергами и гоняютъ по полю смерть. Въ степныхъ губерніяхъ женщины убираютъ всю недѣлю свои избы и на ночь оставляютъ на столѣ кушанье для покойныхъ родителей. Онѣ твердо увѣрены, что ихъ покойные родители на Радуницкой недѣлѣ заглядываютъ въ избы къ своимъ роднымъ и наказываютъ тѣхъ, которые не приготовятся къ этому.

Въ Тульской и Костромской губ. на Радуницкой недѣлѣ поселяне и горожане окликаютъ первый дождь. По преданіямъ извѣстно, что прежде въ выкликаніи дождя участвовали всѣ возрасты, а нынѣ этимъ занимаются одни дѣти.

Сахаровъ.

Семикъ.

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнію природы, находится праздникъ русалокъ или Русальная недѣля. Русалки вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы; имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ русый (свѣтлый, ясный). Русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природою. Народъ теперь вѣритъ, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія, но когда всѣ славяне умирали безъ крещенія, то души ихъ всѣхъ должны были становиться русалками. Русалки появляются съ Страстнаго четверга (когда, благодаря по Стоглаву, по-рану солому палили и кликали мертвыхъ), какъ только покроются луга весеннею водою, распустятся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда однакожъ носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ могилъ, суть огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ, приговаривая: „Бухъ! бухъ! соломенный духъ! Мене мати породила, некрещену положила“.

Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ, на берегъ выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, поэтому и русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ и показываются при колодцахъ. Съ Троицына дня до Петрова поста русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по смерти. Русальскія игры суть въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе, маски, обрядъ, который не у однихъ славянъ былъ необходимъ при праздникахъ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя, безобразныя существа для того, чтобы пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то сильные чародѣи [illegible] могутъ [illegible] принимать ту или другую форму. Есть извѣстіе, что у чеховъ [illegible] [illegible]

чаемъ нашихъ восточныхъ славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутіяхъ, перекресткахъ: отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ предъ перекрестками, мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила. У русскихъ славянъ главнымъ праздникомъ русалокъ былъ Семикъ, великъ день русалокъ: въ это время, при концѣ весны совершались проводы послѣднихъ. Конецъ Русальной недѣли — Троицынъ день былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ. Въ этотъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій. Пѣсня говоритъ:

Русалочки землянoчки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забилися.

Здѣсь важно выраженіе землянички, указывающее на русаловъ, какъ жительницъ земныхъ нѣдръ. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище — провожанье русалокъ въ могилы. —

(Соловьевъ

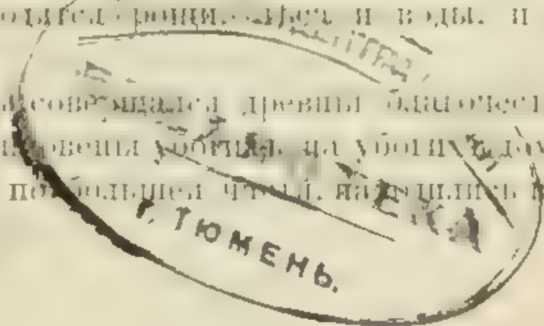
Семикъ.

Русскіе величаютъ Семикъ честнымъ, подобно Масленицѣ, почитая его однимъ изъ главныхъ праздниковъ лѣтнихъ, какъ и подтверждаютъ слова старинной Костромской пѣсни:

Какъ у насъ въ году три праздника.
Первый праздникъ — Семикъ честной,
Другой праздникъ — Троицынъ день,
А третій праздникъ — Купальница.

Позорищемъ Семика бываютъ рощи и лѣса, берега рѣкъ и озеръ или прудовъ: въ первыхъ завиваютъ вѣнки, а на другіе пускаютъ ихъ для загадыванія. Семикъ, несмотря на мѣстныя особенности, въ сущности своей одинаковъ и съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ почти во всей великой Россіи, особенно тамъ, гдѣ находятся рощи, лѣса и воды, и даже въ степяхъ.

Такъ какъ въ Семикъ совершался древній благочестивый обычай погребенія и поминовенія убогихъ, на убогихъ домахъ, или скудельницахъ, кои, по большей части, находились въ ро-

щахъ: то первый отправлялся болѣе на могилахъ, подобно древней тризнѣ. Но празднованіе Семика и христіанскій обычай погребенія на скудельницахъ составляютъ рѣзкую противоположность отъ разности источниковъ, изъ коихъ произтекъ тотъ и другой.

Время, измѣнившее или отмѣнившее завѣтные обычаи народные, теперь преобразило этотъ многообрядный и многознаменательный праздникъ въ простое гулянье столичныхъ и городскихъ жителей: одни еще поселяне и посадскіе удержали нѣкоторые завѣтные обряды древняго быта и повѣрья, какіе встрѣчаемъ въ разныхъ краяхъ Великой и даже Малой Россіи.

Донынѣ въ Семикъ ставятъ по улицамъ, у домовъ и даже въ комнатахъ березки не только въ селахъ, городахъ, но и въ столицахъ Россіи, гдѣ только есть березнякъ и липнякъ. Лѣтъ за 40 въ Семикъ вся Москва представляла разгульный праздникъ: почти на каждомъ дворѣ, у хозяина и хозяйки съ семьей, въ видѣ кущи обставляли алея березками столъ съ яичницей и драченой; вездѣ раздавались семицкія пѣсни, съ какими носили по улицамъ изукрашенную лентами и лоскутками березку, вездѣ — толпы народа въ вѣнкахъ изъ ландышей, девичковъ и незабудокъ, или изъ березовыхъ и липовыхъ вѣтей. До мора въ Москвѣ 1771 г., послѣ погребенія и поминовенія убогихъ на старыхъ убогихъ домахъ, или Божедомкѣ, толпы народа, умывъ руки себѣ въ Самотекѣ, или въ Марьину рощу завивали березку и пировали съ пѣснями и весельями, смѣнявшими слезы и рыданія.

Вѣрованіе въ русалокъ было на Руси древнимъ и народнымъ. По суевѣрному сказанію онѣ живутъ въ рѣкахъ, а съ Троицына дня или съ Семика до Петрова дня странствуютъ по землѣ, витаютъ въ лѣсахъ, избирая себѣ притономъ старыя деревья, особенно дубы; качаются на сучьяхъ древесныхъ или разматываютъ пряжу, похищая ее у поселянокъ, которыя ложатся спать безъ молитвы. Въ однихъ мѣстахъ онѣ изображаются съ русыми, въ другихъ съ зелеными волосами. Въ южной Россіи онѣ почитаются за души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія. Тамъ суевѣрные поселяне утверждаютъ, что огни, видимые ночью на многихъ древнихъ курганахъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, разводятся днѣпровскими русалками для того, чтобы привлекательнымъ блескомъ заманить сюда пловцовъ къ кругамъ и низвергнуть ихъ въ пу-

чины днѣпровския. Въ Клечальную субботу, накануне Троицына дня, русалки, по мнѣнію малороссіянъ, начинають бѣгать по ржи и хлопать въ ладоши (приговаривая: Бухъ! бухъ! соломенный духъ, мене мати породила, некрещену положила). Съ Зеленой недѣли онѣ витаютъ въ лѣсахъ, гдѣ аукаютъ и зовутъ къ себѣ прохожихъ съ хохотомъ: ходите къ намъ на рели качаться. Онѣ заводятъ дѣвокъ и парней въ чащи лѣса и тамъ защекочиваютъ до смерти. На Русальной недѣлѣ въ Малороссіи никто не осмѣливается купаться въ рѣкѣ и хлопать въ ладоши; въ четвергъ на Зеленой недѣлѣ дѣвушки и даже женщины, боясь прогнѣвить русалокъ, чтобы онѣ не испортили скотины, не работаютъ, называя этотъ четвергъ великъ день русалокъ. Тогда взрослыя дѣвушки идутъ тайкомъ въ лѣсъ, бросаютъ завитые вѣнки русалкамъ, чтобы онѣ добыли имъ суженыхъ, ряженыхъ, и тотчасъ убѣгаютъ. По ихъ мнѣнію въ этихъ вѣнкахъ русалки рыскаютъ по ржи.

Снегиревъ.

— - —

Семикъ.

Семицкая недѣля бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи и получила такое народное названіе отъ Семика. Эта недѣля встарину извѣстна была подъ именемъ Русальной. Малоруссы называютъ ее зеленою, а послѣдніе три дня — зелеными святками.

Семикъ отправляется народомъ въ четвергъ въ рощахъ, лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и прудовъ. Къ этому дню рубятъ березки, красятъ яйца въ желтую краску, готовятъ караваи, сдобники, драчены и яичницы. Съ разсвѣтомъ дня молодежь разставляетъ березки по домамъ, улицамъ и дворамъ. Встарину наши старики хаживали встрѣчать Семикъ на могилахъ родителей, гдѣ, послѣ поминовенія, они съ своими семействами разъѣдали яичницы и драчены. Отсюда молодежь отправлялась въ рощи завивать вѣнки изъ березъ. Здѣсь пѣли, плясали, играли въ хороводы до глубокой ночи. Послѣ игры „всею гурьбою" заламывали березку, обвѣшивали ее лентами и лоскутками, и съ пѣснями возвращались домой.

Въ Спасскѣ Рязанскомъ, встарину, въ первый понедѣльникъ Петрова поста совершалось игрище: провожаніе русалокъ. Для сего игрища женщины снаряжали изъ соломы два

чучела въ видѣ женщины. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу улицы. Здѣсь распѣвались попеременно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучелою плясала и своими кривляньями старалась приводить въ смѣхъ игроковъ. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенное чучело, русалку, дѣвицы принимали на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ, или защищались сами отъ нападенія. Защитницы кидали другъ въ дружку пескомъ, обливали водой, отмахивались соломой. Бойцы изъ улицы переселялись въ поле. Тутъ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучела и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣвицы причитывали похоронныя завыванія, а отчаянныя, распустивъ косы, припадали къ землѣ, какъ бы къ могиламъ. Такъ оканчивалось игрище провожанія русалокъ.

Семицкіе вѣнки въ однихъ мѣстахъ сохраняютъ въ избахъ до Троицына дня, а въ другихъ бросаютъ ихъ въ воду съ гаданіемъ: потонетъ ли вѣнокъ, или нѣтъ? На одномъ ли мѣстѣ онъ остановится, или поплыветъ въ сторону? Чей вѣнокъ плыветъ впереди, и чей остается назади? Подруги бросаютъ свои вѣнки и вмѣстѣ, а иногда и братъ съ сестрой. Нерѣдко случается, что влюбленные, какъ будто нечаянно, бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ. Догадливые люди по сближенію такихъ вѣнковъ на водѣ нерѣдко угадываютъ о близкой свадьбѣ. Бывали примѣры, что матушки никогда не отдавали своихъ дочекъ за такихъ суженыхъ, которыхъ семицкіе вѣнки потонули въ водѣ, въ виду всѣхъ. По замѣчаніямъ старушекъ, такіе суженые или скоро умираютъ, или спиваются съ кругу. Ленты, которыми наши бабушки перевивали семицкіе вѣнки, сохранялись всю жизнь. Когда дѣвушка въ этотъ годъ выходила за мужъ, ими связывали вѣнчальныя свѣчи.

[illegible]

Купальскія травы.

Съ совершеніемъ купальскихъ обрядовъ перешли у насъ нѣкоторыя травы какъ предохранительныя средства отъ болѣзней и злыхъ духовъ, или какъ имѣющихъ особую силу за

колдовывать и открывать тайну. Къ таковымъ принадлежатъ: папоротникъ, плакунъ, разрывъ и мн. другія.

Папоротникъ срываютъ наканунѣ Иванова дня, ночью, съ особыми обрядами и заговорами. Думаютъ, что онъ въ это только время цвѣтетъ, однажды въ годъ, и огненнымъ цвѣтомъ. Кто сорветъ расцвѣтшій папоротникъ, тотъ величайшій счастливецъ. Онъ можетъ повелѣвать всѣмъ безъ исключенія: предъ нимъ безсильны цари и мощные правители, и самые нечистые духи въ его распоряженіи. Онъ можетъ знать, гдѣ скрываются клады, входить безпрепятственно въ сокровищницы; лишь стоитъ ему приложить цвѣтокъ къ желѣзнымъ запорамъ и замкамъ, — все разсыпается предъ нимъ. Онъ можетъ открыть себѣ свободный входъ ко всѣмъ красавицамъ, принимая на себя образъ невидимки. Какъ цвѣтетъ папоротникъ и какія принимаютъ средства для полученія его, объ этомъ такъ разсказываютъ знахари. Изъ широколиственнаго папоротника является цвѣточная почка и поднимается постепенно: она то движется, то останавливается, и вдругъ запрыгаетъ, перевернется и запрыгаетъ, какъ живое. Явные слышутъ даже голосъ и щебетанье, и все это дѣлаетъ адская власть, чтобы, пугая людей, не допустить ихъ до цвѣточка. Когда созрѣетъ почка, тогда наступаетъ ровно 12 часовъ ночи: она раскрывается съ трескомъ, вся покрывается огненнымъ цвѣтомъ, — глаза не могутъ вынесть — такъ пышетъ отъ него жаромъ! Вокругъ и вдали разливается яркій свѣтъ, и только невидимая рука срываетъ его. Ищущій цвѣтокъ очерчиваетъ около папоротника кругъ, становится въ немъ и, произнося заговоръ, ожидаетъ полночи. Надобно, чтобы рѣшившійся на такой поступокъ былъ неустрашимый и переносилъ бы безбоязненно всѣ привидѣнія. Если онъ отзовется на голосъ или поворотится къ призраку, то лишится жизни. Злой духъ сорветъ съ него голову вмѣсто папоротника и пошлетъ его душу въ адъ на мученіе за то, что дерзнулъ похитить цвѣтокъ, составляющій украшеніе ада.

Плакунъ достается въ Ивановъ день при утренней зарѣ. Тотъ можетъ наводить страхъ на всѣхъ, кто владѣетъ имъ. Его обыкновенно имѣютъ только чародѣи. Особенная сила его состоитъ въ корнѣ, который гонитъ нечистыхъ духовъ и смиряетъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суевѣріе къ плакуну доходитъ до сумасбродства. Чародѣи ходятъ въ церковь съ кор-

немъ и ставъ у алтаря лицомъ къ востоку, произноситъ заговорныя слова: „Плакунъ! плакунъ! плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, полубѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ кievскимъ. А не дадутъ тебѣ покорища, утопи ихъ въ слезахъ, а убѣгутъ отъ твоего позорища, замкни въ ямы преисподнiя. Будь же слово при тебѣ крѣпко и твердо вѣкъ вѣкомъ!" Почитая корень за чудесную силу, суевѣры носятъ его при себѣ на крестѣ. Тогда человѣкъ, по ихъ мнѣнію, не попадется ни въ какiя искушенiя діавола и ни въ какіе недуги. Повѣсивъ же сдѣланный изъ плакуна крестъ на бѣсноватаго, вѣрятъ, что этимъ способомъ можно изгнать бѣса. Утверждаютъ еще, что бѣснующiеся, увидѣвъ корень, вскрикиваютъ, мечутся во всѣ стороны и страшно ревутъ, когда надѣваютъ на нихъ крестъ изъ плакуна.

Разрывъ, извѣстный у нѣмцевъ подъ именемъ корня прыгуна (Springwurzel), называется у насъ: прыгунъ, спрыгъ и скакунъ. Его отыскиваютъ въ Ивановъ день одни чернокнижники, и всякiй можетъ достать его, у кого есть плакунъ и папоротникъ. Свойство разрыва разрывать желѣзные запоры ломать сталь, серебро, золото, мѣдь на мелкіе куски однимъ прикосновенiемъ къ нимъ. Повсюду носятся разсказы, что въ ямахъ зарыты великiя сокровища, хранимыя подъ желѣзными запорами, и что нечистая сила закрываетъ къ нимъ входъ своей спиною, усаженной иголками. Для уничтоженiя этихъ преградъ недостаточно человѣческой силы: надобно прибѣгнуть къ разрыву. Разсказываютъ еще, что воры особенно употребляютъ эту траву: они подрѣзаютъ тѣло подъ ноггемъ пальца и кладутъ туда разрывъ, и думаютъ, когда прикоснуться пальцемъ до запоровъ или замковъ, тогда непремѣнно спадутъ запоры и отомкнутся замки. Сохранилось повѣрье объ нахожденiи разрыва. Отыскавъ гнѣздо дятла, слѣдуетъ лѣтомъ вколотить гвоздь подъ деревомъ, потомъ разостлать внизу дерева полотно. Отыскивается трава узнается тѣмъ, что собираютъ все скопленное и бросаютъ въ воду: какая трава выплыветъ наверхъ, то разрывъ.

Терещенко.

Ярила.

Названіе языческаго божества Ярилы сохранилось до нашихъ дней въ преданіяхъ бѣлоруссовъ, великоруссовъ и малоруссовъ. Слово *Ярило* состоитъ изъ корня *яр* и окончанія *ило* Корень *яр* соотвѣтствуетъ санскритскому *ar*, которому, въ свою очередь, соотвѣтствуетъ греческое Ἐρ. *Ar* въ санскритѣ выражаетъ дѣйствіе возвышенія, движенія вверхъ. Подобно санскритскому корню *ar* славянскій корень *яр* также сохранилъ значеніе стремительности, быстроты, пылкости, силы, свѣта, весенняго или восходящаго солнца. Какъ санскритское „ара" значитъ быстрый, проворный, „арамъ" — быстро, скоро, такъ и великорусское областное слово „ярый" значитъ скорый. Такъ какъ одно изъ свойствъ свѣта есть быстрота его распространенія, то въ корнѣ *яръ* совмѣщаются значеніе быстроты и значеніе свѣта. Русское яркій значитъ свѣтлый. Весенній и утренній солнечный свѣтъ возбуждаетъ во всей природѣ силу возрождающую и оплодотворяющую; поэтому корень *яр* употребляется въ значеніи плодотворной силы весенняго и утренняго солнечнаго свѣта.

Ярила, богъ весенняго и утренняго солнца, изображался сначала въ видѣ коня и конской головы, потомъ въ видѣ всадника, красиваго, молодого человѣка, иногда въ видѣ младенца, сидящаго на рукахъ своей матери, иногда въ видѣ старика. Ярилѣ также приписывался и женскій образъ. Ярила — прекрасный юноша, даетъ растительную силу хлѣбамъ, травамъ и деревьямъ. На головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ, въ лѣвой рукѣ горсть колосьевъ — знакъ, что Ярила есть произрастатель цвѣтовъ и хлѣбовъ; въ правой рукѣ у него человѣческая голова, по всей вѣроятности, голова побѣжденной имъ зимы и ночи. Въ честь его совершалось два праздника: одинъ при началѣ весны или возрожденіе Ярилы, другой при концѣ весны — смерть Ярилы. О первомъ утвердительно можно сказать, что онъ совершался въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; о второмъ же нельзя говорить съ такою увѣренностью. Нынѣ праздникъ смерти весны или Ярилы совершается въ различныхъ мѣстностяхъ въ разное время, наиранѣе въ Троицынъ день, наипозднѣе въ первое воскресенье послѣ Петрова дня; но чаще всего во Всесвятское заговѣнье, т. е. черезъ недѣлю

послѣ Троицы. Въ Великороссіи празднованіе Ярилы представляетъ нѣкоторыя различія въ мѣстностяхъ. Въ Костромѣ отправляли похороны Ярилы во Всесвятское заговѣнье. Старикъ, одѣтый въ изорванное платье, несъ во гробѣ куклу Ярилы въ видѣ мужчины. Пьяныя женщины провожали ее съ рыданіями и потомъ зарывали въ землю. Въ Галичѣ и Кинешмѣ, Костромской губерніи, представителемъ Ярилы выбирали старика, убирали его и забавлялись надъ нимъ. Каждая дѣвушка отвѣшивала поясной поклонъ старику и потомъ вступала въ хороводный кругъ, составлявшій главную ихъ забаву. Въ это время Ярилино торжество уничтожено стараніями архіепископовъ Моисея и Амвросія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губерніи, наканунѣ Троицына дня служатъ молебны на поляхъ, окропляютъ ихъ и скотъ освященною водою. По окончаніи молебствія поселяне обоего пола пляшутъ и поютъ въ честь Ярилы. Въ Воронежѣ этотъ праздникъ совершался съ такими обрядами: люди всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ, наряжаясь какъ въ самый большой праздникъ, собирались съ разсвѣтомъ дня за городъ на большую площадь. Здѣсь начиналось общее разгулье, состоявшее въ пѣсняхъ, плясахъ и музыкѣ. Среди общаго веселья наряжали мужчину въ пестрое платье, убирая его цвѣтами и навѣшивая на него ленты и бубенчики; лицо его чернили или наводили румянами, въ руки давали побрякушки. Дѣти возвѣщали шествіе Ярилы барабаннымъ боемъ. Ярило прилично расхаживалъ по площади и плясалъ; къ нимъ присоединялись и другіе плясуны, которые угощали его разными лакомствами. Среди разгула составляли различныя игры, отъ которыхъ переходили къ страшнымъ кулачнымъ боямъ. Епископъ Тихонъ, искоренившій этотъ обычай, замѣчаетъ его бѣсовскимъ и говоритъ, что нѣкогда былъ идолъ, называемый Ярило. Праздникъ назывался Ярилиномъ, и народъ ожидалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Онъ начинался въ среду или въ пятницу послѣ дня Сошествія Св. Духа и оканчивался въ первый понедѣльникъ.

Ефименко.

Троицынъ день.

Въ этотъ день по всей Руси отправляется народное празднество завиванія вѣнковъ, семейнаго короваи и хороводныхъ игръ. Въ завиваніи вѣнковъ сохранились слѣды древняго гаданія русскихъ дѣвушекъ о своихъ суженыхъ. Семейный коровай выражаетъ остатки какого-то древняго, теперь намъ непонятнаго торжества. Въ мѣстныхъ обрядахъ замѣчаемъ только, что изъ всего народнаго празднества остались слабые земные слѣды древняго вѣрованія въ гаданіе о будущемъ.

Рано утромъ въ городахъ и селахъ убираютъ дома березкою и цвѣтами, пекутъ короваи, созываютъ гостей, завиваютъ вѣнки изъ березы и цвѣтовъ для старыхъ и молодыхъ людей. Въ старину особа-позывальщица повѣщала по всѣмъ домамъ и сзывала дѣвушекъ на гульбище. Хороводница съ короваемъ въ рукахъ выходила на улицу и запѣвала завитную пѣсню. Къ ней со всѣхъ сторонъ сбирались дѣвушки; съ толпою народа она отправлялась въ рощу. На шелковой полянѣ разстилали скатерть, и коровай, убранный цвѣтными лентами, послѣ троицкихъ пѣсенъ клался на скатерть. Народъ разсыпался семейными кружками по долинамъ. Въ это время пожилой народъ занимался угощеніемъ родныхъ и знакомыхъ, а молодежь завивала вѣнки. Здѣсь братцы завивали цѣльные вѣнки для своихъ сестрицъ. Случалось часто, что сестрицы такіе вѣнки успѣвали скрытно передавать суженымъ, по наказу братцевъ. Троицкій вѣнокъ считался непремѣннымъ вѣстникомъ брачнаго союза. Съ вѣнками на головѣ молодежь начинала разыгрывать хороводы, сначала отдѣльными кругами: тутъ участвовали родные и знакомые, а потомъ въ мірской кругъ соединялись всѣ. Съ окончаніемъ хороводовъ начиналась игра горѣлки. Вечеромъ уже возвращались изъ рощи прямо къ рѣкѣ, гдѣ молодые игрецы бросали свои вѣнки въ воду. Если вѣнокъ поплыветъ, то это означало непремѣнное счастіе. Если вѣнокъ закружится на одномъ мѣстѣ, то это предвѣщало разстройство свадьбы, семейныя ссоры. Если вѣнокъ потонетъ, то это угрожало великимъ несчастіемъ: смертью родныхъ или суженаго. Если вѣнокъ останавливался на одномъ мѣстѣ, то изъ этого заключали, что дѣвицамъ въ этотъ годъ не быть замужемъ, молодцамъ оставаться неженатыми.

Троицкій коровай и скатерть прежде у нашихъ бабушекъ заключали въ себѣ особенныя тайны. Хороводницы коровай разсывали по богатымъ семьямъ. Кто засушивалъ сухари и хранилъ на свадебный обиходъ. Эти сухари замѣшивались въ свадебный коровай на счастье и на любовь молодымъ. Скатерть играла важную роль на смотринахъ. Ее клали тайно отъ гостей на столъ и покрывали другою скатертью. Старушки увѣряли, что эта скатерть привораживала суженаго къ невѣстѣ крѣпче всякаго зелья. Но на такой поворотъ отваживались не всѣ матушки изъ опасенія — не доставить бы своему дѣтищу лихого суженаго.

Мѣстные обряды троицкаго народнаго праздника имѣютъ свои отличія.

Въ Тульской и Псковской губ., старики и старушки, послѣ вечерни, выходятъ на кладбище обметать троицкими вѣниками могилы родителей. Этотъ обрядъ называется „глаза у родителей прочищать“.

Поселяне Орловской губ. выходятъ въ рощи молить короваи. Для этого они готовятъ два коровая: одинъ для мірского стола, другой для рощи. Съ послѣднимъ короваемъ выходятъ завивать вѣнки. Мірской коровай остается для домашняго угощенія, а остатки раздаются нищей братіи.

Въ Нерехтѣ и окружныхъ селеніяхъ на Троицынъ день кумушки собираются въ рощи, цѣлуются сквозь березку при развиваніи вѣнковъ и дарятъ другъ друга лентами или полотенцами.

Въ Енисейской губ., въ Минусинскомъ округѣ, приготовляется поселянами „гостенька“: береза, одѣтая въ лучшее женское платье. Гостеньку на Семикъ приносятъ въ избы, гдѣ и стоитъ до Троицына дня. Молодцы и дѣвицы приходятъ навѣщать гостеньку, поютъ пѣсни и играютъ хороводы. На Троицынъ день, послѣ обѣдни, собираются въ избѣ дѣвицы съ молодцами, выносятъ гостеньку, отправляются къ рѣкѣ, играютъ въ хороводы, завиваютъ вѣнки и бросаютъ ихъ въ воду для загадыванья.

Въ Бѣлоруссіи также завиваютъ въ рощахъ изъ березокъ вѣнки для родныхъ и милыхъ. Матери завиваютъ вѣнки для дѣтей, дѣти для отца и матери, братья для сестеръ и суженыхъ. Дѣвушки мѣняются вѣнками на вѣчную дружбу и поютъ русальныя пѣсни.

Въ остальныхъ селеніяхъ древнее гулянье считается послѣднимъ праздникомъ. Тамъ кумы посылаютъ въ гостинцы своимъ крестникамъ гречневые короваи и желтыя яица. Дѣвицы дарятъ другъ друга лентами и мѣняются кольцами. Мѣновыя кольца хранятъ на память дружбы, перевязывая ихъ лентами.

Сахаровъ.

Свадебные обряды и пѣсни.

Свадебные обряды всѣхъ индоевропейскихъ народовъ вообще и народовъ славянскихъ въ частности естественнымъ образомъ распадаются на три отдѣла: 1) обряды, которые совершаются въ домѣ отца невѣсты; 2) обряды, имѣющіе мѣсто при отправленіи молодой въ домъ новобрачнаго и 3) обряды въ домѣ новобрачнаго. Въ виду того обстоятельства, что нѣкоторые обряды, имѣющіе мѣсто въ домѣ отца невѣсты, повторяются въ домѣ новобрачнаго, затѣмъ въ виду неравномѣрнаго количественнаго распредѣленія обрядовъ по отдѣльнымъ актамъ свадьбы, болѣе удобнымъ является раздѣленіе всѣхъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ на два широкихъ отдѣла: 1) свадебные обряды и пѣсни, относящіеся къ гражданскому укрѣпленію брака и 2) свадебные обряды и пѣсни, служившіе въ языческой древности религіознымъ освященіемъ супружескаго союза. Почти всѣ свадебные обряды такъ или иначе примыкаютъ къ одному изъ этихъ двухъ отдѣловъ, или опредѣляютъ положеніе брачущихся въ семьѣ и обществѣ, или обезпечиваютъ имъ счастіе и чадородіе, ставя ихъ подъ покровительство обоготворенныхъ небесныхъ явленій.

Обряды юридическаго свойства очень тѣсно переплелись съ обрядами религіозно-миѳическими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникаетъ большое затрудненіе опредѣлить происхожденіе и первоначальное значеніе обряда.

Иное свадебное дѣйствіе, возникнувъ, повидимому, изъ древнихъ семейныхъ отношеній, дѣйствіе исключительно бытовое, въ теченіе своей многовѣковой жизни, мало-по-малу отдѣлилось отъ породившаго его явленія, изъ живого дѣйствія сдѣлалось безсознательно или полусознательно совершаемымъ обрядомъ и глубоко сроднилось съ опредѣленной стороны съ дѣйствіемъ чисто миѳологическаго воззрѣнія.

Всѣ слав. свадьбы въ началѣ не богаты обрядами. И начальные свадебные обряды, за весьма немногими исключеніями, указываютъ на господствовавшія въ разное время средства пріобрѣтенія невѣсты и укрѣпленія владѣнія ею. Начало славянскихъ свадебъ, въ особенности свадьбы велико-русской, историку древне-русскаго права и быта даетъ болѣе, чѣмъ историку народной поэзіи и миѳологу.

Въ отдаленный до-историческій періодъ народнаго развитія, съ зарожденіемъ личнаго брака, какъ опредѣленнаго [illegible] соединенія двухъ половъ, черты брака человѣческаго были перенесены на небо. Простодушная и наивная мысль [illegible] человѣка небесное и земное переплела неразрывно. [illegible] человѣческой жизни она перенесла въ воздушныя сферы; небесныя явленія она украшала [illegible] существованіемъ; солнечными лучами [illegible] [illegible] также [illegible] и [illegible], какъ само [illegible] [illegible] [illegible] творила [illegible]. [illegible] весенняя [illegible] [illegible] [illegible]. Солнце, луна, [illegible] и молніи [illegible] принимать [illegible] участіе въ судьбѣ [illegible], опредѣлить [illegible] его рожденія и счастіе [illegible] всей будущей жизни, устраивать брачное [illegible] и т. д.

Перенесеніе брачныхъ отношеній [illegible] небесныхъ [illegible] человѣческаго брака [illegible] [illegible]. У [illegible] народовъ, въ томъ числѣ у [illegible] [illegible] [illegible] бракъ считался [illegible]. Небесный [illegible] сталъ освящающимъ первообразомъ брака земного, [illegible] послѣднему священное божественное значеніе. У [illegible] [illegible] имена [illegible]. Наиболѣе уважаемыя формы брака получили имена [illegible] болѣе чтимыхъ боговъ.

Съ [illegible] и [illegible] [illegible] о [illegible] Бога на землю [illegible] союзъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] супружескія небесныя пары [illegible] въ большей или меньшей мѣрѣ входившія въ міровоззрѣніе славянскихъ народовъ.

1) *Небо и земля.* „Очевидное для всѣхъ, говоритъ Аѳанасьевъ, вліяніе неба на земные урожаи невольно возбуждало въ умѣ

мысль о супружескомъ союзѣ отца неба съ матерью землею . . Согласно съ этимъ небо обозначалось словами мужескаго, а земля — женскаго рода.

2) *Солнце и земля.* Небо родило сына — солнце и уступило ему свое значеніе и силу. Дорогое дитя неба въ народныхъ міровоззрѣніяхъ заняло широкое мѣсто, вытѣснивъ изъ нихъ мало-по-малу своего родителя.

Представленіе о бракѣ земли съ юнымъ свѣтоноснымъ солнцемъ повело къ созданію многочисленныхъ разсказовъ, до сихъ поръ сохранившихся въ сказкахъ разныхъ народовъ. Сказки объ окаменѣломъ царствѣ, спящей или очарованной царевнѣ — отзвуки мифа о зимнемъ снѣ земли, изъ котораго ее выводитъ первый поцѣлуй — весенняго солнца. Въ слѣдующемъ замѣчательномъ болгарскомъ обычаѣ сказалась мысль о бракосочетаніи солнца и земли: 9-го марта въ каждомъ домѣ пекутъ круглый хлѣбъ, который называется „кравайче“. Дѣти берутъ по одному „кравайче“ и идутъ на гору. Они пускаютъ хлѣбъ катиться внизъ, и гдѣ онъ остановится, тамъ они вырѣзаютъ яму въ землѣ, а потомъ закапываютъ хлѣбъ. Этотъ кусокъ земли употребляется для лѣкарства, а на мѣстѣ, гдѣ похороненъ хлѣбъ, выростетъ лѣкарственная трава.

4) *Мѣсяцъ и звѣзда.* Нерѣдко замѣчается явленіе на небѣ, что какая-нибудь звѣзда случайно какъ будто идетъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ. Отсюда возникло представленіе, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяцъ, какъ его близкая подруга. У мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть своя любимая подруга.

5) *Громовникъ и Облачная дѣва.* „Въ грозѣ, говоритъ Аѳанасьевъ, древній человѣкъ видѣлъ брачный союзъ бога-громовника съ облачной дождепосной дѣвой“.

Свадебныя религіозныя пѣсни близко стоятъ къ молитвамъ, онѣ имѣютъ отъ послѣднихъ то существенное отличіе, что не заключаютъ въ себѣ просьбы, обращенной къ божеству, не имѣютъ прямой утилитарной цѣли. Въ нихъ воспѣвается бракъ небесный, какъ священный прототипъ брака человѣческаго.

Въ малорусскихъ пѣсняхъ дѣвичникъ имѣетъ мѣсто не на землѣ, а на таинственныхъ пространствахъ святой горы. Въ бѣлорусской пѣснѣ говорится о коморочкѣ между горъ, гдѣ свѣтятъ ясныя звѣздочки. Въ великорусской пѣснѣ Арх. губерніи на горѣ высокой и красивой стоитъ храмъ бѣлокаменный

Глубокою древностью отзываются свадебныя пѣсни объ оленѣ, соколѣ и павѣ.

Свадебныя пѣсни о бѣломъ оленѣ встрѣчаются въ губерніяхъ: Курской, Пермской и Тульской и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи.

Въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ мѣсто оленя — золотые рога занимаетъ соколъ. Соколъ свадебныхъ пѣсенъ есть зооморфическій образъ солнца и позднѣе — символъ жениха.

Въ пѣсняхъ часто невѣста уподобляется павѣ. Въ колядкахъ пава обладаетъ золотыми перьями, такъ что вѣроятно, и въ свадебныхъ пѣсняхъ рѣчь идетъ о близости невѣсты къ извѣстному зооморфическому образу солнца.

Сумцовъ.

Бытовыя пѣсни.

Внутренняя жизнь русскаго народа, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, съ ея радостями и печалями, выразилась вполнѣ въ *частной*, или *бытовой* пѣсни. Этотъ разрядъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, именно пѣсенъ семейныхъ, мужчинъ, женскихъ, молодецкихъ и проч. — принадлежитъ къ чисто лирическому роду поэзіи, потому что пѣсни эти служатъ выраженіемъ внутренняго чувства человѣка, изліяніемъ горя или радости сердца.

Окружающая природа и внутренній народный бытъ — государственный, общественный и семейный, обусловленный вообще вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, придаютъ тотъ или другой характеръ народной поэзіи и преимущественно народной пѣсни. Народныя пѣсни имѣютъ самую тѣсную связь съ жизнью народа. „Народныя пѣсни — это народная исторія, — говоритъ Гоголь, — живая, яркая, исполненная красокъ истины, обнажающая всю жизнь народа“. Многія стороны и черты народной жизни, которыхъ мы не найдемъ въ сухихъ лѣтописныхъ разсказахъ, открываются только въ семейной, женской или молодецкой, словомъ, въ частной и бытовой пѣсни. Потому мы и разсмотримъ подробнѣе собственно этотъ разрядъ лирическихъ народныхъ пѣсенъ, составляющихъ черту истинной, самобытной поэзіи русскаго народа.

Тонъ русской народной пѣсни — грустный, тоскливый до унылости; ея отличительный характеръ — или глубокая сосредоточенная

тоска, или отчаянное, неудержимое веселье, доходящее до самозабвенія. Такой характеръ нашей народной пѣснѣ придала — съ одной стороны — равнинная, по большей части, степная природа Россіи, невольно наводящая тоску и уныніе на душу своимъ ужасающимъ однообразіемъ. Припомнимъ наши обширныя, непроглядныя и малонаселенныя степи, наши дремучіе и до крайности однообразные лѣса; наши темныя, нескончаемыя осеннія ночи, наши долгія и суровыя зимы, — и намъ не покажется удивительнымъ то грустное чувство, которое прорывается повсюду въ русской народной пѣснѣ. Съ другой стороны, жизненныя, историческія причины, вслѣдствіе которыхъ сложился русскій народный бытъ, съ его семейнымъ деспотизмомъ, съ подчиненіемъ женщины грубой деспотической власти мужчины, съ грубостію нравовъ вообще, съ неувѣренностію въ завтрашнемъ днѣ и въ своемъ семейномъ благополучіи, — все это наложило печать глубокой тоски на нашу народную пѣснь.

Пѣсни семейныя — женскія и мужескія, дѣвичьи, свадебныя и т. д. — запечатлѣны особеннымъ тономъ тяжкой, безъисходной печали. Онѣ полны той глубокой, сокрушительной скорби, которая невольно васъ за сердце хватаетъ. Въ каждомъ словѣ ихъ слышны слезы *горючія*, которыя какъ *рѣка льются*, какъ *ручей текутъ*.

«Не наполнишь ты синя моря слезами»,

говорится въ одной дѣвичьей пѣснѣ. Нѣкоторыя дѣвичьи пѣсни отличаются въ то же время нѣжностію, а иногда и удивительною силою чувства, какою-то особенною, простодушною граціею и нѣжнымъ, поэтическимъ отношеніемъ къ природѣ. Вотъ какъ говоритъ дѣвушка въ пѣснѣ о вѣрности своему другу:

Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками...

Участь оставленной дѣвушки пѣсня сравниваетъ съ участью горемычной кукушки, у которой залетный соколъ разорилъ гнѣздо и разогналъ дѣтушекъ. А какъ хороша пѣсня, гдѣ дѣвушка сравнивается съ тонкою, бѣлою, кудреватою березою, которую ни солнышко, ни мѣсяцъ не грѣютъ, не усы-

паютъ частыя звѣзды, а поливаетъ только крупными дождями, да ломитъ буйнымъ вѣтромъ».

Вообще чувство женщины выражается въ нѣкоторыхъ русскихъ пѣсняхъ съ рѣдкою поэтическою грацiею и въ прекрасныхъ поэтическихъ выраженiяхъ, какъ напр. въ извѣстной пѣснѣ: „На горѣ стоитъ елочка“, съ этимъ грацiознымъ припѣвомъ:

Я пойду и не слушаю;
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.

Въ большой же части дѣвичьихъ или женскихъ пѣсенъ высказывается горемычная доля дѣвушки, которую, не спросясь о ея желанiи, помимо ея свободнаго выбора, выдаютъ замужъ. Сколько безотрадной тоски и въ то же время какая трогательная кротость и нѣжная любовь къ родителямъ слышатся обыкновенно въ словахъ этихъ пѣсенъ! Дѣвушка прощается съ своей дѣвичьей красою, съ своимъ садикомъ, съ цвѣтами, съ соловьемъ: „Завянутъ безъ меня всѣ цвѣточки въ саду“, говоритъ она. „Пой, мой громкiй соловей, во всю ночку, во всю мѣсячную! Ужъ не долго тебѣ меня тѣшити“. Она „горемыка горегорькая“, съ кроткою мольбою и любовью, обращается къ своей „желанной“ матушкѣ и проситъ не отдавать ее чужимъ отцу съ матерью, которые „безжалостливы уродилися“. Но свѣтелъ мѣсяцъ — родимый батюшка и красно солнышко — родима матушка запоручили ее, дѣвицу красную, за поруки крѣпкiя, за замки вѣковѣчные, выдали ее на чужую сторону, которая, въ понятiяхъ дѣвушки, „горемъ горожена, а печалью усажена, слезами поливана, тоскою покрывана“. И здѣсь-то начинаются тѣ печальныя картины грубаго, суроваго семейнаго быта, которыя съ такою безпощадною вѣрностью дѣйствительности, рисуются въ пѣсняхъ. Тутъ и „свекоръ и свекровь лютые“, и „золовки смутливыя“, и „деверья пересмѣшливые“; тутъ всѣ съ нею не ласковы, всѣ ее попрекаютъ; тутъ она должна учиться привыкать къ той страдательной покорности, про которую говорится въ пѣснѣ: „держи голову поклонную, а сердце покорное“; тутъ она сживается съ мужнинымъ „умомъ-разумомъ и обычаемъ молодецкимъ“; иначе ее ждутъ побои отъ мужа и [illegible], котораго „первый разъ

ударитъ, такъ семь рублевъ, другой разъ — такъ четырнадцать", говоритъ одна пѣсня. Жалоба женщины на ея печальное и тяжелое положеніе въ семейномъ быту — это мотивъ общій почти всѣмъ женскимъ или дѣвичьимъ пѣснямъ. Жалоба эта высказывается по большей части съ кроткою грустью и не смѣло; но въ иныхъ пѣсняхъ она раздается съ большою силою и рѣзкостью, какъ напр. въ пѣснѣ: „Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди, что на всѣ ли на четыре стороны".

При такомъ устройствѣ общественнаго быта, при такомъ состояніи семейныхъ нравовъ, ясно, что не только женщина, но и мужчина, и самъ древній добрый молодецъ, долженъ былъ страдать. И вотъ въ пѣснѣ *злодѣй-тоска* падаетъ на сердце молодецкое, „какъ туманъ на сине море"; добрый молодецъ „во слезахъ родился, во слезахъ крестился, и всю жизнь, какъ былинушка, въ чистомъ полѣ шатается его бѣдная головушка". Добрый молодецъ допытывается у матери о своей судьбѣ и говоритъ:

Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государыни, моей матушки, спрошуся:
Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?

Но счастье-то молодцу не досталось въ удѣлъ: посѣдѣла его буйная головушка не отъ времени, не отъ лѣтъ, все отъ *безвременья*. И добрый молодецъ, чтобы подавить свою злодѣй-тоску, предается грубому разгулу, топитъ свое горе *въ зелено винѣ* и говоритъ въ пѣснѣ:

Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину....

Итакъ, вотъ гдѣ ищетъ исхода русскій добрый молодецъ своему горю. Такого исхода своему горю человѣкъ можетъ искать только въ обществѣ грубомъ, неразвитомъ; и исходъ этотъ, безъ сомнѣнія, представляется крайне печальнымъ. Но та удаль, которую мы встрѣчаемъ въ мужскихъ пѣсняхъ, удаль, которой все нипочемъ; злая насмѣшка надъ злодѣй-тоской и презрѣніе къ собственной долѣ; наконецъ горькія жалобы на горемычную долю, разлитыя въ пѣсняхъ женскихъ, — все это дока-

зываетъ, съ одной стороны, что древнерусскій человѣкъ не хотѣлъ мириться съ темною стороною своей дѣйствительности; что онъ протестовалъ противъ нея и искалъ выхода изъ-подъ тяжелаго гнета обстоятельствъ; а съ другой — свидѣтельствуетъ о необыкновенной силѣ воли и энергіи народнаго духа, которыя не могла сокрушить никакая невзгода, никакія неблагопріятныя обстоятельства исторіи.

Карповъ.

Свадебныя пѣсни.

Въ разныхъ странахъ сѣверной Россіи свадебные обряды весьма разнообразны и многочисленны, такъ что они представляютъ многосложную, разительную и живую картину праздниковъ и обычаевъ, повѣрьевъ и обрядовъ, въ коихъ отсвѣчивается мѣстность и духъ народа; большая часть этихъ обрядовъ суть символы и аллегоріи, коихъ смыслъ отчасти потерянъ. Сія драма народная, или лучше сказать, опера-водевиль, во многихъ отношеніяхъ важна и занимательна. Нигдѣ такъ не проявляется народность и древній ея бытъ, какъ въ обрядахъ русской свадьбы, болѣе умилительной и торжественной при многихъ ея странностяхъ, нежели веселой и разгульной, хотя она и называется въ старомъ русскомъ языкѣ, такъ какъ нынѣ и въ червонорусскомъ и малороссійскомъ, *веселіемъ*, *весельемъ*, *игрищемъ*, въ коемъ слилось религіозное съ народнымъ, древнее съ новымъ.

Ломоносовъ говоритъ, что въ язычествѣ, вмѣсто браковъ, у радимичей, вятичей, сѣверянъ были *игры между селъ* (т. е. не между селеній, а между полей), гдѣ среди игръ, пѣсенъ и плясокъ мужчины выбирали себѣ невѣстъ. Остатокъ этого находимъ въ игрѣ *прятанкой*. Самое выраженіе наше *играть свадьбу* едва ли не происходитъ отъ древнихъ *игръ*; притомъ въ областныхъ нарѣчіяхъ Россіи донынѣ говорится, вмѣсто пѣть пѣсни, *играть пѣсни*. Какъ свадебные обряды сопровождаются пѣснями и музыкою, то по сему и говорится *играть свадьбу*.

Въ XI уже вѣкѣ были веселія и пѣсни на свадьбахъ, какъ видно изъ посланія вел. князя Владиміра Мономаха къ Олегу.

По сказанію Стоглава, гл. 41, вопр. 16: „въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и арганники, и гусельники, и смѣхотворцы и *бѣсовскія пѣсни* поютъ, и какъ къ церкве вѣнчатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ будетъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ“. (Стоглавъ. Изд. Кожанчикова. 1863, стр. 135). Духовные писатели народныя пѣсни и слѣд. свадебные обряды называли *бѣсовскими*...

Свадебныя пѣсни, извѣстныя въ Россіи издревле, нерѣдко проникнутыя глубокими и умилительными чувствами, сопровождаютъ всѣ акты этой семейной драмы; каждому дѣйствію соотвѣтствуетъ особенная пѣсня: сговору, дѣвичнику, вѣнчанью и т. д. Онѣ содержатъ въ себѣ приготовленіе къ исполненію обязанностей жены и хозяйки, изображеніе замужней жизни съ ея горестями и заботами, радостями и надеждами, описываютъ переходъ изъ дѣвическаго состоянія въ замужнее, изъ рукъ и дома родителей въ руки и домъ мужа, нерѣдко изъ родной въ чужую, дальную сторону; ибо для невѣсты русской встарину женихъ былъ *суженый*, который избирался волею родительской и для невѣсты былъ *судьбою* и самый обрядъ вѣнчанія называется *судомъ Божіимъ*. Въ этихъ пѣснопѣніяхъ остались еще непростывшіе слѣды древняго быта народнаго; онѣ воспоминаютъ намъ миѳическаго Лада, Тура и припѣвъ Лели, синее море, горючь камень, терема и свѣтлицы, *калиновые мостики, дубовые столы, скатерти браныя, коровай, пряники, сахарныя ествы, гривны*, и пр. Свадебныя пѣсни, выражая мѣстность и духъ народа, бываютъ различны. Какъ при похоронахъ и поминкахъ, такъ и при свадебныхъ обрядахъ простолюдиновъ остались причитанья съ вытьемъ. Въ дѣвичникъ невѣста, закрытая фатою среди дѣвицъ, садится на возвышенное мѣсто съ искусною причитальщицей и начинаетъ причитать. Она напѣвнымъ голосомъ дѣлаетъ приличныя причеть отцу и матери, братьямъ, сестрамъ и всѣмъ родственникамъ, прощается съ отчиною своею, если ее выдаютъ на чужбину, и съ подругами, приговаривая, что она выходитъ изъ круга.

Снегиревъ.

Значеніе окружающей природы въ созданіи миѳовъ.

Въ странѣ, бѣдной очертаніями природы, въ степной и лѣсистой, гдѣ взоръ свободно распространяется вдаль, къ склонившимся на равнину краямъ горизонта, не останавливаясь ни на одномъ возвышеніи, сколько нибудь поражающимъ воображеніе, въ странѣ умѣренной, не отличающейся ни поразительною силою зноя, ни быстрыми переходами отъ жару къ холодамъ, изъ всѣхъ миѳическихъ преданій о стихійныхъ божествахъ могли удержаться и даже получить мѣстное развитіе, только преданія о рѣкахъ. Для великановъ же горъ не нашлось на Руси приличной обстановки: вѣтры, Стрибоговы внуки, проносясь по степямъ и лѣснымъ обрывамъ, глухо терялись въ однообразномъ пространствѣ, потому что негдѣ имъ было остановиться, чтобы сгруппироваться въ великанскіе образы: нѣтъ на Руси ни глубокихъ пещеръ, гдѣ бы они пріютились, ни высокихъ горъ, изъ-за которыхъ они вырывались бы наружу. Самое море въ нашихъ пѣсняхъ называется только синимъ, потому что племена, заселившія Русь, забыли уже его безпріютную, волнующуюся пустыню и внесли съ собою только пріятное воспоминаніе о зеркальной поверхности водъ, въ которой отражается синее, безоблачное небо. Нашъ эпосъ хотя и знаетъ морскаго царя, но чествуетъ его только по отношенію къ рѣкамъ, чтобы въ этомъ божествѣ дать имъ отца, потому даже низводитъ его до божества водъ вообще, называя его водяникомъ и давая ему въ супруги какую-то царицу водяницу.

Миѳологія финскихъ и сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ рисуетъ сообразно титаническіе типы стихійныхъ божествъ воздуха, мороза, горной природы и морскаго тумана. Высокія горы и приморскія скалы издали обманываютъ взоръ своими прихотливыми формами и мерещатся испуганному воображенію странными исполинами. Они насылаютъ на смертныхъ морозъ и силы грозятъ своею массой подавить ихъ скромныя жилища и, возвышаясь надъ туманною поверхностью морей, несокрушимо отражаютъ отъ себя удары вѣтровъ и морской бури. Понятно, слѣдовательно, почему сѣверный эпосъ наполненъ сказаніями о борьбѣ бога Тора съ великанами Турсами, стихійными существами горъ, мороза, инея и вѣтровъ. Самыя

горы, по преданію сѣверной миѳологіи, не что иное, какъ колоссальныя кости нѣкогда убитаго Имира, величайшаго изъ великановъ.

Очевидно, въ зависимости отъ условій природы и быта и отъ созерцанія, воспитанныхъ миѳологіей и эпосомъ, надобно объяснить, почему на Руси доселѣ во всей свѣжести живутъ въ народѣ преданія и сказанія о стихійныхъ существахъ, живущихъ въ рѣкахъ, то есть о русалкахъ, между тѣмъ какъ вилы, свѣтлые тѣни воздуха, существа горныя, вполнѣ соотвѣтствующія сѣвернымъ валькиріямъ, господствуютъ въ эпосѣ сербскомъ.

Впрочемъ, несмотря на то, что въ эпосѣ русскомъ не могли господствовать представленія о великанахъ горъ, все же были и на Руси зачатки этихъ представленій, вынесенные изъ общей индо-европейскимъ народамъ арійской родины, а у другихъ славянъ, подъ благопріятствовавшею обстановкою природы и быта, даже развились они, приняли мѣстный, индивидуальный характеръ.

Впрочемъ, первая эпоха сильнѣе наложила свою печать на судьбу нашихъ богатырей. Какъ сѣверные великаны, они превращаются въ камни, горы и утесы, а превращеніе въ эпическомъ языкѣ часто имѣетъ смыслъ и уподобленія, ассимиляціи, тожества. Слѣдовательно, это просто великаны горъ, миѳическое олицетвореніе самыхъ горъ и утесовъ. Такое миѳическое превращеніе соотвѣтствуетъ космогоническому преданію о самомъ рожденіи людей изъ каменьевъ, которые, по греческому миѳу, Девкаліонъ и супруга его, соотвѣтствующіе семитическому Ною и индо-европейскому Ману, бросали позадъ себя, и изъ каждаго камня рождался человѣкъ.

Титаническія, стихійныя существа въ исторіи народнаго эпоса заслоняютъ собою преданія о первобытныхъ хаотическихъ переворотахъ на землѣ, совершившихся нѣкогда могуществомъ высшихъ, невѣдомыхъ силъ. По этимъ преданіямъ, горы, лѣса, воды въ хаотическомъ безпорядкѣ громоздились по землѣ и, какъ существа одушевленныя, могли сталкиваться между собою и разбиваться, по приказанію высшаго слова.

Эта миѳическая эпоха размѣщенія и установленія порядка и гармоніи между землею и водою соотвѣтствуетъ превращенію стихійныхъ великановъ въ горы и рѣки. Эти миѳическія существа, одаренныя буйной силой, безъ всякой управы бу-

жали, сталкиваясь между собою въ титанической борьбѣ и не давали простору ослабленнымъ смертнымъ. Но рано или поздно законы природы должны были положить конецъ этому хаосу и неурядицѣ.

Слагатели миѳовъ и космогоническихъ эпизодовъ были глубоко убѣждены въ этомъ благотворномъ переворотѣ. Потому что они хотя и не довѣряли невѣдомымъ силамъ природы, хотя страшились и благоговѣли передъ могущественными силами, но все же видѣли, что горы и лѣса стоятъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, что рѣки, что бы онѣ ни говорили своими плескучими струями, все же, по установленному порядку, неизмѣнно текутъ въ своихъ крутыхъ берегахъ. Куда дѣвались эти страшные для человѣка исполины, которымъ такъ привольно было блуждать въ первобытномъ хаосѣ? Они превратились въ лѣса и горы, повѣствуетъ народный эпосъ и успокоиваетъ запуганное воображеніе, наглядно убѣждая, что отъ страшныхъ сверхъестественныхъ силъ ничего болѣе не осталось, какъ грубая масса, въ которой они навсегда улеглись.

Буслаевъ.

Главныя основы и процессъ образованія народнаго эпоса.

Народный эпосъ — во всѣхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ, начиная съ миѳа и чарующаго вымысла, этого остатка религіозныхъ миѳическихъ образовъ, и до дѣтской игры, сопровождаемой стихами или припѣвами, и до колыбельной пѣсни — есть не только выраженіе народнаго быта, но даже сама народная жизнь, возведенная на первую степень сознанія и перелитая въ прекрасные звуки родного слова. Потому, только въ связи съ характеристикою первоначальнаго эпическаго быта самого народа возможно себѣ составить вѣрное и полное понятіе объ этомъ существенномъ, основномъ родѣ поэтической дѣятельности.

Совокупному, такъ сказать, собирательному творчеству народной фантазіи и этому ровному, неизмѣнному теченію эпоса соотвѣтствуетъ строгая обрядность эпическаго быта, подчиненная вѣрованію и сопровождаемая неизмѣнными обычными проявленіями въ дѣйствіяхъ и въ самыхъ словахъ. Съ самаго рожденія и до смерти вся жизнь человѣка подчиняется этому

равному эпическому теченію, руководимая вѣрованьями старины, оглашаемая звуками родного слова (эпоса) въ его ранообразныхъ проявленіяхъ.

Создавая или, точнѣе сказать, только ощущая всю полноту вымысловъ народной фантазіи, каждое поколѣніе получаетъ въ наслѣдство и удерживаетъ только часть этого всеобъемлющаго цѣлаго. Но зато въ каждомъ эпизодѣ, въ каждой эпической пѣснѣ чувствуются всѣ элементы, изъ которыхъ сложился народный эпосъ, чувствуется ясно, что только на широкой основѣ полнаго воззрѣнія жизни въ эпической формѣ была возможна та дѣйствительная сила, помощью которой сложился эпизодъ, отдѣльная пѣсня или сказка.

На этомъ основывается высокое достоинство эпизодовъ народнаго эпоса. Каждый изъ нихъ даетъ слушателю полную возможность оріентироваться, оглядываться въ тѣхъ подробностяхъ разсказа и въ тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя въ эпизодѣ сообщаются, хотя бы подробности эти, какъ краткіе намеки, и состояли въ связи съ другими разсказами, съ другими пѣснями или сказками, т. е. съ другими эпизодами великаго народнаго эпоса. Никогда не видя передъ собою цѣлаго эпическаго зданія (которое и живетъ только въ эпизодахъ), вѣщій и поющій, и слушающій сообщаются съ нимъ на каждомъ отдѣльномъ эпизодѣ, — подобно тому, какъ говорящій проникается всею полнотою и силою своего родственнаго языка, хотя бы сказалъ только нѣсколько фразъ или, чтобы вполнѣ почувствовать всѣ оттѣнки грамматическаго состава, хотя бы самой короткой рѣчи, надобно усвоить себѣ весь внутренній строй языка.

Эпизодическое существованіе эпоса, вполнѣ согласное съ постоянно эпизодическимъ его употребленіемъ въ народѣ, опредѣляетъ всю историческую его судьбу, все его внѣшнее развитіе. Со временемъ одни эпизоды пропадаютъ, другіе возникаютъ вновь, иные подновляются, по требованію новыхъ обстоятельствъ и воззрѣній и, такъ сказать, покрываются новыми наростами. Однако, несмотря на видоизмѣненіе составныхъ частей, цѣлое остается невредимо, пока въ народѣ не угасла жизнь эпическаго творчества. Точно такъ дерево остается свѣжо и исполнено жизни, пока здоровъ его корень, сколько бы ни мѣняло оно вѣтвей и листьевъ. Потому, замѣчу мимоходомъ, мнѣ кажется, отличается необыкновенно художественнымъ тактомъ

въ нѣкоторыхъ языкахъ наименованіе эпизодовъ народнаго эпоса вѣтвями (branches).

Но если главныя основы эпоса остаются неизмѣнны, все же, по требованіямъ развивающихся поколѣній, или вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, иногда цѣлые обширные отдѣлы древнѣйшей народной поэзіи, вмѣстѣ съ прежними поколѣніями, вымираютъ, оставляя въ себѣ только слабые слѣды. Такъ эпосъ космогоническій смѣняется героическимъ (сначала тотъ и другой живутъ вмѣстѣ дружно), но потомъ остается только героическій, а потомъ и этотъ послѣдній все болѣе и болѣе прерываетъ связь свою съ народной миѳологіей, вступаетъ на поприще историческаго разсказа.

Тогда въ памяти народа остаются только отдѣльные намеки на утраченное цѣлое, въ видѣ обычныхъ эпическихъ формъ, въ обычаяхъ и измѣненіи формъ, которыхъ первоначальное значеніе уже непонятно; потому что эпосъ уже есть не иное что, какъ старый и разрозненный матеріалъ, пошедшій на новые постройки.

Оторвавшись отъ миѳическихъ основъ древнѣйшей эпохи, народный эпосъ еще болѣе нарушаетъ цѣльность своей внѣшней формы; потому еще болѣе нуждается въ эпическомъ изложеніи; и такимъ образомъ представляется какъ собраніе отдѣльныхъ и доступныхъ средствъ и цѣлыхъ живыхъ, живучихъ убѣжденій. Темныхъ образовъ, бывшихъ народной миѳологіи и яркихъ характеровъ любимыхъ народомъ идеаловъ. Миѳологическая и историческая основа эпоса была сосредоточена къ живымъ убѣжденіямъ и ихъ воззрѣніямъ народа на жизнь и природу. Это не есть видимое, но всѣми чувствуемое единство, противное неорганическому сліянію частей въ одну массу.

Г.

Историческое развитіе характеровъ и идеаловъ русскаго эпоса.

Нѣтъ сомнѣнія, что пѣсни обрядовыя, т. е. подблюдныя, свадебныя, хороводныя, веснянки, а также разныя причитанія и заговоры, сохранили въ себѣ гораздо болѣе слѣдовъ древнѣйшаго миѳологическаго эпоса, нежели пѣсни богатырскія, которыя на-

[illegible]

[illegible]

Изведешь ты яснова сокола,
Не поймать тебѣ бѣлой лебеди.

[illegible]

[illegible] наго вниманія.

Буслаевъ.

Внѣшнее и внутреннее единство богатырскаго эпоса древнѣйшія и позднѣйшія условія, опредѣлившія характеръ его.

[illegible]

въ этомъ смыслѣ еще живая и до сихъ поръ съ ея радушнымъ и ласковымъ княземъ, съ ея сторожевою заставою, съ первымъ отраженіемъ христіанскихъ лучей на ея благодарной общинной почвѣ. Пора эта была какъ будто бы навсегда остановлена могучимъ воображеніемъ народа, такъ что и всѣ позднѣйшія, самыя важныя, раздѣленныя вѣками, событія отнесены къ ней, пріурочены къ той же богатырской заставѣ и освѣщены тѣмъ же самымъ свѣтомъ простодушнаго, частію двоевѣрнаго, но въ сущности теплаго и не только наружнаго пониманія христіанства. Такимъ образомъ, при всей своей многосложности, нашъ эпосъ оказывается въ своемъ родѣ объединеннымъ, такъ какъ въ немъ даже имѣется, конечно своеобразнымъ путемъ достигнутое, единство внѣшнее — мѣста и времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единство внутреннее — содержанія, мысли, главнымъ образомъ выразившейся въ слагавшемся въ теченіе вѣковъ, но все въ одномъ основномъ направленіи, идеальномъ образѣ **Ильи Муромца.**

Выводя этого богатыря своего изъ простого народа, эпосъ нашъ заставляетъ его постоянно помнить о слабыхъ, о голи, думать объ общихъ правахъ, объ общемъ народномъ дѣлѣ, ничего не ища для себя — ни здѣсь на землѣ у князя, ни тамъ **въ небесахъ у Бога!**

Все, отзывающееся въ нашемъ эпосѣ человѣчностію и свободой, оказалось вытекающимъ изъ общиннаго начала, а потому и связывающимся съ временами его простора, а такими оказываются времена, предшествовавшія не только московскому, но и суздальскому періоду. Объ издавнемъ, путемъ естественнаго, ничѣмъ незадержаннаго развитія, совершившемся у насъ переходѣ отъ родовыхъ отношеній къ общиннымъ свидѣтельствуетъ вся вообще словесность наша народная.

Славянамъ не досталось непосредственное сосѣдство съ дряхлѣющею, разлагающеюся имперіею римскою; въ нихъ такимъ образомъ легкостію добычи не были вызваны въ дѣло тѣ силы, которыя у германцевъ разыгрались воинственностію и положили завоевательное начало въ основу средневѣковой государственности. Несуществовавшимъ для славянъ переходомъ въ преобладающее воинственное, и притомъ наступательно-воинственное положеніе не могли быть пришиблены тѣ смягчающія основы осѣдлости земледѣльческой съ естественно изъ нея вытекающею общинностью отношеній, кото-

[illegible] Микулы и Ильи Муромца, которыхъ [illegible]

[illegible] не было.

[illegible]

[illegible]

О. Миллеръ.

Измѣненіе былинъ подъ вліяніемъ времени.

[illegible]

сказками: по первой — дѣйствіе происходитъ на пиру у Владиміра, между тѣмъ какъ по послѣднимъ — происшествіе помѣщено въ поповскомъ домѣ. Такое перенесеніе сюжета изъ обстановки исторической въ современно-бытовую указываетъ на одинъ изъ фазисовъ, въ который можетъ вступить былина при исключительно устномъ храненіи.

Майковъ.

Значеніе былины.

Историческая пѣсня, или *былина*, заслуживаетъ особеннаго вниманія между прочими видами русской народной поэзіи. Она свидѣтельствуетъ намъ, что народъ принималъ живѣйшее участіе въ историческихъ судьбахъ Руси, умѣлъ по своему очень вѣрно понимать ихъ и давать имъ мѣткую характеристику въ своихъ пѣсняхъ. Современники воспѣвали громкія имена и великія событія своего времени и передавали ихъ юному, нарождавшемуся поколѣнію, которое, свято сохраняя завѣщанную отъ отцовъ старину, прилагало къ ней былины своего времени, какъ авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ прилагалъ *былины сего времени* къ замышленію Бояню, и потомъ бережно передавало оно накопленное имъ поэтическое сокровище потомству. Какъ бы ни совершалась эта завѣтная передача историческихъ былинъ, но пѣсни о Владимірѣ, о татарахъ, Литвѣ, объ Иванѣ Грозномъ и о другихъ историческихъ предметахъ и доселѣ живутъ въ устахъ народа. Ясно, что одно поколѣніе органически родилось съ другимъ, будучи связываемо историческимъ преданіемъ. Какъ грамотные люди читали о родной старинѣ въ лѣтописяхъ, хронографахъ, житіяхъ святыхъ, такъ съ неменьшею для себя пользою простой народъ питался и доселѣ не перестаетъ питаться національными силами историческихъ преданій въ своихъ историческихъ былинахъ. Этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И если русскій безграмотный людъ не учился исторіи своей родной земли по школьнымъ учебникамъ, если не понимаетъ ни хронологической, ни прагматической связи между важнѣйшими событіями родной старины, то все же онъ питаетъ къ нимъ поэтическое и нравственное сочувствіе, воспоминая о нихъ въ своихъ былинахъ. Не буду здѣсь касаться вопроса о томъ, что больше можетъ родить простой народъ

[illegible] мовъ, въ которыхъ новое со старымъ сливается въ одно [illegible] простого народа.

[illegible]

скія, хотя съ особенною энергіею совершился въ народной фантазіи переходъ отъ миѳовъ древнѣйшаго періода къ эпосу собственно историческому. Именно тогда рѣшительный исходъ изъ сомкнутаго круга собственно миѳологическаго творчества которымъ замѣчается въ народахъ вслѣдствіе историческихъ переворотовъ, особенно потрясающихъ народное чувство и сильно подѣйствовавшихъ на воображеніе. Такія событія, какъ завоеваніе Испаніи маврами, въ жизни народа сербскаго, какъ погромъ татарскій въ древней Руси — вызываютъ чувство и сознаніе національности и даютъ новое направленіе поэтической дѣятельности. Эпическія [illegible] уже [illegible] историческими [illegible], въ которыхъ чувствуются черты самыхъ текущихъ историческихъ событій.

Буслаевъ.

Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи.

Въ послѣднее время было много писано о нашихъ былинахъ, и ихъ разсмотрѣли со многихъ сторонъ. Но есть въ нихъ одна сторона, которая, какъ намъ кажется, оставалась безъ достаточнаго вниманія, — это сторона историко-географическая. Именно любопытно знать, насколько справедливо и обстоятельно былины представляютъ намъ землю, насколько онѣ вѣрны, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, картѣ древней Руси, которую онѣ намъ представляютъ, насколько вѣрна дѣйствительности.

Дѣйствіе былинъ происходитъ на Руси, при князѣ Владимірѣ Святославичѣ, т. е. въ концѣ X и началѣ XI столѣтія. Въ какомъ же видѣ была тогда Россія, по словамъ пѣвцовъ?

Въ пѣсняхъ Россія является намъ соединенною въ одно цѣлое подъ властью великаго князя, сидящаго въ Кіевѣ. Удѣловъ почти нѣтъ. Единственный удѣльный князь, о которомъ упоминается, это Волхъ или Олегъ, сынъ сестры Владиміра. Онъ получаетъ отъ своего дяди нѣсколько городовъ и беретъ съ нихъ дань.

Есть у Владиміра и другіе племянники, но они еще очень молоды, холосты, и живутъ при дворѣ Владиміра. Пѣсни [illegible] [illegible] Владиміра [illegible]

Особенное положеніе Вольги объясняется тѣмъ, что онъ рожденъ не отъ простого смертнаго, а отъ чудеснаго змѣя. Нѣкоторыя пѣсни называютъ княземъ Добрыню Никитича. — И, вѣроятно, это мнѣніе самое древнее, но и Добрыня не имѣетъ удѣла.

Великій князь всея Руси сидитъ въ стольномъ Кіевѣ на Днѣпрѣ рѣкѣ. Пѣсни непрерывно воспѣваютъ красоту и величіе Кіева. Онъ называется „краснымъ городомъ“, „славнымъ стольнымъ Кіевомъ градомъ“. Онъ стоитъ на красѣ, на угожествѣ, въ немъ живетъ князь богачъ“. Литовская княжна Апраксія, по ея словамъ, три года Богу молилась, чтобы попасть за князя Владиміра: „хоть я не была въ городѣ Кіевѣ, однако знаю нынѣ богачество у этого князя Владиміра. Тамъ стоятъ палаты грановитыя, тамъ стоятъ луга красовитыя; у моего, у сударя у батюшки, у моего короля у любимова, палатушки стоятъ все пустешеньки, лужайки помяты все [illegible]“.

Жизнь въ Кіевѣ — вѣчный миръ, прерываемый только набѣгами кочевыхъ варваровъ, живущихъ по сосѣдству въ степи. Нашествія эти, впрочемъ, сами служатъ поводомъ къ новымъ пирамъ. Они бываютъ кратковременны и кончаются блестящимъ торжествомъ для русской земли. Такъ и было при историческомъ Владимирѣ. Что касается до его пировъ, то при Несторѣ ихъ хорошо помнили въ Кіевѣ. По словамъ лѣтописца, Владимиръ установилъ творить пиръ у себя въ гриднѣ каждое воскресенье, и приходили бояре и гриди, и сотскіе, и десятскіе, и лучшіе нарочитые люди при князѣ и безъ князя. И бывало тамъ множество мясовъ и отъ скота, и отъ звѣрины (дичины), и рыбы, и овощи различныя и множество вина, и медовъ разныхъ. Переяславская лѣтопись прибавляетъ къ этому [illegible] черту: „а пиру [illegible] безъ числа, а при [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на [illegible]. По [illegible] Владимиръ [illegible] [illegible] Несторъ, [illegible] подгулившая дружина стала корить князя въ скупости: „зло нашимъ головамъ, ѣсть деревянными ложками“. Владимиръ [illegible] сковать серебряныя ложки [illegible]. „Серебромъ и золотомъ, промолвилъ онъ, я не добуду дружины, а съ дружиной добуду и серебра и золота“.

Кіевъ и въ пѣсняхъ представляется святымъ городомъ. Тамъ церковь соборная, тамъ есть и чудотворцы. Но пѣсня говоритъ обо всемъ этомъ въ общихъ выраженіяхъ; да и точно религіозное значеніе Кіева только начиналось при Владимірѣ.

Не меньше Кіева дорога и памятна народу Непра рѣка. Казалось бы, что до нея сѣвернымъ жителямъ, у которыхъ есть свои великія рѣки. Однако, въ пѣсняхъ Волга встрѣчается въ однѣхъ запѣвахъ, а Непра олицетворяется не хуже, чѣмъ Ксанѳъ у Гомера. Она самая русская и была нѣкогда великой богатыршей, женой другой, священнѣйшей славянской рѣки — тихаго Дуная. Оба они умерли несчастнымъ образомъ и превратились въ рѣки. Само собой разумѣется, что это преданіе гораздо древнѣе Владиміра и только впослѣдствіи перенесено въ его эпоху. Будучи сама кіевлянкой, Непра бережетъ свой Кіевъ. Въ превосходной пѣснѣ „Сухманъ" она не пускаетъ къ Кіеву татаръ, рветъ мосты, которые они наводятъ, борется съ ними три дня, наконецъ выбилась изъ силъ и помутилась пескомъ. На помощь ей является богатырь Сухманъ, которому она объявляетъ языкомъ человѣческимъ объ опасности, и тотъ истребляетъ татаръ.

Есть еще рѣки, упоминаемыя въ былинахъ: Сафатъ, Нерой, Почай, Черега. Мѣсто ихъ, большею частію, не опредѣлено, но всѣ онѣ текутъ около Кіева. Первое имя, какъ объясняютъ, выдумано подъ вліяніемъ религіозныхъ преданій о Іосафатовой долинѣ, около Іерусалима. Второе носитъ мифическій характеръ. Обѣ онѣ замѣняютъ въ пѣсняхъ подлинное имя Непра. Но Почай рѣка и понынѣ существуетъ въ Кіевѣ подъ именемъ Почайны. Это ручей, впадающій въ Днѣпръ въ самомъ Кіевѣ. Только пѣсни забыли его размѣры и поютъ о немъ, какъ о большой рѣкѣ. Въ нихъ встрѣчается форма Пучай, объясненная отъ глагола пучиться; но первая форма древнѣе.

Ручей Почайна имѣлъ великое значеніе въ преданіяхъ: въ немъ произошло крещеніе русской земли. Кромѣ того, старое устье его, нынѣ уже занесенное Днѣпромъ, составляло старинную кіевскую гавань. Поэтому и мѣстность, гдѣ протекаетъ Почай рѣка, изображена въ былинахъ довольно вѣрно. На этой рѣкѣ живетъ богатырь Чурило Пленковичъ, а живетъ онъ, по словамъ той же пѣсни, не въ Кіевѣ, а подлѣ малаго Кіевца. Малымъ же Кіевцемъ можно считать только Вышгородъ, находящійся въ небольшомъ разстояніи отъ Кіева и съ

[illegible] Владимиръ отправляется къ нему на Почай рѣку:

«Будетъ князь на Почай рѣкѣ,
У чудна креста Леванидова,
У святыхъ мощей у Борисовыхъ.

[illegible] бенное помѣщеніе.

[illegible] Кіева и гдѣ ихъ помѣщаетъ? Во-первыхъ, выше Кіева Смо- [illegible]

[illegible]
жели о Волыни, Галичѣ и Подольской землѣ.

[illegible]
и Муромъ, да больше ихъ въ то время почти и не было.
[illegible]
минается о молодыхъ суздальцахъ. Ростовъ называ[illegible]

[illegible]
дится въ особыхъ отношеніяхъ къ Владиміру).

[illegible]

сине моря Южные Швеція лежитъ другое королевство. И кромѣ того, весьма извѣстное въ былинахъ, это — земля Ляховинская или Хоробрая Литва. Эпосъ смѣшалъ Польшу и Литву по ихъ позднѣйшему соединенію. Столицей Ляховинской земли изображается историческій Краковъ. Вся земля представляется воинственною и грозною; причемъ король ея смотритъ высокомѣрно на Русь и собирается съ грозою на нее въ союзѣ [illegible] съ Казимиромъ. Такія отношенія между Русью и Польшей дѣйствительно существовали въ XI вѣкѣ, когда Польскіе первые короли, гордые своимъ католичествомъ и военными успѣхами, дѣлали нѣсколько разъ набѣги на Русь и свысока относились къ русскимъ, какъ къ своимъ вассаламъ. Но эти гордыя притязанія не всегда соотвѣтствовали дѣйствительной силѣ [illegible] земель. Казимиры нѣсколько разъ [illegible] за помощью [illegible] галицкихъ Ростиславичей. И въ былинѣ гордый король Хоробрыя Литвы вскорѣ [illegible] смиряется передъ силою русскихъ богатырей. Но былина кромѣ того, представляетъ эту землю [illegible] [illegible] [illegible] и не молится.

Связь Руси и Литвы отмѣчена въ бракѣ Владиміра съ Опраксой, дочерью ляховинскаго короля. Отношенія Литвы къ Руси [illegible], результатъ этого брака — дружественныя.

Кромѣ земли Ляховинской, на западѣ лежитъ земля [illegible]ская. О ней мало извѣстно. Въ нее посылаютъ покупать богатырскихъ коней, величаемыхъ латинскими.

Еще далѣе на югъ лежитъ Царьградъ, святыня и [illegible] метрополія и средоточіе православія. Царьградъ — историческое имя Константинополя; эпосъ довольно [illegible] указываетъ на его православіе. Отношенія Руси къ этому городу самыя почтительныя. Симпатіи къ нему русскихъ еще болѣе усилились оттого, что Русь и Царьградъ пили одну и ту же горькую чашу отъ варваровъ, враговъ христіанства. Но Русь еще не такъ отъ нихъ страдаетъ, отбиваясь довольно успѣшно. Царьградъ же однажды совершенно впадаетъ во власть [illegible] [illegible]. Тамъ водворяется поганое Идолище, представитель язычества и магометанства, которыя слились воедино въ воображеніи [illegible] предковъ. Онъ насильничаетъ, грабитъ

ку и перины, ругается надъ иконами, жретъ въ несмѣтномъ количествѣ быковъ и коровъ, вторгается даже въ семейную жизнь короля, котораго до времени еще терпитъ на престолѣ.

И сидитъ онъ идолъ въ новомъ теремѣ,
Промежду царя и царицы,
Не даетъ царю съ царицей думу думати.

Но вотъ идетъ помощь. Въ Цареградъ является русскій паломникъ. Онъ становится подъ царскимъ окномъ и кричитъ громкимъ голосомъ, прося милостыню. А просить милостыню строго запрещено Идоломъ. Онъ преслѣдуетъ все, какъ-будто носитъ христіанскій. Отъ громкаго голоса калики дрожитъ теремъ, столы качаются, вины проливаются. Страхъ беретъ самого Идола, а царь, напротивъ того, возрадовался и говоритъ таковыя слова:

Не красно солнце пораспекло,
Не ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ поразсвѣтилъ,
Показался во Цареградѣ
Старый казакъ Илья Муромецъ.

Онъ узналъ богатырскій голосъ; онъ знаетъ, что это идетъ поборникъ Руси на помощь старшимъ братьямъ. Идолъ упрекаетъ царя за то, что онъ позволяетъ шляться нищимъ, но царь изъ любопытства зоветъ въ теремъ „русскаго калику". Тотъ входитъ, и черезъ нѣсколько минутъ Идолъ и его воинство лежатъ мертвые.

Въ этихъ пѣсняхъ главнымъ образомъ сказалось исконное, вѣчное убѣжденіе русскаго народа, общее не ему одному, но всѣмъ его братьямъ по языку или по вѣрѣ, что рано или поздно Россія нанесетъ смертельный ударъ врагу христіанства. Народъ думалъ, что чаемое ужъ исполнилось однажды, и тѣмъ болѣе надѣялся на будущій успѣхъ. Но случалось русскимъ оказывать дѣйствительную помощь грекамъ. Не мало русскихъ служило въ ихъ войскѣ. Владиміръ нѣсколько разъ помогалъ кесарямъ въ бѣдѣ.

Однако на самомъ дѣлѣ съ Цареградомъ приходилось иногда ссориться. До крещенія Руси войны бывали нерѣдко. Самъ Владиміръ добылъ себѣ крещеніе оружіемъ. Потомъ были еще двѣ войны, если не болѣе, и замѣчательно, что обѣ воеванія были

[illegible] Владимиръ Ярославичъ и Вла-
димиръ Мономахъ.

[illegible]
новъ посильнѣе — отъ Калиновъ и Батыевъ. Эти не разъ
[illegible]

[illegible]
точно былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Кіевомъ. Послѣ
[illegible]

постыднаго мира и руки его дочери. Но и это не помогло. Тесть не унялся и былъ, наконецъ, убитъ въ битвѣ съ кіевлянами. Связи Святополка съ половецкою поганью, конечно, порицались многими русскими, и отголоски этихъ событій зашли въ эпосъ.

Болѣе сильными представляются цари, носящіе чисто татарскія имена: Батый, Сартакъ, Лоншеканъ, Мамай и др. Эти приходятъ съ несмѣтными полчищами. Ужасъ ихъ нашествія живо описанъ въ былинахъ. Такъ и вспоминается лѣтописное описаніе взятія Кіева татарами.

Первоначальный эпосъ, разумѣется, зналъ только печенѣговъ, козаръ и тому подобныхъ; позднѣе они смѣнились половцами; наконецъ всѣ кочевники слились въ одно страшное имя татаръ. Описанія осады Кіева, большею частію, сложились уже послѣ нашествія послѣднихъ.

Изъ морей русскія былины знаютъ Варяжское. Оно же иногда называется Волынскимъ, по имени острова Волыни, съ богатымъ торговымъ городомъ того же имени. Другое море было Черное, служившее торговымъ путемъ въ Царьградъ къ царю заморскому. Изъ него суда поднимались по Днѣпру. Далѣе Царьграда полагается земля Веденецкая (венеціанская). Въ Словѣ о полку Игоревѣ венеціанцы именуются венедицы. Тамъ былъ островъ Кодольскій (кандійскій), откуда пріѣзжали купцы. Однимъ изъ нихъ былъ Соловей Будиміровичъ, удивившій Кіевъ своимъ богатствомъ и женившійся на Запавѣ, племянницѣ Владиміра. Третье море, извѣстное нашимъ предкамъ (мы не считаемъ Сѣвернаго Ледовитаго или вообще океанъ моря, о которомъ кіевскія былины не много знаютъ,— новгородскія напротивъ), было Хвалынское или Каспійское. Тамъ ѣздилъ Илья съ другими богатырями на соколъ-кораблѣ и билъ непріятельскія суда.

Квашнинъ-Самаринъ.

Народный бытъ и поэзія предъ судомъ современной литературы.

Въ прежнее время останавливали на себѣ взглядъ только высшіе пункты человѣческаго развитія, окруженные сіяніемъ вѣковой славы, которое своимъ ослѣпляющимъ блескомъ только

[illegible] своей ученой работы, [illegible] наконецъ на посредственность и всякою пошлость.

[illegible] въ Петербургѣ [illegible] XVI и XVII столѣт[illegible] XVIII столѣтія [illegible] XIX столѣтія [illegible]

свои живописи, стали заводить коллекціи изъ мужицкихъ кушаковъ, полотенецъ, ширинокъ и тому подобной рухляди, которой во время оно чопорный вкусъ не терпѣлъ даже въ пейзажахъ, замаскировывая все мужицкое въ классическіе костюмы пасторальнаго стиля.

Громадными переворотамъ надобно было совершиться и въ жизни, и въ умахъ, надобно было перетряхнуться сверху донизу всѣмъ политическимъ, религіознымъ и общественнымъ учрежденіямъ, перетасоваться всѣмъ сословіямъ; надобно было пройти чрезъ цѣлый періодъ смѣшенія умовъ, [illegible] вкусовъ и убѣжденій, чтобы перенести свои эстетическіе интересы отъ Виргилія и Вольтера къ простонародной пѣснѣ, отъ Лаокоона къ романской капители съ чудовищными [illegible], и отъ Рафаэля къ безсмысленному узору бабьяго полотенца. Не пресыщеніе изысканною цивилизаціей руководило вкусомъ въ этомъ переходѣ и тѣмъ болѣе не послѣдовательная [illegible] замѣнимости въ пользу дикаго посредственности. Напротивъ того, если бы прежде не были изучены [illegible] и [illegible] художники такъ основательно, какъ они изучаются теперь, и въ особенное достоинство нашему времени надобно приписать тотъ глубокій всеобъемлющій [illegible], которымъ современный человѣкъ умѣетъ обнять [illegible] произведеніямъ все великое и малое, и высокія [illegible] и низменные уровни [illegible] массъ [illegible] въ томъ и другомъ открылъ [illegible] въ силу которой [illegible] и массъ.

Въ прежнее время не только [illegible] къ литературѣ [illegible] мистическое честолюбіе. Это [illegible] [illegible] всѣ [illegible] всѣмъ [illegible] [illegible] чтобы [illegible] вопросы, которыхъ [illegible] [illegible] Хорошо [illegible] [illegible] историческаго [illegible], которое [illegible] болѣе [illegible] въ округленности своей системы [illegible] [illegible] историческомъ [illegible] потому что [illegible]

нованіе эти отзывы, какъ слѣдуетъ, но даже только открыть ихъ и на нихъ остановиться можно лишь тогда, когда чуткимъ ухомъ вслушаешься во всю массу относящихся къ нимъ вопросовъ, а для этого надобно сполна погрузиться въ ту мѣстную, бытовую среду, сложенную изъ тысячи зависимыхъ членовъ, на которыхъ возникла геніальная личность. И чѣмъ неудержимѣе такая личность, чѣмъ глубже и шире захватываетъ она своей дѣятельностью интересы мѣстъ, тѣмъ необходимѣе для уразумѣнія ея это всестороннее изученіе окружающей ея среды. Какимъ множествомъ болѣе или менѣе мелкихъ нитей связывается Шекспиръ не только съ его ближайшими предшественниками и съ эпохой Возрожденія, но и съ массой раннихъ средневѣковыхъ памятниковъ народной словесности и литературы! Произведенія Рафаэля ранняго [illegible]-благочестиваго стиля, почти сливаются съ массой предшествующихъ и современныхъ ему произведеній школы умбрійской, которую не только оцѣнили, но и открыли только въ наше время. Невниманіе къ скромнымъ дѣятелямъ, окружающимъ знаменитую личность, доводило до совпаденій несправедливости, когда громкимъ именемъ этой личности покрывали ихъ собственныя произведенія, какъ напримѣръ многія картины Бернардино Луини до сихъ поръ или въ разныхъ галлереяхъ подъ прозваньемъ Леонардо да-Винчи. Микроскопическія наблюденія библіографовъ надъ массой самыхъ дюжинныхъ, казалось бы, незначительныхъ по своему литературному достоинству, памятниковъ рукописныхъ и печатныхъ, усвоила себѣ и новѣйшая исторія искусства, напримѣръ въ сочиненіяхъ Вагена, Кроу, Кавальказелле и др. Въ параллель съ безыменною литературой народныхъ книгъ возникла такая же безыменная исторія искусства въ разработкѣ древне-христіанской археологіи и другихъ областей искусства, въ которыхъ выдвигается не личное вдохновеніе мастера, а совокупность усилій и понятій всѣхъ и каждаго. Старинная рукопись съ [illegible] искусными передѣлками какихъ нибудь восточныхъ сказокъ [illegible] есть въ наше время такую же богатую поживу для историка литературы, какую извлекаетъ для себя и историкъ искусства изъ грубыхъ миніатюръ, которыми украшена рукопись. И какъ, благодаря этой кропотливой библіографической работѣ, наука открыла разные средневѣковые источники Шекспира и Данте, [illegible] также подрывала *Божественная Ком[illegible]*

въ современной Данту свѣтской поэзіи. Какъ и для исторі[illegible] искусства безымянная, позднѣйшая миніатюра открыла новыя точки зрѣнія и новые источники для объясненія многихъ крупныхъ явленій, которыя досель своими особенностями не от[illegible]рались на основѣ послѣдовательнаго развитія. Разительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ натурализмъ Джотто и его школы. Этотъ рѣшительный поворотъ отъ [illegible] такъ называемой византійской рутины объясняли обыкновенно [illegible] только личнымъ геніемъ великаго мастера. Знакомство съ [illegible] миніатюрами въ рукописяхъ современныхъ и прежнихъ [illegible] этому живописцу не оставляетъ сомнѣнія, что натура[illegible] въ натурализму давно обнаруживалась въ [illegible] читающей публики, особенно во Франціи, [illegible] и забавнымъ содержаніемъ рукописей, въ которыхъ ми[illegible]ристъ пробовалъ свои силы передать сцены [illegible] ной жизни, описываемыя въ текстѣ. По самому ходу [illegible] болѣе и болѣе пріобрѣтали право [illegible] къ себѣ [illegible] въ искусствѣ, литературѣ [illegible] которыя прежде, кромѣ свидѣтельства [illegible] не имѣли никакого значенія. Сколько [illegible] смысленнымъ заключили [illegible] надъ врагами [illegible] баптистерія [illegible] человѣка [illegible] корень котораго подрываютъ два звѣря! И только [illegible] время, когда съ должнымъ вниманіемъ отнеслись къ [illegible] книгамъ, стало всѣмъ ясно, что это [illegible] турное воспроизведеніе [illegible] въ среднее [illegible] жота или исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ [illegible] эпизода восточнаго, буддійскаго происхожденія [illegible] и человѣкъ, стремящійся по этому [illegible] сето. Эпизодъ этотъ часто попадается между [illegible] миніатюрами и въ русскихъ рукописяхъ [illegible] XVIII [illegible] Хожденія у насъ на Руси [illegible] о [illegible] и Китоврасѣ [illegible] до [illegible] Новгородскаго [illegible] сказки [illegible] о Мерлинѣ [illegible] и Кругломъ Столѣ.

[illegible]

развитія, не отмѣченные ни однимъ замѣтнымъ именемъ выдающейся изъ сплошной среды личности. Наука и нравственное чувство слились вмѣстѣ въ этомъ подвигѣ высокой гуманности. Человѣколюбіе низошло къ меньшей братіи, погрязшей въ варварствѣ и невѣжествѣ, и усмотрѣло въ ней нравственные задатки человѣческаго развитія, а наука въ этихъ задаткахъ открыла прочную основу, на которой сооружается зданіе многовѣковой цивилизаціи. Признаніе высокихъ поэтическихъ достоинствъ за простонародными пѣснями и сказками было столько же подвигомъ великодушнаго самоотверженія со стороны цивилизованнаго общества, сколько и знакомъ зрѣлости эстетическаго вкуса, сказавшагося въ пользу простоты и естественности; потому что, какъ замѣтилъ Яковъ Гриммъ, въ поэзіи лирической и драматической, то есть въ искусственной, книжной, при произведеніяхъ отличныхъ бываютъ и плохія; въ поэзіи эпической могутъ быть только произведенія или истинныя, настоящія, то есть безыскусственныя, или же ложныя, то есть искусственныя. При такомъ взглядѣ уравниваются въ своихъ достоинствахъ всѣ народности, къ какой бы породѣ онѣ ни принадлежали, и на какой бы степени цивилизаціи ни стояли: на самой ли высшей, какъ евреи, эллины, народы классическіе, или на низшей, какъ финны, литва, татары и вообще дикари стараго и новаго свѣта.

Буслаевъ.

Старшіе богатыри.

Нашъ народный эпосъ отличаетъ эпохи въ развитіи богатырскихъ типовъ, называя какія-то сверхъестественныя личности богатырями старшими: ясно, что эти старшіе богатыри отъ витязей цикла Владимирова отличаются громадной величиной и непомѣрной силой. Но всѣ ли они принадлежатъ къ существамъ стихійнымъ или нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ другое значеніе? Если это существа стихійныя, то въ какомъ отношеніи состоятъ они къ стихійнымъ божествамъ ранней миѳологической эпохи? Сами ли это боги? Тогда выраженіе русскихъ былинъ „старшіе богатыри" не точное и не вѣрное, составившееся вслѣдствіе того, что народъ утратилъ сознаніе о своихъ богахъ. Или же это дѣйствительно богатыри

въ смыслѣ древнихъ великановъ, уже потомковъ какого нибудь титаническаго, стихійнаго божества? Къ такимъ великанамъ стихійнымъ русскій эпосъ не присоединилъ ли другихъ, позднѣйшихъ, составившихся въ воображеніи народномъ вслѣдствіе историческихъ столкновеній съ враждебными народами? Наконецъ, кромѣ великановъ, къ этой породѣ богатырской не сопоставить ли многія другія лица, въ которыхъ характеръ мифическаго существа нѣсколько замаскированъ позднѣйшею обстановкою богатырей Владиміровой эпохи? Въ такомъ случаѣ и Волхъ Всеславьевичъ, и Дунай, даже самъ Илья Муромецъ въ своихъ богатырскихъ типахъ представитъ намъ много такого, что болѣе прилично было бы въ эпосѣ титаническомъ, нежели позднѣйшемъ богатырскомъ: потому что эпосъ народный, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе многихъ вѣковъ, дошелъ до насъ переполненный самыми странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами и другими несообразностями. Иногда въ одномъ и томъ же лицѣ, такъ напримѣръ въ Ильѣ Муромцѣ, народный эпосъ смѣшиваетъ разновременныя и разнохарактерныя черты и бога Перуна, и Ильи Пророка, и титаническаго Святогора, и лица историческаго, въ извѣстной мѣстной обстановкѣ. Еще больше надобно ожидать этой смѣси въ характерахъ богатырей старшихъ, относящихся къ ранней мифологической эпохѣ. Забывая свою миѳологію, народъ даетъ большой просторъ своей фантазіи, и, чтобы имѣть точку опоры, переводитъ мифическія существа на историческую почву.

Чтобы понять мифическія преданія русскаго народа, необходимо объяснять ихъ въ связи съ преданіями прочихъ славянскихъ нарѣчій, какъ общее достояніе всего славянскаго міра, предшествующее размѣщенію племенъ по разнымъ мѣстностямъ. Только этимъ путемъ можно опредѣлить первоначальное значеніе титаническихъ существъ, называемыхъ въ нашихъ былинахъ старшими богатырями. Что же касается до перехода ихъ въ богатырей временъ нашествія враждебныхъ народовъ, то для объясненія этого надобно прибѣгнуть къ лѣтописямъ и другимъ историческимъ свидѣтельствамъ.

Итакъ, въ послѣдовательномъ развитіи такъ называемыхъ старшихъ богатырей надобно отличать нѣсколько эпохъ, соотвѣтствующихъ переходу отъ древнѣйшихъ мифологическихъ вѣрованій къ мало по малу измѣнявшимся, темнымъ для народа преданіямъ

объ его раннихъ историческихъ судьбахъ, и наконецъ къ установившимся окончательнымъ типамъ богатырскаго эпоса цикла Владимірова.

Въ преданіи о старшихъ богатыряхъ русскій народъ сохранилъ память о древнѣйшихъ божествахъ своей миѳологіи. Сохраненныя имена, данныя этимъ богатырямъ въ разное время и подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Нѣкоторыя имена, можетъ быть, имѣютъ смыслъ миѳологическій, каковы Сухманъ, Святогоръ, Волхъ или Вольга, Тугаринъ Змѣевичъ, Дунай, Донъ, при женскомъ существѣ Непра или Днѣпра; другія составились подъ вліяніемъ книжнымъ, какъ напримѣръ Самсонъ богатырь, можетъ быть и Полканъ, или вообще подъ вліяніемъ позднѣйшей церковной обстановки, какъ напримѣръ Идолище Поганое, Старчище Пилигримище; другія заимствованы отъ названій народовъ, какъ Болотъ Болотовичъ; иные подъ покровъ своего позднѣйшаго формализма скрываютъ древнѣйшія преданія о первоначальныхъ судьбахъ славянъ, какъ Микула Селяниновичъ; наконецъ, цѣлый рядъ вѣрованій и миѳическихъ представленій, какъ древнѣйшій слой, вошелъ въ формацію героевъ даже младшей эпохи, такъ что въ самомъ Владимірѣ и Ильѣ Муромцѣ нельзя не замѣтить остатковъ древнѣйшей миѳической примѣси къ позднѣйшимъ чертамъ новаго богатырскаго типа.

Общее имъ названіе — старшіе богатыри — дано только и сравнительно въ позднѣйшей эпохѣ, то есть, исходя отъ понятія о богатыряхъ цикла Владимірова. Народъ только хотѣлъ заявить, что эти существа предшествуютъ богатырямъ Владиміра Красна-Солнышка, но что они также сами по себѣ, независимо отъ богатырей младшихъ, неизвѣстно. Какъ существа стараго порядка вещей, они должны быть вытѣснены своими потомками, которые заступаютъ ихъ мѣсто или по наслѣдству, или вслѣдствіе побѣды надъ ними. Борьба съ дикими силами природы, со звѣрями и съ страшными языческими народами въ народномъ эпосѣ естественно перенесена была на борьбу съ многими представителями стараго порядка вещей. Такимъ образомъ, первобытное божество, воплощаемое въ типѣ старшаго богатыря, нисходитъ до враждебнаго чудовища, или потому что божество стараго порядка вещей уже не годилось въ измѣнившейся обстановкѣ народнаго

быта, или потому, что стихійныя и титаническія существа древнѣйшей миѳологіи естественно казались впослѣдствіи страшилами и чудовищами.

Буслаевъ.

Стихійные богатыри рѣкъ и миѳическія представленія животныхъ.

Миѳическія представленія свѣта, солнца, огня, неба, вѣтровъ могутъ быть объяснены независимо отъ мѣстной обстановки тѣхъ племенъ, гдѣ эти представленія живутъ и развиваются. Иное дѣло съ рѣками и горами. Здѣсь общее представленіе о водѣ или возвышенности непремѣнно пріурочивается къ извѣстной мѣстности, а уже вмѣстѣ съ тѣмъ и къ индивидуальнымъ особенностямъ народнаго быта, состоящаго въ тѣсной связи съ условіями мѣстными.

Народный эпосъ воспѣваетъ миѳическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра и Днѣпры или Нѣпры, Волхова, Смородины не потому только, что въ эпоху образованія поэтическихъ миѳовъ у славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому, что рѣки и именно извѣстныя рѣки давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту славянъ. Дѣйствительно, въ раннюю эпоху миѳологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индо-европейской миѳологіи и еще во всей свѣжести возсоздавая миѳическія основы своего народнаго эпоса, разселялись по рѣкамъ. Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Такимъ образомъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ, рѣки предлагали дорогу для кочевниковъ, а свои берега для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ.

Увѣрившись въ безвредности неодушевленной природы, оградивъ себя отъ ея произвола убѣжденіемъ, что уже разъ окаменѣвшіе богатыри не шевельнутся въ своихъ заматерѣвшихъ вѣками оковахъ, что Дунай Ивановичъ уже не соберетъ своей крови, превратившейся въ воду, и никогда не предстанетъ вторично, какъ существо человѣкообразное, все же воображеніе, воспитанное миѳическими стремленіями, не скоро могло сдвинуться съ того мнѣнія, что существа живыя, одаренныя произволомъ, для человѣка страшны и непонятны по своимъ

дѣйствіямъ, что именно звѣри, птицы, и особенно змѣи, одарены того же разрушительною, сверхъестественною силою, отъ которой нѣкогда человѣкъ спасся въ эпоху гибели титановъ, и которая, по наслѣдству отъ этихъ чудовищъ, доселѣ еще пребываетъ въ животныхъ.

Миѳическія преданія о чудовищныхъ змѣяхъ и волкахъ, и о превращеніи людей въ эти чудовища, у славянъ восходятъ къ глубокой древности.

Народы дикіе и воинственные, согласно вѣрованіямъ въ животныхъ, получали имена змѣевъ, волковъ, лютыхъ звѣрей и особенно отъ своихъ сосѣдей, которымъ они были страшны. Миѳы о титанахъ давали этому вѣрованію большой просторъ, потому звѣрскіе враги представлялись испуганному воображенію великанами. Такъ тѣ же волки или лютичи иначе называются велетами, или волотами, а слово волотъ на бѣло-русскомъ языкѣ издавна употреблялось въ смыслѣ исполина. Какъ стихійные богатыри превращаются въ горы и скалы, такъ и память о волотахъ сохранилась въ волотовкахъ, какъ кое-гдѣ на Руси называются древніе курганы. До позднѣйшихъ временъ страшные враги представлялись народной фантазіи въ видѣ чудовищныхъ великановъ. Въ сказкахъ татары олицетворяются въ видѣ змія, который своимъ хоботомъ залегаетъ рѣки.

Буслаевъ.

Святогоръ.

Богатыри старшіе (первоначально боги), соотвѣтственно греческимъ титанамъ, отличаются силами исполинскими, а потому также разрушительными. Таковъ Святогоръ, который чувствуетъ, что могъ бы поднять всю землю; по другому же варіанту онъ могъ бы смѣшать земныхъ съ небесными. Сообразно съ такою стихійною, страшною силою онъ невыносимо тяжелъ для земли; соразмѣренъ тому и ростъ — выше лѣсу стоячаго, такъ что славнѣйшій изъ младшихъ богатырей — Илья Муромецъ предъ нимъ карликъ: безъ труда умѣщается у него въ карманѣ. Таковъ по объему тотъ богатырь-гора, которому, подобно горѣ, и съ мѣста не сдвинуться, и для котораго получить ударъ отъ меча Ильи Муромца все равно, что за сучекъ зацѣпить или за камушекъ задѣть.

[illegible] т. е. дождь).

О. Миллеръ.

Вольга́ Буслаевичъ.

[illegible] быть, служитъ миѳическимъ указаніемъ на то же явленіе, [illegible]

Но въ настоящемъ видѣ былины оборотничество служитъ

Вольгѣ пособіемъ въ дѣлѣ, уже совершенно земномъ. Если всѣ тѣ животныя, которыхъ видѣли въ тучахъ, должны были быть созданы воображеніемъ людей, жившихъ еще звѣролов-нымъ бытомъ, то не мудрено, если и то небесное существо, которое проходило чрезъ всѣ эти образы, при существованіи въ немъ уже и образа человѣческаго, могло представиться звѣроловомъ небеснымъ. Такимъ и представляется Вольга въ нашихъ былинахъ. Но бытъ звѣроловскій, какъ намъ уже извѣстно, тѣсно связанъ и съ бытомъ воинскимъ. И вотъ тотъ самый Вольга, при помощи того же миѳическаго оборот-ничества, совершаетъ и воинскіе походы. Но если первона-чальный образъ долженъ былъ сложиться еще въ пору звѣро-ловнаго быта, то къ изначально-воинскимъ его сторонамъ могли примыкать и воинскія черты несравненно позднѣйшаго, уже историческаго времени. Вхожденіе его въ историческій типъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣну типу миѳическому съ особен-ною ясностію сказывается тамъ, гдѣ онъ собираетъ себѣ дру-жину. Въ этомъ случаѣ ему какъ будто не хватаетъ его собственныхъ силъ, и онъ такимъ образомъ уже болѣе измѣ-няетъ своему прежнему божественному характеру, чѣмъ бога-тыри младшіе, умѣлые, какъ всѣмъ извѣстно, совершали и подвиги и безъ дружины. Надѣленіе дружиною богатыря Вольги могло, очевидно, совершиться только въ ту пору, когда въ самой жизни, въ самомъ быту появилась у насъ дружина княжеская; вотъ онъ и является княземъ дружиннымъ, также собирателемъ дани съ тѣхъ городовъ, которые даетъ ему дядя во владѣніе — не кто другой, какъ Владиміръ князь [illegible] [illegible] солнышка кіевскаго, обыкновенно являющагося ласко-вымъ хозяиномъ уже младшихъ богатырей. Такимъ образомъ связывается дядя съ однимъ изъ богатырей старшихъ. При подобномъ сближеніи позднѣйшаго историческаго съ самымъ древнимъ миѳическимъ, что мудренаго, если къ волшебно-изворотливому образу богатыря Вольги могли еще раньше примкнуть и полуисторическія преданія о князѣ, предшествен-никѣ Владиміра, Олегѣ Вѣщемъ, что ни мало не помѣшало пожаловать этого послѣдняго въ племянники ясному солнышку кіевскому. Когда то миѳическое оборотничество Вольги, по мѣрѣ усиленія въ немъ очеловѣченности, стало представляться умѣ-лостію, хитростію; а такія свойства сохранились въ народной памяти и за Олегомъ, самое имя котораго, по народному

[illegible]

О. Миллеръ.

Женщина-героиня древнѣйшаго и позднѣйшаго народнаго эпоса.

[illegible] тайною на нихъ правдою или закономъ.

Надобно сказать, что въ сверхъестественныхъ [illegible] как наши вилы, русалки, полудницы.

[illegible]

[illegible] существа.

Потому не въ одномъ только эстетическомъ [illegible] человѣка то [illegible] И эти прекрасные образы, то суровые и ве- [illegible] несмотря на [illegible] рус- [illegible] несмотря на грубую жизнь простонародья, [illegible]

[illegible] безъ [illegible] натуры. [illegible] ной [illegible] правды: несмотря на то, что на Руси вовсе не было общественной жизни, которая такъ способствуетъ образованію ума и сердца женщины.

[illegible] типы женской натуры были созданы въ русскомъ эпосѣ тогда, когда народъ еще не успѣлъ [illegible] и татарскихъ [illegible] когда еще [illegible] въ терема, чтобы [illegible] ихъ честь, и когда крестьянское сословіе въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи не [illegible] отставало отъ князей и бояръ.

[illegible] говоритъ въ пользу русской [illegible] что [illegible] типы въ ней сохранились до сихъ поръ, какъ [illegible] старины, въ которыхъ [illegible] если бы въ ней [illegible] умственнаго и нравственнаго движенія.

[illegible] русскаго эпоса [illegible] первоначально и старшіе богатыри, съ ихъ [illegible] ственною, полубожественною силой.

Но мѣрѣ того какъ [illegible] съ дѣйствительностью [illegible] больше [illegible] размѣры [illegible] женщинъ [illegible] красотѣ, а [illegible] мудрости [illegible] смысломъ и [illegible] которую [illegible]

Какъ въ характерахъ Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича [illegible] элементы [illegible] такъ и въ [illegible] лоритомъ народныхъ пѣсенъ позднѣйшихъ временъ.

[illegible] Добрыни Никитича [illegible] Какъ бы [illegible] которыми [illegible]

идеалы, но первоначальные контуры этихъ идеаловъ были накинуты такою смѣлою рукой и въ такомъ величавомъ и строгомъ стилѣ, что они уже не могли измельчать и опошлѣть до того, чтобъ утратить первоначальное идеальное достоинство.

Народный эпосъ внушаетъ убѣжденіе, что женщина своею женскою думушкой и своими догадками „и всѣхъ князей и бояръ повыманетъ и самого князя Владимира изъ разуму выведетъ". Потому-то мужъ долженъ искать въ женѣ не одной красоты, но преимущественно ума, чтобъ „было ему съ кѣмъ думу думати, и было бы съ кѣмъ слово молвити". Князь Владимиръ искалъ себѣ такой невѣсты, чтобъ она была „умомъ сверстна, чтобъ умѣла грамоту русскую и четью-пѣтью церковному".

Женщины въ богатырскомъ эпосѣ пользуются значительной свободой. Онѣ устраиваютъ между собою пиры и собираютъ многочисленныхъ гостей. Такъ у Василисы Микулишны созваны были на столованье жены купеческія и вельможескія. Женщины между прочимъ проводили время въ игрѣ въ шахматы, какъ, напримѣръ, играла Катерина жена Бермяты съ Чурилою. Чтобы выдать свою дочь замужъ, отецъ не злоупотреблялъ своею властью, и часто совѣтовался съ дочерью: шелъ къ ней вмѣстѣ подумать. Княженецкая племянница, Запава Путятишна, совершенно свободно гуляетъ по городу Кіеву, и даже сама приходитъ къ Соловью Будимировичу свататься. Впрочемъ, эта уже черезчуръ крайняя свобода, нарушающая женскую стыдливость, жениху не понравилась:

Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица, въ любовь пришла,
А тѣмъ мнѣ ты, дѣвица, не слюбилася,
Что сама себя дѣвица просватала.

Дѣвица-невѣста обыкновенно живетъ въ теремѣ, гдѣ красное солнце не печетъ ее, буйные вѣтры не пахнутъ на нее. Богатырь Дунай, посланный княземъ Владимиромъ за невѣстою Апраксѣевною, находитъ ее въ теремѣ.

Ходитъ она по терему златоверху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чеботовъ,
У ней русая коса пораспущена.

Женскую красоту русскiй эпосъ одушевляетъ мыслью и даетъ ей грацiозное движенiе. Въ воображенiи нашихъ пѣвцовъ прекрасная женщина представляется —

Умомъ умна и станомъ статна,
Лицо бѣло будто бѣлый снѣгъ,
Щечки будто маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней какъ павиная,
Рѣчь-то у ней лебединая.

или:

... Ростомъ была высокая,
Станомъ она становитая,
И на лицо она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска (привѣтлива,
красива).

Частая походка — по нашимъ былинамъ одна изъ главныхъ примѣтъ, по которымъ тотчасъ отличишь женщину отъ мужчины.

По понятiямъ народнаго эпоса, жена составляетъ домашнее сокровище, которое мужъ не долженъ легкомысленно выставлять на позоръ публики. Многимъ доставалось плохо, когда они по неосторожности хвалились на пирахъ своими прекрасными и умными женами, потому что только —

Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.

Особенно выступаетъ достоинство женщины въ лицѣ честной матерой вдовы, государыни матушки удалого богатыря. Это самая почтенная особа, о которой всегда отзывается эпика съ великимъ уваженiемъ.

Вдова учитъ своего сына уму-разуму; иногда она настолько развита, что отдаетъ его учиться грамотѣ. Отъѣзжая на подвиги, богатырь беретъ у своей матери благословенiе великое. Случается, что отправляется вмѣстѣ съ нею, какъ, напримѣръ, Соловей Будимировичъ, привезшiй свою матушку въ Кiевъ на корабляхъ изъ-за моря. Въ обращенiи съ матерью богатырь выказываетъ самое глубокое уваженiе:

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая трава разстилается:
Ужъ какъ сынъ передъ матерью кланяется.

Честная вдова проводитъ время въ трудахъ и молитвѣ. Соловей Будимировичъ построилъ для своей матушки отдѣльный теремъ, гдѣ она молилась „со вдовами честными, многоразумными“, между тѣмъ какъ онъ самъ въ другомъ теремѣ веселился съ своими корабельщиками. Вдовы посѣщаютъ пиры и между собою веселятся, бесѣдуютъ, иногда ссорятся. Такъ вдова Блудова поссорилась съ вдовою Часовою за то, что эта послѣдняя, обидѣвшись бранными словами ея сына, не хотѣла выдать за него свою дочь. Потому —

Честная вдова, Блудова жена
Пошла съ пиру не весела,
И не весела пошла — не радостна,
Зажала ручки вкругъ сердечушка,
Стянула головушку промежъ плечи.

Если сынъ женатъ, честная вдова господствуетъ въ домѣ и руководитъ своею невѣсткою, какъ, напримѣръ, мать Добрыни Никитича. Мать Дюкова изображается какой-то владѣтельной княгиней, окруженною всевозможными удобствами и великолѣпiемъ. Она распоряжается прiемомъ княжихъ оцѣнщиковъ, прiѣхавшихъ за тѣмъ, чтобы описать ея имѣнiе въ княженецкую казну, и ловко издѣвается надъ княземъ Владимiромъ. Неугомонный Василiй Буслаевъ, объявляющiй войну всему Нову-городу и никого не боящiйся, смиряется только предъ своею матерью. Когда она, чтобъ положить конецъ бѣдствiямъ новгородцевъ, проситъ его укротить свое богатырское сердце, богатырь почтительно отвѣчаетъ:

Ай же ты, моя родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Никого я не послухалъ бы,
А послушалъ тебя, родну матушку:
Не послухать мнѣ законъ не даетъ.

Вообще надобно сказать, что богатырскiй эпосъ приписываетъ огромное влiянiе вдовы-матери на образованiе и на поступки молодаго поколѣнiя богатырей. Любовь и уваженiе къ матери признакъ умнаго и вообще достойнаго человѣка. Гордиться своею матерью позволялось даже и на пирахъ. Эту похвальбу эпосъ не однажды поощряетъ пословицею:

А разумный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.

Иначе:

«Умный хвастаетъ старой матерью».

[illegible]

Женскіе типы въ былинахъ.

Женскія лица не многочисленны и взяты только изъ одного класса народа: онѣ принадлежатъ или къ княжеской семьѣ, или къ семьѣ дружинниковъ. Въ своихъ женскихъ лицахъ былины изображаютъ преимущественно общія черты женской природы, причемъ подчиняютъ ихъ строгой нравственной оцѣнкѣ. Чаще всего женщина изображается какъ жена: по понятію былинъ супружеская привязанность есть основа семейнаго счастья и пробный камень женскихъ характеровъ. Былины очень опредѣленно различаютъ нравственные типы жены злой и доброй. Былины съ сочувствіемъ изображаютъ два женскихъ типа, въ которыхъ онѣ предполагаютъ воплощеніе женскихъ добродѣтелей: Настасью Никуличну и Василису. Настасью Никуличну былины изображаютъ и дѣвицей, и замужней женщиной. Дѣвицей она представляется какъ воинственная поляница, полякующая въ чистомъ полѣ, и поляница, передъ величіемъ и силой которой оробѣлъ самъ Добрыня.

Въ замужествѣ исчезаютъ чудесныя свойства ея природы и воинственность, и былины изображаютъ ее нѣжно любящей женой, покорною мужу и «его государынѣ матушкѣ». Подобно Василисѣ характеристику Настасьи былины ограничиваютъ однимъ только случаемъ разлуки съ мужемъ. Добрыня принужденъ съ ней разстаться надолго, а можетъ быть, и навсегда: онъ поручаетъ Настасью заботамъ матери и даетъ женѣ совѣтъ шесть лѣтъ не выходить ни за кого замужъ. Вѣрная Настасья не только исполняетъ свой долгъ, но еще удвоиваетъ срокъ его: на исходѣ 12-го года самъ Владиміръ сватаетъ за нее Алешу Поповича, который приноситъ вѣсть о Добрыниной погибели: меньше рѣшительная и энергичная, чѣмъ Василиса Даниловна, Настасья не ищетъ себѣ смерти: смущенная, не имѣющая ни въ чемъ опоры, она принуждена

согласиться на бракъ, но въ самое время свадебнаго пира возвращается Добрыня.

Втапоры Настасья засовалася.
Хочетъ прямо скочить, обезчестить столы.

Матери богатырей всегда изображаются съ величайшимъ сочувствіемъ, даже почетомъ. Это типъ до того опредѣленный, что матери разныхъ богатырей характеризуются одними и тѣми же постоянными чертами, впрочемъ, очень немногосложными. Мать богатыря — всегда честная, матерая вдова, набожная, многоразумная; она всегда любима и уважаема сыномъ:

Что ни бѣлая береза къ землѣ клонится,
Ужъ не шелковая трава разстилается,
Ужъ какъ сынъ предъ матерію кланяется.

Сама она исполнена нѣжной къ нему привязанности, которую былины изображаютъ яркими чертами:

Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Провожала его родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по палатѣ похаживать,
Начала голосомъ поваживать
Жалобненько она съ причетью.

Вмѣстѣ съ сыномъ скорбитъ о его невзгодахъ и утѣшаетъ его; мать богатыря — его наставница и воспитательница, и горе тому сыну, который ослушается материнскихъ совѣтовъ. Это ослушаніе всегда не къ добру. Вообще, мать изображается какъ лицо въ высшей степени почтенное и достойное уваженіе.

Майковъ.

Младшіе богатыри и ихъ историческая эпоха.

Съ утратою языческаго вѣрованія, миѳъ, какъ бы онъ ни былъ заманчивъ по своему поэтическому содержанію, уже перестаетъ быть выраженіемъ и оберегателемъ народнаго сознанія. Онъ только забавляетъ, какъ сказка о какихъ-нибудь несбыточныхъ диковинкахъ, но не внушаетъ къ себѣ довѣрія

и уваженія, какими пользуется собственно богатырскій эпосъ, имѣющій предметомъ не боговъ, которымъ уже никто не вѣритъ и никто не поклоняется, а обыкновенныхъ смертныхъ, которые въ идеальныхъ типахъ богатырей становятся настоящими представителями народа, образцами того, что почитаетъ онъ въ себѣ доблестнымъ и достойнымъ всякаго уваженія.

Къ младшимъ богатырямъ принадлежатъ всѣ тѣ, которые при князѣ Владимирѣ являются представителями мѣстныхъ, провинціальныхъ силъ и сословныхъ интересовъ древней Руси. Эти герои новой, исторической эпохи уже не помнятъ своихъ родственныхъ связей съ миѳическими предками.

Богатырскій эпосъ называетъ ихъ сыновьями уже обыкновенныхъ смертныхъ, и притомъ такихъ людей, о которыхъ не находитъ нужнымъ распространяться, видя въ нихъ мало интереснаго для своей публики. Зато эпосъ съ особенною любовью медлитъ на характеристикѣ матерей младшихъ героевъ, изображая ихъ обыкновенно вдовами.

Всѣ эти спутники ласковаго князя стекаются къ нему въ Кіевъ изъ разныхъ мѣстъ, безъ сожалѣнія покидая свою родину и отца съ матерью. Прерывая связь съ родною стариною, они становятся даже ея врагами, поражая и сокрушая ея остатки въ чудовищахъ и великанахъ, съ которыми ведутъ постоянную борьбу. Кто истребляетъ Змѣя Горыныча, кто полонитъ Соловья Разбойника, кто побѣждаетъ Тугарина, кто великана Шарка.

Только Илья Муромецъ, наиболѣе всесторонній и совершеннѣйшій типъ русскаго богатыря, относится къ старинѣ не съ одною враждой. Онъ наслѣдовалъ силу отъ великана Святогора, былъ ему меньшой братъ и учился у него всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, какъ сѣверные боги учатся премудрости отъ маститыхъ великановъ.

Всѣ богатыри князя Владимира — народъ молодой, безбородый: даже самый эпитетъ *молодой*, или младъ, постоянно придается Дюку Степановичу, Михаилѣ Казаринину, Чурилѣ Пленковичу, Соловью Будимировичу, но особенно Добрынѣ Никитичу и Алешѣ Поповичу. Эпическій герой, по понятіямъ народа, одаренъ свѣжими, молодыми силами, потому и называется молодцемъ, добрымъ молодцемъ. Не зрѣлое сужденье и опытность руководятъ его дѣйствіями, а удаль и надежда на удачу; потому онъ удалой, удача-добрый *молодецъ*. Обык-

новенно являются богатыри при дворѣ князя Владимира холостыми, и потомъ уже смышляютъ себѣ невѣсту и женятся.

Самъ Владимиръ князь такой же безбородый юноша, какъ и его спутники, даже моложе ихъ: „Всѣ вы переженены, говоритъ онъ имъ однажды: только я, князь, не женатъ, холостъ хожу“.

Потому-то при дворѣ Владимира часто играются веселыя свадьбы, но похоронъ не бываетъ. Всѣ молоды и здоровы, всѣ пируютъ, пьютъ и веселятся.

Илья Муромецъ опять отличается отъ другихъ богатырей. Онъ не только не юноша, но даже сѣдой, матерой богатырь, съ сѣдою бородою. Сѣдина — отличительная примѣта Ильи:

> Не бѣлы снѣжки въ чистыимъ полѣ забѣлѣлися:
> А забѣлѣлася у него буйная головушка,
> Съ частой со сѣдой мелкой бородушкой.

Безъ сомнѣнія уже бородатый прибылъ Илья ко двору князя Владимира, потому что еще дома сидьмя сидѣлъ тридцать лѣтъ.

Илья Муромецъ умнѣе и благоразумнѣе своихъ богатырскихъ товарищей не потому только, что онъ изъ любимаго крестьянскаго сословія, но и потому, что онъ старше ихъ всѣхъ, опытнѣе, больше ихъ жилъ на свѣтѣ, больше видѣлъ и больше испыталъ. Потому онъ надъ ними начальствуетъ, какъ атаманъ и называетъ ихъ своими „ребятушками“. По лѣтамъ они годятся ему въ сыновья.

Ничто великое не совершается богатырями безъ участія Муромца. Онъ ведетъ ихъ на враговъ и распредѣляетъ каждому дѣло по силѣ.

Итакъ, хотя съ младшими богатырями выступаетъ на свѣтъ новое, молодое, безбородое поколѣніе; но эпосъ, всегда вѣрный природѣ и историческому теченію жизни, даетъ въ руководство молодой рьяности и отвагѣ благоразуміе и опытность старины, представителемъ которой, во всемъ, что она сберегла лучшаго и достойнаго, является при дворѣ князя Владимира муромскій крестьянинъ.

Въ богатырскомъ эпосѣ русскій народъ прославляетъ воинскіе подвиги и доблести своихъ героевъ, забывая на время ежедневные труды мирнаго земледѣльца. На самой ранней порѣ, только что Русь вышла на историческое поприще, тревожная эпоха междоусобій, особенно въ главныхъ сосредо-

точіяхъ русской жизни, заглушала воинскимъ шумомъ и гамомъ мирные голоса земледѣльческаго населенія.

Не идиллія земледѣльческаго быта, на многіе вѣка остановившагося въ своемъ развитіи, дала содержаніе нашему народному эпосу: не мирные поселяне съ ихъ однообразными, скромными привычками, искали для себя поэтическое отраженіе въ богатырскихъ идеалахъ: не въ тѣсныхъ стѣнахъ деревенской избы сосредоточила свои симпатіи творческая фантазія, населившая русскую старину богатырскими доблестями. Впервые пробудившійся духъ историческаго движенія, съ свѣжею энергіею, увлекаетъ въ своемъ потокѣ эти новыя историческія силы, такъ разнообразно направленныя въ ихъ тревожной дѣятельности, то въ отдаленныхъ поѣздкахъ богатырей, завоевывающихъ цѣлыя страны и собирающихъ съ нихъ дань, то въ защитѣ русской земли отъ сосѣднихъ хищниковъ, то въ борьбѣ съ чудовищами, то въ молодецкомъ похищеніи себѣ женъ, подобно римлянамъ маститыхъ временъ Ромула и Рема. И Муромъ, и Рязань, и Ростовъ, и другія родныя мѣста бросаютъ богатыри, и времянщики тянутся къ Кіеву, не потому, чтобы не дорога была для нихъ родная сторона, но потому, что движеніе историческое сосредоточивается для нихъ въ Кіевѣ, въ лицѣ ласковаго князя Владиміра; потому, что уже нечего имъ дѣлать дома, въ тѣсной обстановкѣ доисторическаго быта, потому, что новыя силы ищутъ простора для своей дѣятельности и находятъ въ княжеской дружинѣ достойную для себя задачу — въ заложеніи первыхъ основъ исторической на Руси жизни. Далекія области благословеніями напутствуютъ своихъ представителей, отправляющихся къ кіевскому князю на службу, не жалѣя, что въ своихъ богатыряхъ разстаются онѣ съ лучшими силами, какія могли только возникнуть на ихъ родной почвѣ; потому что этимъ силамъ суждено было созрѣть и вполнѣ развиться уже въ иной обстановкѣ, болѣе благопріятной для историческаго движенія. Только Новгородъ ревниво отстаиваетъ свои права и не хочетъ подѣлиться съ Кіевомъ ни Садкомъ, ни Васильемъ Буслаевымъ.

Буслаевъ.

Характеристика былинъ Владимирова цикла.

Былины Владимирова цикла выражаютъ собою то именно время изъ прошедшей Руси, когда русскіе славяне впервые проявили стремленіе къ прочному государственному строю жизни и подъ охраной его впервые стали горячо отстаивать свою самостоятельность предъ натискомъ иноплеменниковъ; чтобы защитить и сохранить эту независимость, потребовалась крѣпкая, воинская сила, тѣсно связанная съ высшею властью — государственною, и таковою явилась дружина, которая и есть предметъ былинъ.

Охранительно-боевое значеніе богатырской дружины прямо указывается эпосомъ, ее воспѣвающимъ: по его словамъ, богатыри съѣзжаются въ Кіевъ, чтобы

Заложиться за князя Владимира,
Послужить ему вѣрой и правдой,
Постоять за вѣру христіанскую.

Эпосъ съ сочувствіемъ повѣствуетъ о богатырскихъ подвигахъ, совершенныхъ въ сознаніи этого долга, и самыхъ подвижниковъ, стоятелей и оберегателей Руси изображаетъ не иначе, какъ страшною грозою для ея враговъ: то влагаетъ онъ въ уста одному изъ сильнѣйшихъ богатырей слѣдующую ироническую похвальбу предъ побѣжденнымъ врагомъ:

Вы поѣдете по своимъ мѣстамъ,
Вы чините вездѣ такую славу,
Что Святая Русь не пуста стоитъ,
На Святой Руси есть сильны, могучи богатыри,

то яркимъ и поразительнымъ сближеніемъ опредѣляетъ значеніе богатырей:

Предъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:
Первая застава — сѣры волки,
Другая застава — змѣи лютыя,
Третья застава — стоитъ 12 богатырей.

Любовь народа къ этимъ первымъ народникамъ и собирателямъ земли русской, первымъ носителемъ идеи объ ея един-

себѣ, должны были рано вдохновить творчество и вызвать его на созданіе того идеально типическаго лица князя, около котораго группируется весь циклъ Владиміра. Избирая себѣ героевъ изъ богатырей дружинниковъ, окружающихъ Владиміра, былины никогда не описываютъ ихъ жизни съ біографическою послѣдовательностью: онѣ указываютъ одно или нѣсколько событій изъ жизни богатыря и повѣствуютъ о нихъ эпизодически; поэтому былинамъ рѣдко удается представить всестороннее изображеніе характера отдѣльной личности, но зато онѣ очень опредѣленно воспроизводятъ общія типическія свойства богатырей-дружинниковъ. По большей части это люди съ свѣжими неутомимыми силами, въ лучшей, дѣятельнѣйшей порѣ жизни; почти всѣхъ ихъ эпосъ выставляетъ молодыми, и потому прозвище молодой почти неразлучно съ лицомъ богатыря. Такъ какъ война есть важнѣйшее дѣло богатырей, то совокупность воинскихъ доблестей и есть главная особенность, первое отличіе богатыря. А какъ войны, въ которыхъ участвуютъ дружинники богатыри, имѣютъ важное народное значеніе, то и въ былинахъ воинской дѣятельности дружинникамъ приданъ высокій характеръ патріотическій и даже религіозный. Народное творчество всевозможными средствами старается выразить свое сочувствіе къ этимъ лицамъ, старается, такъ сказать, поднять ихъ надъ дѣйствительностью и идеализировать; поэтому оно придаетъ всевозможныя совершенства ихъ природѣ. Такъ до очевидно гиперболическаго представленія доводитъ оно тѣ физическія свойства, которыя оказываются вполнѣ соотвѣтствующими быту эпохи и дѣятельности дружины, если мы ихъ примемъ въ размѣрахъ обыкновенныхъ. Какъ воителямъ, дружинникамъ богатырямъ нужна была и ловкость, и народное творчество одаряетъ ихъ силою чрезвычайною, почти чародѣйскою. Илья Муромецъ однимъ ударомъ стрѣлы разбиваетъ дубы въ черенья ножевыя и кидаетъ враговъ подъ небеса

Выше лѣса стоячаго,
Выше облака ходячаго.

Добрыня съ Иваномъ Дубровичемъ побиваетъ цѣлую орду татарскую.

Богатырь Данило Игнатьевичъ носитъ клюку въ 40 пудовъ вѣсу, Алеша — въ 30 пудовъ да

«Въ 50 пудовъ палицу свинцу чубурацкаго».

Въ соотвѣтствіе съ силой богатырей и походка ихъ изображается особенно тяжелою:

Идетъ Михайло Потокъ сынъ Ивановичъ,
Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
Идетъ онъ — будто подпирается,
Ступеньки, мостики подгибаются;

и голосъ внушительно громкимъ:

А скрычалъ Дунай — то гласомъ громкіимъ:
Оттого палата зашаталася.

Сонъ чрезвычайно продолжительнымъ.

Богатырскій сонъ на 12 денъ. . . . .
. . . .
Онъ (Илья) спитъ, старый, храпитъ,
Какъ телѣга ордынская гремитъ и,

наконецъ, способность пить огромными пріемами, — чарами въ полтора, полсема, полпива, полтретья ведра. Представляя богатырей пьющими такъ много, былины влагаютъ въ ихъ уста насмѣшки надъ прожорливыми великанами. Народное творчество окружаетъ богатырей-дружинниковъ существами сверхъестественными и даже иногда въ собственную жизнь богатырей вводитъ событія чудесныя. Этотъ элементъ чудеснаго въ нашихъ былинахъ не есть случайный вымыселъ отдѣльныхъ пѣвцовъ, зависящій отъ личнаго произвола ихъ фантазіи: онъ порожденъ того особенностію общенароднаго міросозерцанія, по которой многое, что совершается въ дѣйствительномъ мірѣ, во внѣшней природѣ, какъ ея явленіе, или въ человѣкѣ, какъ явленіе его духа — народъ за недостаткомъ точныхъ понятій и по естественному стремленію воображаетъ и объясняетъ себѣ въ видѣ миѳа.

Майковъ.

Время и мѣсто сложенія былинъ Владимирова цикла, и ихъ историческое и нравственное значеніе для народа.

Былины Владимирова цикла представляютъ Русь христіанскую, сосредоточенную подъ властью великаго князя кіевскаго Владимира, въ постоянныхъ столкновеніяхъ, преимущественно враждебныхъ, съ татарами. Дѣйствіе былинъ происходитъ главнымъ образомъ въ Кіевѣ или около него, а изъ другихъ городовъ упоминаются преимущественно Черниговъ, Галичъ Волынскій, Муромъ, Суздаль, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ. Между дѣйствующими лицами былинъ встрѣчаются лица относимыя по лѣтописямъ къ X, XI, XII и XIII вѣкамъ. Въ былинахъ Владимирова цикла не видно преобладанія Москвы ни какъ великаго княжества, ни тѣмъ болѣе какъ царства: Москва даже никогда въ нихъ не упоминается, есть только московскія сторожевыя заставы. Соображая эти данныя, имѣемъ право думать, что содержаніе былинъ Владимирова цикла вырабатывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, т. е. въ первой половинѣ удѣльно-вѣчевого періода, а установилось не позже времени татарскаго владычества и даже именно той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала въ себѣ всю государственную силу Руси, и въ народѣ свѣжа была память о первенствующемъ значеніи Кіева. Такой эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчевого періода, вѣка XIII и XIV.

Мѣстность, въ которой могли быть пѣты былины въ XII вѣкѣ, была южная Русь, вѣроятно область Кіевская, въ предѣлахъ которой помѣщается большая часть происшествій, описываемыхъ въ былинахъ Владимирова цикла. Въ противоположность этому факту древности въ настоящее время былинъ въ южной Руси не существуетъ: есть только въ нѣкоторыхъ малорусскихъ преданіяхъ упоминанія о лицахъ, воспѣваемыхъ въ былинахъ Владимирова цикла. Какъ объяснить это явленіе? Уже со времени основанія Владимира Залѣсскаго, Ярославля и проч., въ X и XI вѣкахъ, мы видимъ постоянное движеніе южно-русскаго населенія на сѣверъ и сѣверо-востокъ; мы видимъ, что это движеніе особенно усили-

части въ XII вѣкѣ, когда велико-княжескій столъ былъ перенесенъ во Владиміръ; если мы признали возможнымъ существованіе былинъ въ это время, то легко можемъ предположить, что онѣ были перенесены этими переселенцами съ юга въ тѣ мѣста, которыя впослѣдствіи составили центръ великой Руси, и здѣсь уже подверглись дальнѣйшей разработкѣ въ постоянномъ устномъ храненіи.

Подвиги и приключенія Владиміровыхъ богатырей-дружинниковъ по большей части вымышленные, но побужденія ихъ сознанія, и самый образъ дѣйствія былинныхъ героевъ такъ близки къ дѣйствительнымъ явленіямъ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ русской народной жизни, когда Русь впервые обособилась въ отдѣльное государственное тѣло, что общій смыслъ богатырской дѣятельности, а слѣдовательно и смыслъ эпоса о ней уже историческій, и стало быть былины Владимірова цикла имѣютъ для народа значеніе какъ воспоминаніе, конечно вполнѣ достовѣрное на его взглядъ, объ отдаленнѣйшемъ прошедшемъ родной земли, воспоминаніе тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно представляетъ родную старину въ яркихъ краскахъ и самыми привлекательными чертами. Этимъ объясняется та живучесть и свѣжесть, съ которой отъ глубоко-древней эпохи до нашего времени былины сохранились въ народной памяти.

Значеніе нашихъ былинъ становится еще шире и полнѣе, благодаря прочному нравственному смыслу ихъ содержанія. Независимо отъ условій поэтическаго воспроизведенія дорогой народной старины, былины Владимірова цикла поучительны для народа, какъ рядъ разнообразныхъ картинъ житейскихъ явленій и людскихъ отношеній: въ былинахъ народъ съ умиленіемъ видитъ образцы высокихъ доблестей общественныхъ, образцы нѣжной супружеской привязанности, образцы любви къ слабому и угнетенному, кротости, прямодушія, благоразумія, твердости, самопожертвованія, и рядомъ имѣетъ случаи справедливо осудить проявленія хвастовства, гордости, наглости, хитрости, жестокости... И всѣ эти картины и образы тѣмъ выше становятся въ нравственномъ отношеніи, что они представляютъ собою не лирическое заявленіе личнаго мнѣнія, не протестъ отдѣльныхъ лицъ противъ гнетущаго зла и несправедливости, но истинно эпическое высшее начало примиренія добра со зломъ, которое въ своемъ приговорѣ по дѣламъ воз

даетъ каждому человѣку и спокойно, и безпристрастно, но не равнодушно, не безстрастно изображаетъ дѣла человѣческія.

Весь этотъ историческій и нравственный смыслъ былинъ для народа превосходно выраженъ въ слѣдующей припѣвкѣ, которою пѣвцы встарину заключали былины:

То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишинье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ, веселымъ молодцамъ, на потѣшенье.
Сидючи во бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому бояриву великому
И хозяину своему ласковому.

Майковъ.

Значеніе Кіева въ былинахъ о младшихъ богатыряхъ.

Стольный городъ Кіевъ, сосредоточивая въ себѣ областныя національныя силы древней Руси, грубыя и невоздѣланныя, не только давалъ имъ нѣкоторую политическую организацію въ богатырской дружинѣ князя Владиміра, но и образовывалъ ихъ, приводя ихъ въ живительное столкновеніе другъ съ другомъ, вводя въ интересы зачинавшейся на Руси исторической жизни, а также сближалъ ихъ съ сосѣдними странами и чуждыми народами и знакомя съ иноземнымъ вліяніемъ.

Уже съ древнѣйшихъ временъ въ Кіевѣ много было заѣзжихъ иностранцевъ, между которыми Слово о полку Игоревѣ называетъ нѣмцевъ, венеціанъ, грековъ. Владиміръ Мономахъ въ своемъ Поученіи дѣтямъ свидѣтельствуетъ, что отецъ его, сидя дома, могъ выучиться говорить на пяти языкахъ. Кіевскій Патерикъ повѣствуетъ о варяжскихъ, то есть нормандскихъ пещерахъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, о сношеніи монашествующихъ съ армянами, ляхами. Народный эпосъ, подкрѣпляя свидѣтельства историческихъ памятниковъ, до на-

нихъ временъ поддерживаетъ въ народѣ убѣжденіе, что Кіевъ былъ для русскихъ богатырей проводникомъ иноземнаго образованія. Въ числѣ ихъ были богатыри заѣзжіе, то есть, прибывшіе изъ чужихъ земель, какъ, напримѣръ, Соловей Будиміровичъ. Какъ иностранецъ, онъ удивляетъ князя Владиміра и его княгиню заморскими подарками, строитъ доселѣ небывалыя въ Кіевѣ палаты и, вопреки князю въ любовь, женится на его племянницѣ Забавѣ Путятишнѣ. Другіе богатыри сами совершали отдаленныя поѣздки.

Расширяя поприще богатырскимъ подвигамъ, народный эпосъ называетъ царства: индѣйское, латинское, сорочинское и др.; часто упоминаетъ онъ объ иностранномъ одѣяніи, о латинскомъ платьѣ, о колпакахъ и шляпахъ греческихъ. Особенно часто встрѣчаются любопытные намеки на сношенія кіевской Руси съ Польшею, Литвою и съ Волынемъ Галицкимъ. Эпосъ знаетъ царство литовское.

Черниговъ, также какъ Литва или Галичъ, представляется самостоятельнымъ княжествомъ, враждебнымъ городу Кіеву.

Нѣтъ сомнѣнія, что расширеніе кіевскаго горизонта иноземнымъ вліяніемъ и частыми сношеніями съ чужими землями должно было внести въ народный эпосъ новое богатое содержаніе и отразиться новыми чертами въ характеристикѣ и самого князя и нѣкоторыхъ изъ его богатырей. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны былины о Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степановичѣ, въ высшей степени изящныя по эпическому изложенію и столько же важныя для исторіи внутренняго быта древней Руси. Оба богатыря заѣзжіе: Чурила изъ Малаго Кіевца, Дюкъ изъ Волынца, Красна-Галичья, или какъ поется въ иныхъ былинахъ, —

— Изъ Галицы проклятыя,
Изъ тоя Индѣюшки богатыя,
Со славнаго съ богата Волынъ-города.

Галицкая земля представляется баснословною страной несмѣтнаго богатства и роскоши, потому и смѣшивается съ Индіею богатой. Кіевъ ей завидуетъ и въ отношеніи къ удобствамъ цивилизаціи долженъ бы многимъ отъ нея позаимствоваться. Князь Владиміръ жадно бросается на нее, какъ могущественный завоеватель; но его грубая сила встрѣчаетъ себѣ отпоръ

въ неисчислимыхъ средствахъ, какія умѣетъ противопоставить образованіе невѣжеству. Таковъ общій смыслъ этихъ былинъ о сношеніяхъ Кіева съ галицкой Русью, согласный съ свидѣтельствами лѣтописей объ успѣхахъ просвѣщенія въ этой странѣ, рано оказавшихся подъ вліяніемъ европейскимъ.

Буслаевъ.

Илья Муромецъ.

Главное лицо между богатырями-дружинниками, окружающими Владиміра, есть Илья Муромецъ, знаменитѣйшій представитель русскаго богатырства, побѣдитель Соловья разбойника и Идолища, заступникъ князя Владиміра предъ татарскимъ нашествіемъ.

Илья Муромецъ — сынъ крестьянина; онъ дорожитъ своими родовыми связями съ сельскимъ населеніемъ, и созданное имъ общественное положеніе не хочетъ мѣнять на иное, даже болѣе значительное: тѣ смолянины (по другимъ пересказамъ, черниговцы), которыхъ онъ освободилъ отъ татарской осады, зовутъ его къ себѣ воеводою, но онъ отказывается:

«Не дай, Господи, дѣлати съ барина холопа,
Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
А также изъ богатыря воеводу».

Уже съ запасомъ знаменитыхъ подвиговъ приходитъ онъ ко Владиміру: онъ заявляетъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ разбойникомъ, и непостижимо, невѣроятно кажется Владиміру это торжество надъ страшнымъ великаномъ, долговременнымъ врагомъ людей кіевскихъ: сила, никѣмъ невиданная досель, необходима была для такого дѣла, и именно *сила духа*, какъ отличительную черту, былины характеризуютъ Илью. Только ей одной покоряется Соловей разбойникъ, онъ не слушаетъ приказовъ князя Владиміра и говоритъ ему въ отвѣтъ:

«Не твоя слуга, не тея и слушаю:
Я служу и слушаю Илью Муромца».

Чуя приближеніе этой могучей силы, другой противникъ Ильи, Збутъ Королевичъ, отвязываетъ своего пса отъ стремени, отпускаетъ съ руки яснаго сокола, проговаривая имъ:

А тепере мнѣ не до тебя пришло.

Въ сознаніи своей неодолимой силы Илья даже не всегда употребляетъ ее въ дѣло, но только заявляетъ о ней врагамъ: въ чистомъ полѣ напали на него разбойники; Илья не защищается:

Что снимаетъ ли старый свой тугій, крѣпкій лукъ,
Онъ пускаетъ ли калену стрѣлу во сырой толстый дубъ.
Расколол онъ этотъ дубъ на четыре грани,
Вотъ и тутъ ли разбойнички испугалися,
По чистому полю разбѣжалися.

Вмѣстѣ съ этой неодолимой силой плоти нашего богатыря отличаетъ его *талантъ-участь*, его судьба, которую онъ самъ себѣ создаетъ, руководимый своими нравственными свойствами и инстинктами.

Какъ въ бою противъ богатырей онъ

Стоитъ — не шатнется,
На буйной головѣ колпакъ не тряхнется,

такъ же стоекъ онъ и въ людскихъ отношеніяхъ: среди пестрой дружины княжеской онъ вѣрный представитель крестьянства; на врага въ чистомъ полѣ онъ смотритъ не изъ трубочки серебряной, какъ Добрыня, а попросту изъ кулака молодецкаго: богатство ему не къ разуму: онъ не принимаетъ на себя никакихъ обязанностей, кромѣ долга богатырскаго, ради котораго онъ пришелъ въ Кіевъ,

Къ князю Владиміру
На положеніе и сбереженіе.

Эти слова свидѣтельствуютъ, съ какою довѣрчивостію смотритъ Илья на самого князя: порою это чувство переходитъ въ нѣжную отеческую заботливость: Владиміръ проситъ Илью заставить Соловья свиснуть громкимъ голосомъ, Илья исполняетъ просьбу только съ слѣдующею предосторожностію.

Ужъ ты, батюшка нашъ, Владиміръ князь!
Не во гнѣвъ бы теѣ, батюшка, показалосе:
Я возьму тея, батюшку, подъ пазушку,
А княгиню-то подъ другую.

То же благодушіе видно и въ обращеніи Ильи съ его товарищами — богатырями. Онъ одинъ старикъ между ними, но не

раздражительно, а степенно, съ благоразуміемъ, приличнымъ человѣку опытному и бывалому, относится къ людямъ иного, младшаго поколѣнія: то помогаетъ ослабѣвающему въ битвѣ Добрынѣ, то учитъ Дюка богатырской поѣздкѣ, то, стоя на заставѣ, разсуждаетъ о нравѣ товарищей и сообразно съ нимъ опредѣляетъ, кому идти противъ приближающагося врага. Однажды Алеша Поповичъ раздосадовался на Илью: но и тутъ Муромецъ не вышелъ изъ себя или, лучше сказать, великодушно сдержалъ свой гнѣвъ: Алеша кинулъ въ него ножемъ.

Ымалъ на полету Илья булатный ножъ,
Взоткнулъ его въ дубовый столъ.

Илья благодушенъ даже со врагами. Мы видѣли выше, какъ онъ только пугнулъ своей силой разбойниковъ, на него напавшихъ. Только врагамъ иноплеменнымъ онъ не знаетъ пощады: при осадѣ Чернигова

Побиваетъ онъ всѣхъ татаръ черныхъ
Съ перваго до послѣдняго.

Съ благодушіемъ въ нравѣ его соединяется и скромность: побѣдивши врага, котораго не могъ одолѣть никто другой изъ богатырей, Илья ограничивается слѣдующею похвальбою:

Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ, —
Экаго чуда не наѣзживалъ.

Благодушіе и скромность не мѣшаютъ, однако, Ильѣ сохранять полную независимость своего характера. Эту независимость онъ обнаруживаетъ преимущественно въ своихъ отношеніяхъ къ княжескимъ дружинникамъ. Простой крестьянинъ, Илья не подчиняется образу ихъ дѣйствій и поступковъ: такъ, при наступленіи Мамая на Кіевъ, Владиміръ совѣтуется съ дружиною о томъ, какъ съ нимъ воевать. Трусливые князья и бояре говорятъ:

Что дѣлать надо стѣну бѣлокаменну,
Да засыпать желтымъ пескомъ,

а Илья подаетъ совѣтъ

Послать къ Мамаю скора гонца,
Попросить сроку на три мѣсяца,
Чтобы силамъ намъ поисправиться,
А могучимъ богатырямъ посъѣхаться.

Врагъ наушничества. Илья самъ дѣлается жертвою боярской клеветы: однажды бояре подмолвились князю:

„Гой еси, батюшка, Владиміръ князь,
Всемъ-то намъ твои дары по любви пришли,
Одному-то удалому молодцу
Дары тѣ не по любви пришли,
Что по имени-то Ильѣ Муромцу“.

И князь велитъ Илью посадить въ глубокъ погребъ.

Такимъ образомъ, уступая навѣтамъ боярскимъ, Владиміръ нарушаетъ дружественныя отношенія къ Муромцу.

Съ своей стороны и Муромецъ начинаетъ подозрительно смотрѣть на князя, къ которому такъ довѣрчиво относился сначала: однажды Илья приходитъ на пиръ Владиміровъ, не узнанъ княземъ и посаженъ имъ не съ боярами, а съ дѣтьми боярскими:

„Не умѣлъ ты гостя на пріѣздѣ учествовать,
На отъѣздѣ гостя не учествуешь,
Самъ ты сидѣлъ съ воронами,
А меня садилъ съ воронятами“,

отвѣчаетъ онъ Владиміру. По другой былинѣ, Владиміръ забылъ позвать Илью къ себѣ на пиръ:

Тутъ Ильюшенькѣ стало зарко,—
Скоро онъ тянулъ тутъ лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ онъ тутъ по Божьимъ крестамъ,
По тыимъ маковкамъ золоченыимъ.

Нѣкоторыя былины только и знаютъ, что враждебныя отношенія между Владиміромъ и Ильей, даже при первомъ его появленіи; другія вмѣстѣ съ ссорой знаютъ и примиреніе Ильи съ княземъ. Вообще многія былины придаютъ Ильѣ прозвище стараго казака и атамана, вѣроятно подъ вліяніемъ позднихъ непріязненныхъ отношеній между высшимъ классомъ и крестьянствомъ; какъ извѣстно, эти отношенія содѣйствовали распространенію казацкихъ вольницъ на русскихъ украйнахъ. Представляемый казакомъ Илья Муромецъ въ одной казацкой пѣснѣ становится даже современникомъ и товарищемъ Стеньки

Разина. Въ ладу или не въ ладу съ княземъ, Илья всегда подчиняетъ свои подвиги, свою дѣятельность началу нравственному и религіозному: отправляясь изъ дому въ Кіевъ, онъ ставитъ часовню съ своимъ именемъ или же служитъ обѣдни запрестольныя, кладетъ завѣты великіе, ставитъ свѣчу дорогую и сулитъ другую еще дороже за поправленіе во пути, во дороженькѣ. Его подвиги — не безцѣльный размахъ силы, но защита слабымъ и угнетеннымъ.

Тѣснимый врагомъ Сокольничкомъ, Илья взмолился Богу:

Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію;
Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужныхъ женъ:
Благочестивыя жены, безмужнія вдовы,
Онѣ были богомольныя,
День и ночь онѣ Богу молятся.

Конечно, цѣною этихъ подвиговъ заслужилъ онъ милость свыше: по крайней мѣрѣ былины вводятъ въ его судьбу непосредственное участіе силъ неземныхъ:

Написано было у святыхъ отцевъ,
Удумано было у апостоловъ—
Не быть Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому.

Этотъ-то завѣтъ и осуществился въ томъ, что Илья окаменѣлъ въ кіевскихъ пещерахъ.

Это религіозное освященіе личности Ильи Муромца объясняется тѣмъ, что въ лицѣ его народное творчество съ большою полнотою воплотило лучшія нравственныя понятія и стремленія русскаго народа и потому естественно могло не связать ихъ съ народными вѣрованіями и религіозными убѣжденіями.

Майковъ.

Добрыня Никитичъ.

Добрыня по происхожденію княжичъ, между тѣмъ какъ Илья Муромецъ является въ дружинѣ Владиміровой какъ представитель крестьянства во всей простотѣ сельскаго быта. Добрыня — представитель высшаго слоя общества, даже не бояринъ,

но родственникъ самого Владимира, какъ бы княжичь безъ удѣла. Иныя былины и называютъ его княжичемъ; но, тѣмъ не менѣе, онѣ вообще представляютъ его не какъ лицо вполнѣ независимое, а какъ члена Владимировой дружины, на ряду съ прочими дружинниками. Лицо изъ высшаго общества, богачъ Добрыня служитъ представителемъ высшей степени образованности, возможной въ его время.

А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Добрынѣ въ наукъ пошла;
Посадила его матушка перомъ писать.

Оттого онъ и слыветъ за человѣка грамотнаго, „востраго". Кромѣ того, онъ мастеръ пѣть и играть на гусляхъ или гудкѣ, такъ что переодѣтый въ платье скоморошье онъ не былъ узнанъ ни матерью, ни княземъ Владимиромъ; онъ и стрѣлецъ превосходный, и плавать гораздъ, и игрокъ отличный въ тавлеи — шахматы:

Съ измалехонька Добрыня тѣшился,
Съ малыми ребятами игрывалъ.

Онъ и борецъ отличный:

Съ измалехонька Добрынюшка тѣшился,
Съ малыми ребятушками барывался.

Онъ знаетъ всѣ тонкости людского обращенія. Онъ человѣкъ почетливый, учтивый. Входитъ онъ въ палаты княжескія,

Крестъ кладетъ онъ по-писаному,
Поклонъ ведетъ по-ученому,
Солнышку Владимиру въ особину.

Найдетъ ли врага въ полѣ, онъ

Знаетъ, какъ съ богатыремъ съѣхаться,
Знаетъ, какъ богатырю честь отдать.

И у врага онъ

Будетъ спрашивать про имя, про вотчину.

Владимира онъ упрекаетъ, что князь не умѣлъ гостя по пріѣздѣ учествовать, — не учествуетъ и на отъѣздѣ. О немъ молва.

что за нарушеніе учтивости онъ способенъ отрубить буйную голову.

Онъ на рѣчахъ разуменъ:

У него ли рѣчи привѣтливы,
У него ли рѣчи умильныя,
Онъ прельститъ и уговоритъ.

Совокупность всѣхъ этихъ свойствъ, отличающихъ Добрыню, былины называютъ „вѣжествомъ". Это вѣжество „прирожденное", стало-быть наслѣдованное Добрынею отъ предковъ, свойственное его княжескому роду. Его вѣжество и происхожденіе дали направленіе его дѣятельности, и вотъ какія службы справлялъ Добрыня при Владимирѣ:

Три года у князя стольничалъ,
Да три года у князя чашничалъ,
Да три года у князя въ приворотникахъ былъ.

Наконецъ, бывалъ онъ и не разъ въ послахъ. Впрочемъ, ловокъ Добрыня и въ бою: онъ убилъ Змѣя Горыныча, перебилъ много татаровей;

Съѣздилъ въ дальны орды немирныя,
Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
Прекратилъ Сорочину долгополую,
И тѣхъ черкесъ пятигорскіихъ,
А и тѣхъ калмыковъ со татарами,
Чукчи всѣ и алюторы.

Въ бою онъ легко увлекается:

Молоденкое сердечушко разгорчивое и неуныичивое.

И далеко не такъ стоекъ онъ, какъ Илья: когда богатырь нахвальщина напущалъ на него своего коня,—

Подъ Добрынею конь на колѣнца палъ;
Добрыня Никитичъ младъ
Господу Богу взмолится
И мати Пресвятой Богородицѣ:
«Унеси, Господи, отъ нахвальщика».
Подъ Добрынею конь поисправился,
Уѣхалъ на заставу богатырскую.

Былины коротко знаютъ нравы Добрыни въ частной жизни: человѣкъ тихій, смирный, онъ исполненъ уваженія къ своей матери: напутствуемый ея благословеніемъ, ѣдетъ онъ на богатырскіе подвиги; ея надзору поручаетъ онъ свою молодую жену, отъѣзжая на далекую службу.

Майковъ.

Новгородскіе богатыри.

Наравнѣ съ богатырями кіевскими народный эпосъ прославляетъ двухъ новгородскихъ, Садка, богатаго гостя, и Василья Буслаева. Оба они не имѣютъ ничего общаго ни съ Кіевомъ, ни съ княземъ Владиміромъ. Былины о нихъ обоихъ ярко отмѣчены мѣстнымъ цвѣтомъ новгородскаго быта. Эти новгородскія былины особенно дороги для исторіи русской литературы, какъ образецъ мѣстнаго развитія эпической поэзіи, во всей его чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси вліянія чужихъ мѣстностей. Этому способствовало то счастливое обстоятельство, что онѣ до настоящаго времени сберегались въ устахъ народа тамъ, гдѣ была новгородская область, и слѣдовательно записаны тамъ, гдѣ онѣ возникли, процвѣтали и видоизмѣнялись; между тѣмъ какъ пѣсни о кіевской мѣстности или возникали не въ Кіевѣ, а въ той же новгородской области, или въ Муромѣ, Рязани, Суздалѣ, а если и въ южной кіевской Руси, то уже рано перешли въ новгородскую область и тамъ видоизмѣнялись, и преимущественно въ этой новгородской редакціи дошли до насъ, изданныя въ сборникахъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго и особенно Рыбникова.

Кромѣ миѳической основы, былины о Садкѣ имѣютъ и бытовое, такъ сказать, историческое содержаніе. Народный эпосъ, сильно проникнутый мѣстными интересами, восходитъ здѣсь до торжественной пѣсни во славу великаго и богатаго Новгорода. Непомѣрный богачъ вздумалъ было тягаться со всѣмъ Новгородомъ, но тотчасъ же изнемогъ въ своей борьбѣ и смирилъ личную гордость передъ колоссальнымъ величіемъ своей славной родины, но въ своемъ пораженіи утѣшалъ себя патріотическою гордостью: всѣ они, гости богатые новгородскіе, только малыя частицы того великаго цѣлаго, которое всѣхъ ихъ объемлетъ и сообщаетъ имъ значеніе и силу. Такова глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ

въ этомъ простомъ, сказочномъ разсказѣ о любви, которая уравниваетъ всѣ личные интересы передъ священною идеей объ общемъ благѣ и славѣ цѣлой родины.

Въ эпизодѣ о покупкѣ Садкою товаровъ есть двѣ подробности, любопытныя для исторіи народнаго быта. Во-первыхъ, передъ тѣмъ какъ скупать товары, Садко долженъ былъ въ новгородскую общину, называемую въ былинѣ братчиною Никольщиною, внести за себя извѣстную сумму. Во-вторыхъ, Садко построилъ нѣсколько церквей, каковы: во имя архидіакона Стефана, Софіи Премудрыя (то есть Премудрости) и Николая Можайскаго. Эта подробность согласуется съ извѣстіями новгородскихъ лѣтописей о томъ, что нигдѣ на Руси не строилось такъ много церквей простыми гражданами, какъ въ Новгородѣ, тогда какъ въ другихъ областяхъ это дѣло преимущественно было князей и духовенства. Около церквей, построенныхъ частными лицами или посадниками, могли группироваться мелкіе прихожане и поддерживать авторитетъ ихъ богатыхъ строителей.

Былины о Васильѣ Буслаевѣ еще ярче рисуютъ передъ нами древній новгородскій бытъ. Съ именемъ этого героя народный эпосъ связываетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ новгородскихъ партій, двухъ сторонъ Новагорода, раздѣляемыхъ рѣкою Волховомъ, а также о борьбѣ съ княжескою властью партіи народной и городской, во главѣ которой стоялъ Василій Буслаевъ.

Буслаевъ.

Василій Буслаевъ.

Ничто такъ хорошо не изображаетъ новгородскихъ нравовъ и явленій древней общественной жизни, какъ превосходная пѣсня о Васькѣ Буслаевѣ. Хотя она сильно расцвѣчена сказочнымъ эпосомъ, но дѣйствительность проглядываетъ изъ-подъ фантастическихъ красокъ во всемъ существѣ своемъ. Буслаевъ изображается знатнымъ, богатымъ, можетъ быть бояриномъ. Противники его — мужики, слово позднѣйшаго быта, замѣнившее древнее названіе — простая чадь. Старый Буслай жилъ, по выраженію пѣсни, девяносто лѣтъ, т. е. долго, и соблюдалъ миръ съ простою чадью; онъ не перечился — поперекъ слова ей не говаривалъ, ладилъ съ народомъ новгородскимъ

ни со Псковомъ, ни съ Москвою не вздоривалъ; а потому-то все житье-бытье свое (дворянское, по выраженію новому, вмѣсто боярское) передалъ въ цѣлости сыну. Мать Василья, послѣ смерти Буслая, стала главою дома. Жена теряется при мужѣ; вдова получаетъ полную независимость и значеніе. Мать отдаетъ сына въ науку. Пѣсня говоритъ, чему учился Василій, сынъ Буслая, то есть чему слѣдовало учиться по тогдашнему понятію: грамотѣ, письму и пѣнію церковному. Всему этому выучился Василій. Пѣніе церковное считалось верхомъ образованности. Пѣсня распространяется объ этомъ достоинствѣ своего героя:

А и нѣтъ у насъ такова пѣвца
Во славномъ Новгородѣ
Супротивъ Василія Буслаевича.

Какъ сталъ онъ доходить до возраста юношескаго, стали его обучать и воинскимъ наукамъ; и ощутилъ онъ въ себѣ великую ратную силу, какъ познакомился съ копьемъ вострымъ, воинскою палицею и разрывчатымъ тугимъ лукомъ.

Наслѣдникъ богатства, оставленный подъ слабымъ надзоромъ матери, Василій ищетъ жизни, простора, приволья: хочется ногамъ расходиться, рукамъ размахнуться. И онъ сталъ ходить на улицу на Рогатицу, и сдѣлался приманкою для пьяницъ, гулякъ, которые составляли обычный образецъ новгородской вольной жизни. Это были тѣ, что при случаѣ дѣлались матеріальною силою партій и заговоровъ подъ покровительствомъ сильныхъ и богатыхъ, отваживались чинить смуты и толки, а иногда и сами составляли шайки, на разбой ходили, городъ поджигали... ребята неразсудные, безумницы, не помышляли о будущемъ, пускались на отважное дѣло, хотя успѣха впереди не видѣли; люди веселые — не разсуждали что за весельемъ часто горе бываетъ; люди добрые для тѣхъ, съ кѣмъ въ дружбѣ, грудью за нихъ станутъ: люди буйные, разудалые — и святыня храма ихъ не удержитъ: въ церковный подвалъ залѣзутъ, сторожа церковнаго убьютъ. Съ такими поводился Василій; поитъ ихъ допьяна; самъ пьянъ напивается, шумитъ, буянитъ, по улицѣ по Рогатицѣ, дерется со встрѣчными: въ рукахъ силы много, въ груди удали много: кровь молодая кипитъ, согрѣтая виномъ: словно сказочный

Еруслан Лазаревичъ — тому руку вывихнетъ, этому ногу переломитъ. Мужики идутъ на него съ челобитною, да не къ посаднику, а къ матушкѣ: ясно, что его шалости преувеличены, — еще видно, онъ не надѣлалъ большой бѣды, а только одному-другому далъ затрещину. Тѣ съ нимъ не могли сладить: и самъ силенъ, и товарищи за него: идутъ къ матушкѣ: „Честная вдова! — говорятъ ей — уйми ты свое чадо милое! Не хорошія шутки сталъ онъ пошучивать! А то вѣдь съ такой удачей молодецкой наквасить ему рѣка Волхова". Мать стала журить сынка. Удалецъ присмирѣлъ, покоряется матери, а самъ злится на мужиковъ: хочется имъ отплатить. Можетъ быть съ жалобою и угрозы были, мужики нападутъ на него и отколотятъ: надобно себѣ запастись товарищами, дружиною, а то враговъ много можетъ собраться. Прежде онъ водился съ ярыгами, гуляками по вдохновенію, съ кѣмъ придется встрѣтиться на улицѣ на Рогатицѣ. Но гуляки встрѣчные могли его оставить; они ему чужіе, — это такіе товарищи, что вечеромъ погуляютъ вмѣстѣ, а утромъ въ глаза не узнаютъ. Есть въ народной жизни покрѣпче союзъ. Василій хочетъ подобрать себѣ названыхъ братьевъ, побратенниковъ. Это союзъ на жизнь и на смерть, такой союзъ, что измѣнить ему грѣхъ смертный, все равно что на рогу итти не въ правду.

Издавна, еще въ языческія времена, былъ обычай, что богатыри устанавливали между собою названное братство, иначе побратенничество, у южныхъ славянъ побратимство. Одинъ передъ другимъ давалъ клятву быть вмѣстѣ какъ одинъ человѣкъ, другъ другу во всемъ помогать, другъ друга изъ бѣды выручать, жизнью за друга жертвовать, за смерть друга мстить. Подъ вліяніемъ христіанства этотъ обычай получилъ религіозное освященіе. Эта исконная принадлежность нравственныхъ понятій всѣхъ народовъ арійскаго племени: до сихъ поръ этотъ обычай сохранился у афгановъ. У древнихъ грековъ онъ является въ дружбѣ Ахилла и Патрокла, Тезея и Пиритоя, Геркулеса и Іола, Ореста и Пилада; на противоположномъ концѣ Европы, у скандинавовъ, онъ сопровождался завѣтными символическими обрядами.

У насъ этотъ союзъ связывалъ древнихъ богатырей сумрачно героической эпохи Владимира Краснаго Солнышка и почитался до того священнымъ, что богатырь, упорный и неустрашимый, терялъ духъ, когда увидалъ величайшее въ мірѣ

беззаконіе — своего названнаго брата, идущаго противъ него съ оружіемъ. Этотъ союзъ существовалъ въ новгородскихъ нравахъ, сохранявшихъ чистоту древнихъ славянскихъ жизненныхъ началъ. Вотъ какъ удалецъ отыскиваетъ себѣ такихъ братьевъ. Василій Буслаевъ ставитъ чанъ вина посреди двора и опускаетъ туда огромную чару, или ковшъ. Его слуги понесли по Новгороду записки:

Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Вались къ Васькѣ на широкій дворъ;
Тотъ пей и ѣшь готовое,
И носи платье разноцвѣтное...

Замѣчательно, какъ измѣнялся древній обычай подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія жизни. Прежде названные братья были равны между собою, хотя бы и много ихъ было въ одномъ братствѣ: все у нихъ было общее: братъ считалъ братнее своимъ имуществомъ: самая жизнь принадлежала брату. Василій въ своихъ запискахъ предлагаетъ свое достояніе тѣмъ, кто придетъ къ нему на братство: но онъ не показываетъ притязанія самому имѣть право считать своимъ достояніемъ имущество названныхъ своихъ братьевъ.

Названные братья ниже его по достоинству: они его пособники, его вассалы, его дружина. Онъ надъ ними старшина, онъ ихъ будетъ поить и кормить. Древнее равенство отъ усложненія общественныхъ связей испускается до клиентства, хотя еще не дошло до наемничества. Новгородская свобода подорвала первобытное равенство отношеній: но она же не допуститъ до униженія одной стороны предъ другою, такъ какъ она же, хотя и возвышала бояръ въ Новгородѣ, не допускала черный народъ до безгласнаго порабощенія боярамъ. Приходящій вступалъ въ союзъ съ Василіемъ и хотя былъ меньшимъ предъ нимъ, однако все-таки братомъ: такъ точно, какъ и Псковъ: хотя былъ меньшимъ, а все таки братомъ, а не подчиненнымъ Великому-Новгороду. Вѣсть о призывѣ на братство разнеслась быстро. Въ славномъ Новгородѣ тогда были грамотны люди. Большой литературной образованности, конечно, не было: зато грамотность должна была быть тогда обычнымъ дѣломъ. Вѣчевыя дѣла производились письменно: концы, улицы составляли приговоры, другъ съ другомъ переписывались: тер-

говыя и гражданскія сдѣлки совершались на письмѣ. Сами пастыри русскіе признавали за новгородцами то достоинство, что они были народъ книжный. Замѣчаніе въ пѣснѣ о грамотныхъ людяхъ въ Великомъ Новгородѣ осталось какъ воспоминаніе угасшей старины для послѣдующихъ вѣковъ, когда уже пѣсня приняла измѣненную подъ вліяніемъ московской народности редакцію.

Когда созывались братья съ улицы, нельзя же было принимать всякаго охотника въ братство безъ опыта. Въ пѣснѣ Буслаевичъ испытываетъ своихъ названныхъ братьевъ такимъ способомъ: приходящій молодецъ подойдетъ къ поставленному по срединѣ двора чану съ виномъ, выпьетъ чару — Василій ударитъ его дубиною въ двѣнадцать пудъ. Молодецъ стоитъ — не шевельнется, и на буйной головѣ кудри у него не тряхнутся. Это значило, годится молодецъ въ побратенники. Въ переводѣ на историческій языкъ этотъ эпическій образъ означаетъ, что Василій боролся съ каждымъ или дрался на палкахъ, по новгородскому обычаю. Такъ точно и у скандинавовъ нерѣдко два богатыря сходились между собою на поединокъ: когда одинъ узнавалъ, что другой также силенъ и неустрашимъ, какъ онъ самъ, то оба кидали оружіе, бросались другъ къ другу въ объятія и заключали взаимное братство.

Такъ сходились молодцы къ Василію. Пришелъ Коста Новоторжанинъ; пришли Потанюшка хроменькій, Хомушка горбатенькій, пришли потомъ два сына боярскіе, братья родные; пришли мужики Залѣшане — семь братьевъ Сбродовичи. Всѣхъ надобно было опробовать. Кто выдерживалъ испытаніе, тому Василій говорилъ:

А и будь мнѣ названный братъ,
И паче мнѣ брата родимаго!

Но приходившіе охотники не всѣ выдерживали нелегкое испытаніе. Были такіе, что заходили невпопадъ, слишкомъ на себя понадѣявшись, ихъ изломаютъ и за ворота выбросятъ.

И прибралъ Василій много-много товарищей,
Набралъ онъ ихъ три дружины въ Новѣградѣ,

и пошелъ Василій со своими названными братьями искать

приключеній и случая начать задоръ съ новгородцами — отмстить имъ за то, что они на него жаловались.

Была братчина-Никольщина. Это было обычное увеселеніе на Руси. Братчина носила характеръ правильно организованной общины. Каждый участникъ давалъ отъ себя часть, и это называлось сыпь. Избирали пирового старосту, который долженъ былъ учреждать пиръ и наблюдать порядокъ. Встарину, при соблюденіи патріархальныхъ отношеній, сыпь давалась натурой — съѣстными припасами, солодомъ, ячменемъ, медомъ для напитковъ. Но впослѣдствіи стали сыпщики давать свою часть деньгами, а пировой староста распоряжался покупкою. Сумма эта, какъ видно, хотя и опредѣлялась заранѣе, но иной сыпщикъ могъ дать и больше другихъ, смотря по достатку и по щедрости. Братчина на этотъ разъ отправлялась въ приходѣ св. Николая — вѣрно по поводу храмового праздника. Церковный староста былъ старостою пира. Распорядители братчины не звали Василія; но Василій пришелъ самъ въ братчину со своими побратенниками; спрашиваетъ, по сколько въ братчинѣ съ брата берется; и самъ даетъ за себя и за товарищей гораздо большую сумму, чѣмъ платилось вообще; но собственно за свою особу онъ даетъ вдесятеро больше, чѣмъ за каждаго товарища: за себя пятьдесятъ рублей, за каждаго названнаго брата пять рублей. Здѣсь тоже видна потеря древняго равенства отношеній: Василій считаетъ себя въ десять разъ выше своихъ побратенниковъ.

На Василія была уже тайная злоба. Василій, заплатившій больше всѣхъ и притомъ окруженный своею дружиною, сознавалъ свое первенство между всѣми, раздвигалъ братчиковъ, садился на переднее мѣсто, усаживалъ около себя товарищей. Мужики взглянули на него свыкоса и стали задирать его:

Званому гостю хлѣбъ да соль,
А незваному гостю и мѣста нѣтъ.

Въ этомъ замѣчаніи была уже угроза. Василій отвѣчаетъ имъ такою же двусмысленною угрозою:

Званому гостю много мѣста надо,
Много мѣста надо и честь большая;
А незваному гостю какъ Богъ пошлетъ.

Когда сыпщики поѣли, попили, начались забавы молодец-

кія, стали молодцы между собою бороться, драться на кулаки и примѣрно сражаться: то были новгородскія забавы; но они нерѣдко переходили въ дѣло серьезное, подъ пьяную руку. „Отъ того боя кулачнаго — говоритъ пѣсня — учинилась драка великая“.

Василій сталъ разнимать драку. Тутъ кто-то изъ мужиковъ, по прежней злобѣ, а можетъ-быть и невзначай, оплелъ его по уху: тогда Василій крикнулъ громкимъ голосомъ:

Гой еси, ты, Костя новоторжанинъ,
И Лука, Моисей — дѣти боярскіе!
Уже, Ваську, меня бьютъ!

Тутъ бросились къ нему молодцы. Вся толпа выхлынула на улицу. Пошла потѣха. Мужикамъ достается: они кричатъ, ревутъ: а Василій видитъ, что ему везетъ счастье, разгорячился, крикнулъ на весь міръ:

Гой еси, вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися,
Со всею дружиною.
Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ городомъ —
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякій годъ по три тысячи!
А буде я васъ побью,
И вы мнѣ поворитеся, —
То вамъ платить мнѣ такову же дань!

Мужики новгородские смекнули, въ чемъ дѣло. Василій надѣется на свою дружину и думаетъ, что его противниковъ только и есть, что на братчинѣ; но мужики связаны со всѣмъ Новгородомъ. Такого народа много найдется, что станетъ за нихъ, если дѣло на то пойдетъ. У всѣхъ есть пріятели

Мужики говорятъ ему:

Ай же, ты, Васильюшка Буслаевичъ,
Загадываешь загадку великую:
Когда ты, Василій, удалъ е,
Пойдемъ же дратьея на мостикъ на Волховскій,

На тою на рѣченьку на Волхову;
Ты съ своими съ дружинами храбрыми, —
А мы будемъ драться всѣмъ народомъ.

Василю нельзя было итти напопятную. И вотъ ударились объ закладъ: написали запись; приложили руки; заложили головы. Въ записи постановлено: „Василю итти на Волховскій мостъ, поставить на мосту три заставы: Василій долженъ перейти черезъ всѣ заставы; если его свалятъ гдѣ-нибудь на мосту, закладъ проигранъ, и его тогда казнить; а если онъ пройдетъ всѣ три заставы и собьетъ всѣхъ своихъ противниковъ, тогда ему заплатятъ. Черта чрезвычайно любопытная: она открываетъ для насъ много въ старой дѣйствительности. Такие заклады, какъ видно, были въ обычаѣ, и этимъ-то, быть-можетъ, могли бы объясниться буйства въ Новгородѣ. Историческая основа этого дѣла та, что тогда образовалось двѣ удалыя партіи, одна Васильева, другая противная: одна подъ рукою знатнаго богатаго боярина, другая изъ толпы—черни, молодчихъ людей; и держали они закладъ, чья сторона одолѣетъ въ дракѣ на мосту.

Обѣ стороны составили договоръ и подписались. Запись эта получала юридическій характеръ. Само новгородское правительство ее признало. Матушка, узнавши, что ожидаетъ ея сына, побѣжала къ новгородскому князю хлопотать, нельзя ли какъ-нибудь пріостановить споръ. Но что тутъ можетъ сдѣлать князь, когда договоръ написанъ и подписанъ съ обѣихъ сторонъ? Князю оставалось только казнить Василя, когда ему противная сторона выдастъ его. И князь отвѣчаетъ матушкѣ:

Тогда прощу, когда голову срублю.

Началась свалка на мосту — правильная, законная. Храбрая дружина Буслаева одолѣваетъ. Тутъ противники, чтобъ не проиграть окончательно заклада, побѣжали къ матери Василія, принесли ей подарки и стали просить:

Матера вдова Амельфа Тимоѳеевна!
Прими у насъ дороги подарочки;
Уйми свое чадо милое!

Старуха естественно склонна къ тишинѣ и спокойствію. Она

посылаетъ дѣвушку-чернавушку — взять Васеньку съ побоища и привести къ ней домой. Богатырь, отъ котораго трясется вся улица, покоряется безропотно:

Прибѣжала дѣвушка-чернавушка.
Схватила Ваську за бѣлы руки—
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкій дворъ.

Покорность эта въ духѣ тогдашнихъ нравовъ и понятій. Въ семейномъ быту власть матери считалась священнѣе и выше власти отца. Безъ материнскаго благословенія не было удачи въ жизни. Рьяный, неугомонный молодецъ дѣлался ниже травы, тише воды передъ матерью. Тутъ былъ чистый расчетъ. Что же, если удалецъ не послушаетъ, какая изъ этого ему корысть? Материнскаго благословенія не будетъ; и ему удачи не будетъ; и сила его будетъ не въ силу. Оттого Василій такъ покорно отправился вслѣдъ за дѣвушкой-чернавушкой. Мать заперла его. Пѣсня за то называетъ ее неразмышленной:

А и та старуха неразмышленна —
Посадила въ погреба глубокіе
Молода Василія Буслаевича,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными.

Дѣйствительно, старуха не разсудила, поступивши такъ съ Василіемъ. Закладъ былъ сдѣланъ; договоръ подписанъ. Драка не прекратится отъ того, что Василья нѣтъ на улицѣ. Противники его умышленно разсчитали, что безъ Василья дѣло обратится на ихъ сторону, а потому хитро и постарались отвлечь его отъ боя. Дружина осталась безъ атамана. Противники стали одолѣвать. Тогда пошла дѣвушка-чернавушка къ Волхову; и проходила она мимо побоища, и видѣла, какъ одолѣвали мужики Васильевыхъ побратенниковъ; они подбѣжали къ ней и стали говорить:

Гой еси, ты, дѣвушка-чернавушка!
Не выдай насъ у дѣла ратнаго,
У того часа смертнаго.

Иначе — они просили, чтобъ она освободила Василя. Но мужики-противники, завидя ее, бросились на нее:

И тутъ дѣвушка-чернавушка
Бросала она ведро клеповое,
Брала коромысло кипарисово;
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ новгородскимъ.

Какъ ни эпиченъ кажется этотъ образъ героини, но онъ не совсѣмъ лишенъ исторической дѣйствительности. Въ новгородскихъ женщинахъ была мужественность; въ судѣ, когда дѣло доходило до поля, жонка съ жонкою становилась на бой — дѣло было обычное и законное. Не мудрено, если и дѣвушка-чернавушка изъ Буслаева дома богатырски отмахивалась отъ мужиковъ.

И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала къ Василію Буслаеву;
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
А и спитъ Василій или такъ лежитъ? —
Твою дружину хоробрую
Мужики новгородскіе
Всѣхъ прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны.

Дѣвушка-чернавушка освобождаетъ сама Василя. Но можетъ быть и матушка тогда не противилась: матушка должна же была одуматься и разсудить, что если Васильеву дружину побьютъ, то доберутся до ея дома, и тогда придется ея сынку плохо. Какъ бы то ни было, Василій, освобожденный изъ заключенія, бросается стремглавъ: не попалъ, говоритъ пѣсня, палицы желѣзной; попалась ему ось тележная — обычный образъ для означенія храбрости героя, который такъ силенъ и ловокъ, что и съ такимъ плохимъ оружіемъ можетъ творить чудеса! Выскочилъ Василій и не достигъ еще моста, гдѣ дружина его, наемная, отдавала бока свои подъ мужичьи кулаки и палки... Вдругъ предъ нимъ явленіе — старчище-пилигримище; на плечахъ у него трехсотъ-пудовый колоколъ. То его крестовый батюшка. Былъ онъ, какъ видно, когда-то и самъ молодецъ-богатырь, а теперь уже удалился отъ міра

и уединился въ Кирилловъ монастырь. Мужики упросили его явиться посреди свалки и остановить Василія: они думали, что Василій, увидя предъ собою крестнаго отца и притомъ отшельника, посовѣстится ударить его. Онъ кричитъ ему:

А стой, Васька, не попархивай,
Молодой глуздырь не полетывай!
Изъ Волхова воды не выпити,
Въ Новѣградѣ людей не выбити!
Есть молодцы супротивъ тебя!
Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!

Пилигримище даетъ знать, что сторону враговъ его приметъ цѣлый Новгородъ, что ему не сладить съ большою толпою: онъ его предупреждаетъ не раздражать Новгорода. Василій отвѣчаетъ ему:

Ай же ты, мой крестовый батюшко!
Тебя ли чортъ несетъ въ той поры
На своего на любимаго крестника!
А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся!
А и бился я о великъ закладъ
Со мужики новгородскими,
Опричь почестныхъ монастырей,
И тебя старца пилигримища,
Въ задоръ войду — и тебя убью!

Это не только крестный отецъ, — это олицетвореніе церковнаго начала. Это эпическое изображеніе тѣхъ владыкъ, отшельниковъ-угодниковъ, которые не разъ усмиряли волненіе толпы своимъ словомъ и своимъ достоинствомъ. Самое названіе пилигримище подходитъ къ такому объясненію. Пилигримъ — паломникъ, странствователь по святымъ мѣстамъ, былъ встарину лицо исключительно принадлежавшее церкви, какъ монахъ: паломники были въ большомъ уваженіи въ Новѣгородѣ. Странствовать по святымъ мѣстамъ было до того обычно, что пастырямъ приходилось говорить противъ злоупотребленія такихъ благочестивыхъ путешествій. Очень естественно, что народное творчество изображало обыкновенно въ исторіи новгородскихъ смутъ явленіе духовнаго посредничества въ об-

разъ старца паломника. Василій, говоря, что онъ держалъ закладъ опричь честнаго монастыря и старца пилигримища, ясно даетъ знать, что онъ подъ этими двумя приведенными образами разумѣетъ церковь. Монастыри и паломники пользовались во всеобщемъ мнѣніи изъятіемъ отъ земныхъ дѣлъ и житейскихъ треволненій; ихъ минуютъ страсти, и къ нимъ не смѣютъ прикоснуться земные договоры. „Что тебѣ за дѣло — какъ бы хочетъ сказать паломнику Василій: — мы до тебя не касаемся, мы людей церковныхъ не трогаемъ, не трогай же и насъ грѣшныхъ; мы васъ, церковниковъ, уважаемъ и въ нашихъ спорахъ васъ минуемъ: да и вы не подвергывайтесь намъ подъ руку".

Пилигримище — крестовый батюшка Василія Буслаевича, по народному вѣрованію, лицо, противъ котораго итти все равно, что противъ отца родного. Но удалецъ въ пылу своей отваги ни предъ чѣмъ не долженъ останавливаться: долгъ, связи родства, все нипочемъ, когда разыграется его широкая удаль молодецкая. Разъярилось богатырское сердце; крикнулъ Василій:

Ай же ты, крестовый мой батюшко!
Не далъ я ти яичка о Христовѣ дни,
Дамъ тебѣ яичко о Петровѣ дни.

И хватилъ онъ осью желѣзною въ колоколъ. По однимъ вариантамъ онъ убилъ крестоваго батюшку, а по другимъ — пилигримище оказался вовсе существомъ не плотского человѣческаго міра. Не даромъ на немъ и колоколъ въ триста пудъ. Василій ударилъ его: старецъ не шевельнулся отъ удара. Тогда Василій глянулъ подъ колоколъ... а у пилигримища во лбу глазъ ужъ нѣту. Кажется народная поэзія выразила здѣсь символически совершенное отчужденіе церкви отъ мірскихъ суетъ. У него нѣтъ глазъ подъ колоколомъ: онъ чуждъ всему, что происходитъ около него: онъ принадлежитъ иному міру — съ нимъ нельзя драться; онъ не даетъ отпора. Пилигримище исчезаетъ, какъ привидѣніе, безслѣдно, тотчасъ, какъ только Василій глянулъ подъ колоколъ и увидалъ, что у него нѣтъ глазъ.

Василій доходитъ до моста. Какъ только завидѣли побратенники своего атамана, у нихъ, молодцовъ, думушки прибыло, словно у соколовъ крылья отросли. Молодой Василій

идетъ къ нимъ навыручку. Дѣло ихъ вдругъ поправляется. Бой разгорѣлся. Мужики подаются. Драка идетъ до вечера. Мужики побиты, смяты, мира просятъ. Они обращаются съ мировою не къ Василію, а къ его матери. Пѣсня расцвѣчиваетъ это событіе, говоритъ, что они одну чашу поднесли съ золотомъ, другую съ серебромъ; а это только подарокъ — не въ счетъ условія. Три тысячи, что въ закладѣ положены, само собою; эти три тысячи разлагаются на опредѣленныя дани съ цѣлой улицы, такъ что Буслаевъ будетъ получать съ нихъ, какъ будто князь со своего княженія, дань. Таково было народное понятіе: кто одолѣлъ, тотъ съ побѣжденнаго беретъ дани и накладываетъ пошлины:

А и рады мы платить
На всякій годъ по три тысячи,
На всякій годъ будемъ тебѣ носить
Со хлѣбниковъ по хлѣбику,
Со калачниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалечное,
Со всѣхъ людей ремесленныхъ,
Опричь поповъ и дьяконовъ.

Можетъ быть въ случаѣ такихъ споровъ и закладовъ на то, кто кого побьетъ, проигранный закладъ падалъ на все общество, къ которому принадлежали побѣжденные, такъ что если такой-то улицы молодцы побиты въ закладъ, то вся улица платила по разверсткѣ. Такъ и должно было быть тамъ, гдѣ и за сдѣланное убійство, когда убійца не отысканъ, платило все общество, и въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ представительство касалось извѣстной массы людей, соединенныхъ одномѣстностью жительства или принадлежностью къ одному управленію. Мать приказываетъ прежней же дѣвушкѣ-чернавушкѣ привести Василія. Дѣвушка застаетъ его еще среди боя, побивающаго мужиковъ. Она схватила Василья за руки и провозгласила утѣшительную вѣсть:

Мужики пришли новгородскіе,
Принесли они дорогіе подарочки,

И принесли записи заручныя
Ко твоей сударынѣ матушкѣ.

Бой прекратился. Василій пошелъ съ торжествомъ къ себѣ на дворъ, а за нимъ его удалые, вѣрные побратенники.

Костомаровъ.

Историческія пѣсни.

Кругъ собственно историческихъ былинъ весьма ограниченъ, и въ нихъ уже нѣтъ той свѣжести и силы первобытной поэзіи, какими отличаются былины о богатыряхъ, относящіяся къ болѣе героической эпохѣ. Но зато историческія пѣсни гораздо важнѣе въ томъ отношеніи, что показываютъ, какія событія и какія личности останавливали на себѣ вниманіе и общее сочувствіе народа и возбуждали чувство народной любви или ненависти, въ послѣдующій періодъ исторической жизни русскаго народа.

Со времени темнаго владычества татаръ историческія судьбы древней Руси не благопріятствовали развитію поэзіи: правильное развитіе народной жизни, сначала остановленное и подавленное, подъ гнетомъ дикихъ поработителей, приняло потомъ, въ эпоху уничтоженія удѣловъ и образованія единовластія Москвы, ложное направленіе, и поэтическая сторона народнаго духа, поэтическое творчество народа стали замѣтно ослабѣвать. Послѣ Владиміра и его богатырей память народная сохранила и увѣковѣчила въ своихъ пѣсняхъ весьма немного историческихъ именъ и событій. Отъ татарской эпохи до насъ дошло всего нѣсколько пѣсенъ, какова, напр., пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ, гдѣ подъ именемъ Азвяка разумѣется татарскій ханъ Узбекъ, а подъ именемъ Щелкана Дудентьевича — Шевкалъ, сынъ Дюденя, родственникъ хана. Эта пѣсня замѣчательна потому, что въ ней выразился народный взглядъ на татаръ и ханскихъ чиновниковъ, или баскаковъ, собиравшихъ дань и творившихъ судъ на Руси. Пѣсня эта находится въ сборникѣ Кирши Данилова и въ „Сказаніяхъ русскаго народа“, Сахарова...

Болѣе воспоминаній сохранилъ народъ о страшномъ царствованіи Ивана Васильевича Грознаго, и пѣсни о Грозномъ

принадлежатъ безспорно къ лучшимъ историческимъ пѣснямъ русскаго народа. Образъ „Грознаго царя“ московскаго — съ его „потухшимъ мутнымъ окомъ“, страшная память о немъ, его жестокія казни и палачи, опричники и убіеніе сына — все это воскрешено въ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ со всею яркостью и живостью народнаго творчества.

«Ай же вы, слуги мои вѣрные,
Палачи мои немилостивые!»

говоритъ царь въ пѣснѣ объ убіеніи сына, и велитъ отвести сына на лобное мѣсто и срубить ему буйную головушку. „Всѣ палачи испужалися, одинъ палачъ не пужается, одинъ злодѣй Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ“. Въ другой былинѣ говорится, какъ царь, на поминки по сынѣ, собралъ народъ поголовно и „повелѣлъ бояръ въ медвѣжины вшивать, а поповъ приказалъ во кули зашивать, во Москвѣ-рѣкѣ пущать“ (Извѣстно, какъ царь Иванъ травилъ медвѣдями бояръ и топилъ въ рѣкѣ новгородцевъ). Отъ времени Грознаго есть еще пѣсни, основанныя на нѣкоторыхъ, болѣе замѣчательныхъ событіяхъ его царствованія — взятіи Казани и Астрахани и покореніи Сибири Ермакомъ; да замѣчательна еще пѣсня, изображающая женитьбу Грознаго на Марьѣ Темрюковнѣ и плачь по умершей царицѣ Софьѣ (собственно Настасьѣ) Романовнѣ.

Эпоха самозванцевъ и смутное въ Россіи время междуцарствія отразились въ двухъ народныхъ пѣсняхъ: о Гришкѣ Разстригѣ и о князѣ Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, молодомъ и любимомъ народномъ вождѣ, скоропостижная смерть котораго дала поводъ думать, что онъ былъ отравленъ боярами изъ зависти, во время пира у князя Воротынскаго.

Существуетъ еще шесть старинныхъ русскихъ стихотвореній, весьма замѣчательныхъ, которыя записаны были для одного англичанина, бывшаго въ Россіи въ 1619 году, баккалавра оксфордскаго университета, Ричарда Джемса. Стихотворенія эти слывутъ подъ именемъ пѣсенъ Джемса и донынѣ хранятся въ подлинникѣ въ Оксфордѣ. Они имѣютъ содержаніемъ своимъ нѣкоторыя историческія событія того времени. Первая изъ пѣсенъ Джемса, извѣстная впрочемъ и изъ сборника Кирши Данилова, относится къ смерти Скопина-Шуйскаго. Пѣсня эта заставляетъ говорить бояръ:

«Высоко соколъ поднялся,
И о сыру матеру землю ушибся».

Вторая изъ пѣсенъ Джемса говоритъ о въѣздѣ патріарха Филарета въ Москву изъ литовскаго плѣна; двѣ пѣсни — о горькой участи царевны Ксеніи Борисовны Годуновой; одна — о набѣгѣ крымскихъ татаръ на Россію и одна пѣсня — о „веселовой службѣ“.

По словамъ г. Буслаева, эта послѣдняя пѣсня, равно какъ и пѣсня царевны Ксеніи даютъ намъ понятіе о томъ, какъ на основѣ эпической, могла у насъ зарождаться народная лирическая поэзія. Въ ней излагается не событіе, а чувство, именно, чувство радости, при наступленіи весны.

Пѣсни изъ сборника Джемса интересны особенно въ томъ отношеніи, что представляютъ образецъ древнихъ русскихъ стихотвореній, сохранившихся отъ времени самозванцевъ и царя Михаила Өедоровича, безъ всякихъ измѣненій, какимъ подверглись пѣсни, живущія и до настоящаго времени въ устахъ народа. Изъ изслѣдованія г. Буслаева объ историческихъ пѣсняхъ и вообще о народной поэзіи XVII столѣтія можно заключить, что русская литература той эпохи принимала новое направленіе и что при благопріятныхъ обстоятельствахъ въ ней развился бы преимущественно историческій родъ поэзіи.

Относительно историческихъ пѣсенъ г. Рыбниковъ справедливо замѣчаетъ, что онѣ „въ пріемахъ, языкѣ, въ цѣлыхъ частяхъ своихъ представляютъ подражаніе прежнимъ образцамъ (былинамъ) или даже живую передѣлку ихъ. Но важно то, что русскій народъ, въ своей эпической поэзіи, хотя и остановившейся на первой ступени развитія, т. е. на былинѣ, увѣковѣчилъ тѣмъ не менѣе все, что прямо касалось его жизни, все, что было въ ней грустнаго и радостнаго для него: былины говорятъ о богатырской борьбѣ народа съ силами природы и потомъ о борьбѣ съ историческими врагами, особенно съ татарами; а историческія пѣсни, какъ мы видѣли, отмѣтили почти всѣ многознаменательныя личности и эпохи русской исторіи, вліявшія такъ или иначе на народную жизнь.

Карауловъ.

СКАЗКИ.

Художественно-бытовое значеніе сказки.

Сказка и пѣсня суть единственно поэтическія формы, которыми пользовался простой неграмотный простолюдинъ въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ. Это достаточно свидѣтельствуетъ объ ихъ историко-литературной важности. Но вопросъ въ томъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на сказку, съ какой стороны подойти къ ней, если она не имѣетъ опредѣленной исторіи. Мы думаемъ, что литературная оцѣнка сказки можетъ быть только художественно-бытовая. Трудно понять значеніе сказки для народа, мѣря ее одною мѣркою искусства: сказки нравятся простолюдину не потому только, что въ художественныхъ образахъ представляютъ идеальную истину, но и потому, что самая обстановка сказки, бытъ ея, далекій отъ слушателя и разсказчика, есть бытъ не будничный, потому что онъ даетъ пищу для мечты, иногда самой отрадной, успокоительной мечты, иногда тревожной, во всякомъ случаѣ благодѣтельной. Заманчиво рисуя торжество угнетаемаго, побѣду правды и добра, сказка поддерживала въ народѣ душевную энергію, такъ часто изнемогавшую подъ тяжестью житейской нужды и тревоги, она будила и вызывала новыя силы для борьбы съ жизнью, однимъ словомъ, имѣла не только художественное, но и жизненное значеніе. Съ этой точки зрѣнія сказка является однимъ изъ незримыхъ, но дѣятельныхъ началъ въ исторіи народовъ: что при другихъ обстоятельствахъ дѣлаетъ наука и просвѣщеніе, то здѣсь до нѣкоторой степени исполнялось незабвенными произведеніями народной фантазіи и наивнаго вѣрованія; говоримъ до нѣкоторой степени, потому что все же ихъ роль была пассивная: они не вели впередъ, а только сберегали и поддерживали силы, не допуская ихъ разложенія и конечной гибели.

Какъ явленіе художественно-бытовое сказка является предметомъ необыкновенно важнымъ въ исторіи литературы: до появленія письменности она вмѣстѣ съ пѣснью наполняетъ цѣлыя

періодъ литературной дѣятельности народа и потомъ цѣлые вѣка остается любимѣйшей формой эпической и литературной потребности.

Котляревскій.

Нравственное и педагогическое значеніе сказокъ.

Какъ отъ всѣхъ народныхъ произведеній, отъ сказокъ вѣетъ поэтическою чистотою и искренностью; съ дѣтскою наивностью и простотою, подчасъ грубою, онѣ соединяютъ честную откровенность и свои повѣствованія передаютъ безъ всякой затаенной ироніи и ложной чувствительности. Мы говоримъ о сказкахъ древнѣйшаго образованія. Въ позднѣйшемъ своемъ развитіи и сказка подчиняется новымъ требованіямъ, порожденнымъ развитіемъ дальнѣйшей жизни, является послушнымъ и прочнымъ орудіемъ народнаго юмора и сатиры и утрачиваетъ первоначальное простодушіе. (См. сказки о Ершѣ, сынѣ Щетинниковѣ, о Шемякиномъ судѣ и др.) Но всегда сказка, какъ созданіе цѣлаго народа, не терпитъ ни малѣйшаго намѣреннаго уклоненія отъ добра и правды: она требуетъ наказанія всякой неправды и представляетъ добро торжествующимъ надъ злобою. Такъ сказка о правдѣ и кривдѣ задаетъ практическій вопросъ: какъ лучше жить — правдою или кривдою? Здѣсь выведены два лица, изъ которыхъ каждый держится противоположнаго мнѣнія: правдивый и криводушный. Правдивый — терпѣливъ, любитъ трудъ, безъ ропота подвергается несчастію, которое обрушилось на него по злобѣ криводушнаго, а впослѣдствіи, когда выпадаютъ на его долю и почести, и богатство, онъ забываетъ обиду, какую причинилъ ему криводушный, вспоминаетъ, что нѣкогда они были товарищами, и готовъ помочь ему. Но чувство нравственное требуетъ для своего успокоенія полнаго торжества правды — и криводушный погибаетъ жертвою собственныхъ расчетовъ. На такомъ нравственномъ началѣ создалась большая часть сказочныхъ интригъ. Несчастіе, бѣдность, сиротство постоянно возбуждаютъ народное участіе. Цѣлый рядъ сказокъ преслѣдуетъ нелюбовь и ненависть мачехи къ падчерицамъ и пасынкамъ и излишнюю зловредную привязанность ея къ своимъ собственнымъ дѣтямъ.

Этотъ характеръ мачехи, выставляемый народными сказками, составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ указаній на осо

бедности патріархальнаго быта и вполнѣ оправдывается и древнимъ значеніемъ сиротства, и свадебными пѣснями о судьбѣ *молодой* среди чуждой для нея семьи. Мачеха, по народнымъ сказкамъ, завидуетъ и красотѣ, и дарованіямъ, и успѣхамъ своихъ пасынковъ и падчерицъ, особенно если сравненіе съ этими послѣдними ея собственныхъ дѣтей, безобразныхъ и лѣнивыхъ, заставляетъ ее внутренно сознаваться въ томъ, чему такъ неохотно вѣритъ материнское сердце. Мачеха начинаетъ преслѣдовать бѣдныхъ сиротъ, задаетъ имъ трудныя, невыполнимыя работы, сердится, когда они удачно выполняютъ ея приказанія, и всячески старается извести ихъ, чтобы не имѣть предъ глазами постояннаго и живого укора. Но несчастія только воспитываютъ въ сиротахъ трудолюбіе, терпѣніе и глубокое чувство любви и состраданія ко всякому чужому горю. Это чувство любви и состраданія, такъ возвышающее нравственную сторону человѣка, не ограничивается тѣсными предѣлами людского міра, а обнимаетъ собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при видѣ раненой птицы, голоднаго звѣря, выброшенной на берегъ морскою волною рыбы и больного дерева. Во всемъ этомъ много трогательнаго. Нравственная сила спасаетъ сироту отъ всѣхъ козней; напротивъ, зависть и злоба мачехи подвергаетъ ее наказанію, которое часто испытываетъ она на родныхъ своихъ дѣтяхъ, испорченныхъ ея слѣпою любовью и потому гордыхъ, жестокосердыхъ и мстительныхъ. Съ этой точки зрѣнія особенно интересною представляется намъ роль младшаго изъ трехъ братьевъ, дѣйствующихъ въ сказкѣ. Большая часть народныхъ сказокъ, слѣдуя обычному эпическому пріему, начинается тѣмъ, что у отца было три сына: два умные, а третій — дурень. Старшіе братья называются умными въ томъ значеніи, какое придается этому слову на базарѣ житейской суеты, гдѣ всякій думаетъ только о своихъ личныхъ интересахъ; а младшій — глупымъ въ смыслѣ отсутствія въ немъ этой практической мудрости: онъ простодушенъ, незлобивъ, сострадателенъ къ чужимъ бѣдствіямъ до забвенія собственной безопасности и всякихъ выгодъ. Народная сказка однако всегда на сторонѣ нравственной правды и, по ея твердому убѣжденію, выигрышъ постоянно долженъ оставаться за простодушіемъ, незлобіемъ и сострадательностію меньшого брата. Очевидно, что эпическая поэзія истинно-разумнымъ признаетъ одно добро, а зло

хотя и слыветъ таковымъ между людьми, но вводитъ своихъ поклонниковъ въ безвыходныя ошибки и нерѣдко подвергаетъ ихъ неизбѣжной гибели; слѣдовательно, оно-то и есть истинно неразумное. Въ сказкѣ „Норка-звѣрь" три брата отправляются искать этого чуднаго звѣря; имъ предстоятъ многія опасности. Старшіе братья обнаруживаютъ при этомъ всю слабость духа и отстраняютъ отъ себя трудный подвигъ; но когда третій братъ смѣлостію преодолѣваетъ всѣ опасности — они замышляютъ завладѣть добытымъ имъ счастіемъ и посягаютъ на самую жизнь этого добродушнаго дурня. На возвратномъ пути изъ странъ подземнаго міра онъ готовъ былъ подняться на Русь по нарочно опущенному канату, но братья обрѣзываютъ канатъ и лишаютъ его послѣдней надежды возвратиться когда-нибудь въ родную семью. Въ такой бѣдѣ его спасаетъ то высокое чувство любви, которое не допускаетъ въ сердцѣ бѣдняка ни малѣйшаго ожесточенія даже послѣ столь горестнаго обмана. Оставленный въ подземномъ царствѣ, младшій братъ заплакалъ и пошелъ дальше. Поднялась буря: заблистала молнія, загремѣлъ громъ, и полился дождь. Онъ подошелъ къ дереву, съ надеждою укрыться подъ его вѣтвями отъ непогоды; смотритъ, а на томъ деревѣ сидятъ въ гнѣздѣ маленькія пташки и совсѣмъ измокли отъ дождя. Сострадательный дурень снялъ съ себя одежду и накрылъ птичекъ. Вотъ прилетѣла на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свѣтъ, и какъ увидала своихъ дѣтей накрытыми, спросила: „кто покрылъ моихъ пташекъ? Это — ты! Спасибо тебѣ, проси отъ меня, чего хочешь!" и, по просьбѣ бѣдняка, выноситъ его на своихъ могучихъ крыльяхъ на Русь.

Таково въ немногихъ словахъ значеніе народной сказки. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней найдется многое, что не можетъ удовлетворить нашимъ образованнымъ требованіямъ и взглядамъ на природу, жизнь и поэзію; но если въ зрѣлыхъ лѣтахъ мы любимъ останавливать свой взглядъ на дѣтскихъ играхъ и забавахъ, и если при этомъ невольно пробуждаются въ насъ тѣ чистѣйшія побужденія, какія давно были подавлены подъ бременемъ вседневныхъ заботъ, то не съ тою ли теплою любовью и не съ тѣми ли освѣжающими душу чувствами можетъ образованный человѣкъ останавливать свое вниманіе на этой поэтической чистотѣ и дѣтскомъ простодушіи народныхъ произведеній?

Увлекаясь простодушною фантазіею народной сказки, дѣтскій умъ нечувствительно привыкнетъ къ простотѣ эстетическихъ требованій и чистотѣ нравственныхъ побужденій и познакомится съ чистымъ народнымъ языкомъ, его мѣткими оборотами и художественно вѣрными природѣ описаніями. Мысль эту раздѣляли лучшіе изъ нашихъ поэтовъ — Жуковскій и Пушкинъ, познакомившіе публику съ нѣкоторыми народными сказками, передавъ ихъ простое содержаніе въ прекрасныхъ стихахъ. Жуковскій подъ конецъ своей жизни думалъ исключительно заняться переводомъ сказокъ различныхъ народовъ; а Пушкинъ въ одномъ изъ неизданныхъ своихъ писемъ говоритъ о себѣ: „вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!“

Аѳанасьевъ.

Процессъ образованія и видоизмѣненія сказки.

Нѣкоторые полагаютъ, что сходство между различными народами въ сказкахъ основывается не на племенномъ родствѣ языковъ и національностей, а на общихъ законахъ развитія человѣческаго духа, который въ своемъ младенчествѣ вездѣ и всегда выражается одинаковыми явленіями, къ которымъ, между прочимъ, принадлежитъ и фантастическій матеріалъ сказокъ. Если бъ мы согласились съ этимъ предположеніемъ, то еще больше выиграло бы въ нашихъ глазахъ значеніе сказки, какъ законнаго выраженія извѣстнаго момента въ психологическомъ развитіи человѣчества. И вѣроятно, въ этомъ предположеніи есть не малая доля правды, которая, впрочемъ, нисколько не будетъ противорѣчить выводамъ сравнительнаго изученія индоевропейскихъ народностей, именно тѣмъ выводамъ, по которымъ не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что ближайшее родство этихъ народностей по миѳологіи, языку, обычаямъ и поэзіи опредѣляется общимъ историческимъ происхожденіемъ индо-европейскихъ народовъ отъ одного начала.

Теперь уже никто не сомнѣвается въ самомъ близкомъ взаимномъ родствѣ индоевропейскихъ сказокъ, которое, по словамъ братьевъ Гриммовъ, доказано множествомъ сближеній. Въ настоящее время вопросъ объ этомъ предметѣ можетъ

быть подвинутъ уже нѣсколько дальше, а именно: при общемъ согласіи сказочнаго матеріала, чѣмъ отличаются сказки каждаго изъ народовъ индо-европейскихъ отъ всѣхъ прочихъ?

Для рѣшенія этого вопроса надобно имѣть въ виду слѣдующія соображенія.

1) Народная поэзія зарождается вмѣстѣ съ миѳологіею. Конечно, не одна только поэтическая фантазія создаетъ народные миѳы: они происходятъ на болѣе широкомъ и глубокомъ основаніи, какъ выраженіе необходимой потребности вѣрованія; тѣмъ не менѣе никакъ нельзя отвергать участія поэзіи даже въ самыхъ раннихъ зародышахъ народныхъ миѳовъ. Это — первыя и блистательныя порожденія вѣрованія и творческой фантазіи, возбужденныхъ условіями народнаго быта и историческими судьбами племенъ. Именно здѣсь-то начало убѣжденію въ истинѣ, въ непреложности, въ высокомъ значеніи народной поэзіи. Здѣсь начало тому обаятельному чудесному, которое проходитъ по всѣмъ ея произведеніямъ, не какъ выдумка, не какъ поэтическая прикраса, а какъ вѣрованіе, глубоко вкоренившееся въ сердцѣ каждаго. Какъ обломокъ доисторической старины, сказка содержитъ въ себѣ древнѣйшіе миѳы, общіе всѣмъ языкамъ индо-европейскимъ; но эти миѳы потеряли уже смыслъ въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, обновленныхъ различными историческими вліяніями; потому сказка, относительно позднѣйшаго образа мыслей, стала нелѣпостью, складкою, а не былью. Но, въ отношеніи сравнительнаго изученія индо-европейскихъ народностей, она предлагаетъ матеріалъ для изслѣдованія того, какъ каждый изъ родственныхъ народовъ усвоилъ себѣ общее миѳическое достояніе. Чѣмъ стройнѣе миѳы, излагаемые сказкою, чѣмъ ближе они къ народному эпосу и къ миѳологической системѣ, тѣмъ богаче народъ, сохранившій ее, своими миѳическими и поэтическими преданіями.

2) Сказка пошла отъ былины, то есть, она не что иное, какъ разрозненный и подновленный эпизодъ народнаго эпоса. Потому въ народной поэзіи иногда тотъ же сюжетъ передается въ двоякой формѣ: въ древнѣйшей формѣ былины, или пѣсни, и въ позднѣйшей — въ сказкѣ. Иногда въ сказкѣ до позднѣйшихъ временъ удерживаются стихи — то въ какомъ-нибудь причитаньѣ или призывѣ, то въ изліяніи чувства, въ моленіи и т. п. Эти стихотворные остатки относятся къ той эпохѣ,

когда сказка, будучи былиною, составляла эпизодъ народнаго эпоса.

3) Чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ эпичнѣе его сказки и тѣмъ меньше въ нихъ примѣси прозаическаго элемента, поучительнаго и нравоописательнаго. Чѣмъ образованнѣе и развитѣе народъ, тѣмъ прозаичнѣе изложеніе въ его сказкахъ, тѣмъ больше въ нихъ позднѣйшаго лиризма, состоящаго въ идиллической мечтательности и въ поучительной сатирѣ.

4) Сопутствуя народу въ его историческомъ развитіи, сказка получаетъ новый видъ: изъ миѳическаго эпизода переходитъ въ забавную новеллу. Здѣсь сказка соприкасается уже съ повѣстью и нравоучительною баснею. И дѣйствительно, средневѣковые сборники новеллъ и повѣстей содержатъ въ себѣ въ передѣлкахъ множество народныхъ сказокъ; а въ этихъ сборникахъ, какъ извѣстно, разсказы обыкновенно сопутствуются нравоученіями, какъ въ позднѣйшей дидактической баснѣ. Итакъ:

5) Сказка есть не только уцѣлѣвшій обломокъ миѳической старины, но и позднѣйшая прозаическая форма, съ которою народъ нечувствительно выходитъ изъ замкнутаго круга эпохи эпической на новое поприще, открываемое образованностью въ успѣхахъ позднѣйшей лирики и прозы. Потому позднѣйшая сказка беретъ себѣ содержаніе уже изъ источниковъ литературныхъ, даже передѣлываетъ чужеземные разсказы, переведенные съ иностранныхъ языковъ. Она становится чтеніемъ для грамотника, обогащая содержаніе такъ называемыхъ народныхъ книгъ. Тогда она совершенно расторгаетъ уже всѣ узы, связывавшія ее съ народнымъ эпосомъ, и становится чистымъ вымысломъ, тою складкою, которую народъ противополагаетъ были, и которую до позднѣйшаго времени классическіе педанты полагали недостойною серьезнаго изученія.

Буслаевъ.

Отличіе сказки отъ былины.

Вѣрнѣе другихъ, какъ мнѣ кажется, смотритъ на сказку г. Котляревскій. Онъ въ немногихъ словахъ, но чрезвычайно точно опредѣлилъ существеннѣйшія различія между сказкою и былиною. Оговорившись, что нѣкоторыя изъ нашихъ сказокъ

не что иное, какъ передѣланныя былины, онъ объясняетъ господствующій характеръ сказки слѣдующимъ образомъ: „Сказка совершенно чужда историческихъ воспоминаній; въ ней выступаютъ жизнь частная, домашняя, съ ея завѣтными понятіями и обычаями, или же воспоминанія доисторическія, объясненіе которыхъ невозможно безъ сравнительныхъ сближеній. Въ сказкѣ болѣе миѳологіи, можетъ быть, именно потому, что менѣе исторіи, менѣе мѣста вліяніямъ времени и обстоятельствъ". Въ сказкѣ болѣе миѳологіи потому, что въ ней почти вовсе нѣтъ той стихіи, которая все болѣе и болѣе вытѣсняла миѳологію изъ былины — исторіи. Въ сказкѣ миѳологія удержалась болѣе, чѣмъ въ былинѣ, первоначально же она служила основою и той, и другой. И былина, и сказка пошли отъ одного общаго корня — древнѣйшей миѳологической пѣсни, только каждая пошла отъ нея своимъ особымъ путемъ. Остаткомъ того рода пѣсни, отъ которой должны были первоначально пойти и былина, и сказка, до сихъ поръ еще служатъ тѣ, напримѣръ, сербскія сказки, которыя, при характерѣ чисто эпическомъ, чужды всякихъ историческихъ отношеній, повѣствуютъ о явленіяхъ чисто-миѳическихъ: женитьбѣ мѣсяца, сватовствѣ за солнцеву сестру и т. п. Съ теченіемъ времени этого рода первоначальная миѳическая пѣсня должна была однимъ путемъ перерабатываться въ былину, другимъ путемъ въ сказку. Первымъ путемъ она вышла на почву исторіи: ея миѳическія личности и событія приурочивались къ историческимъ мѣстностямъ и явленіямъ, получали все болѣе и болѣе историческую обстановку, наконецъ даже ставились въ соотношенія, иногда же и совсѣмъ совпадали съ личностями историческими. Переработавшись такимъ образомъ, пѣсня получила для народа, подвинувшагося между тѣмъ впередъ, — чему доказательствомъ служитъ самая возможность подобной переработки — новаго рода важность — важность повѣствованія о дѣйствительно-бывшемъ между людьми, важность *были, былины*, которая, на тогдашней ступени развитія, стала служить какъ бы тѣмъ, чѣмъ служитъ теперь исторія. Эту особенно драгоцѣнную быль надобно было хранить какъ зѣницу ока — и если, при отсутствіи письменности, нельзя ее было сохранить съ тою точностію, съ какою свидѣтельства историческія сохраняются въ книгахъ — все-таки должна была развиться заботливость о сохраненіи въ точности этихъ завѣтныхъ пѣсенъ. Вотъ такой-то заботли-

вости, по всей вѣроятности, былина и обязана тѣмъ, что въ ней удержался большею частью и самый пѣсенный строй, до извѣстной степени охранявшій отъ искаженій и самое ея содержаніе. Дѣйствительно, чуть начинаетъ разлагаться въ былинѣ ея пѣсенный строй (такія разлагающіяся былины принято у насъ называть *побывальщинами*), вмѣстѣ съ нимъ утрачивается непремѣнно и самая стройность ея содержанія (что и замѣтно во всѣхъ записанныхъ до сихъ поръ побывальщинахъ). Съ окончательною утратою пѣсеннаго строя совершается дальнѣйшій переходъ побывальщины въ прозаическій разсказъ того рода, которому обыкновенно даютъ у насъ мѣсто въ сборникахъ сказокъ*).

Самый фактъ разложенія и порчи былинъ, при важности, какую онѣ получили, долженъ былъ побуждать къ изысканію особенныхъ средствъ для болѣе точнаго ихъ сбереженія. Вслѣдствіе этого, по всей вѣроятности, былина и стала какъ бы переходить въ завѣдываніе только немногихъ: изъ народа стали до извѣстной степени выдѣляться особые и не совсѣмъ многочисленные ея охранители.

„Не каждый, говоритъ г. Котляревскій, умѣетъ передать былину, требующую счастливой памяти, извѣстнаго рода поэтическаго, даже музыкальнаго... Не такъ сказка: она доступна каждому, безъ различія возраста и пола. Сказка выработалась изъ своей первоначальной основы не тѣмъ путемъ, который бы могъ ей придать особую и полную важность. До своего теперешняго значенія сказки, какъ сказки, она постепенно была доводима послѣдовательнымъ затемнѣніемъ въ сознаніи народа ея первоначальнаго миѳическаго значенія. Все болѣе и болѣе теряла ту важность, которую она только могла имѣть изначала, какъ выраженіе религіознаго вѣрованія, она только доставляла своимъ вымысломъ на воображеніе безразличное наслажденіе всѣмъ и каждому... Съ утратою первоначальнаго сознанія важности основы мало не могло уже быть и заботливости о томъ, чтобы бережно обращаться со способомъ ея выраженія... Пѣсенный строй такимъ обра-

*) [illegible]
[illegible]
[illegible]
ность почему либо утѣлѣть той или другой драгоцѣнной чертѣ старины.

зомъ безпрепятственно долженъ былъ разлагаться въ прозу... Безпрепятственно измѣнялась, въ извѣстномъ отношеніи, и самая форма внутренняя: когда-то священное содержаніе нерѣдко вмѣщалось въ самыя обыкновенныя рамки житейской и будничной жизни... И между тѣмъ — въ одномъ отношеніи — основа этого содержанія среди всѣхъ измѣненій, встрѣчающихся на этомъ пути, могла сохраниться въ большей неприкосновенности, чѣмъ на пути, которымъ вырабатывалась былина — гдѣ навстрѣчу миѳу попадалась исторія, всего болѣе опасная для него. Не сохранивъ первоначальной пѣсенной формы, не сохранивъ своей несомнѣнной первоначальной серьезности тона, миѳическая основа однакоже сохранилась несравненно полнѣе въ той будничной обстановкѣ частнаго быта, которая давалась ей въ сказкѣ и которая съ меньшею тяжестію налегала на нее, чѣмъ историческая обстановка налегала на первоначальную основу былины.

О. Миллеръ.

Различіе между сказками и пѣснями (былинами).

Между сказками и пѣснями, по нашему мнѣнію, лежитъ рѣзкая черта. Сказка и пѣсня различны изначала. Это различіе установилъ самъ народъ, и намъ всего лучше прямо принять то раздѣленіе, которое онъ сдѣлалъ въ своей литературѣ. *Сказка — складка* (вымыселъ), а *пѣсня — быль*, говоритъ народъ, и слова его имѣютъ смыслъ глубокій, который объясняется, какъ скоро обратимъ вниманіе на пѣсню и сказку.

Изъ этого же значенія пѣсни, какъ были, и сказки, какъ вымысла, выходитъ, что само содержаніе сказокъ, мѣсто дѣйствія и лица — существенно различны отъ пѣсенъ. Въ пѣсняхъ географія можетъ быть плоха, но это происходитъ отъ незнанія. Въ сказкѣ, очень сознательно, разсказчикъ нарушаетъ всѣ предѣлы времени и пространства, говоритъ о тридесятомъ царствѣ, о небывалыхъ странахъ и всякихъ диковинкахъ. Отсюда выходитъ также, что содержаніе эпическихъ пѣсенъ народа — всегда лица или событія его народной жизни. Пѣсни — всегда народны. Сказка же, напротивъ, уходитъ въ чужіе края и, какъ вымыселъ, носится, гдѣ угодно. Значеніе вымысла даетъ возможность пользоваться чужою фантазіею, и потому многія изъ сказокъ

зашли къ намъ цѣликомъ изъ чужихъ краевъ (наиболѣе съ востока); иныя переиначены по-своему, и почти всѣ говорятъ о странахъ чужихъ. Само собою разумѣется, что самое изложеніе, *слогъ* народныхъ русскихъ сказокъ принадлежитъ русскому человѣку; что если въ своихъ сказкахъ народъ не всегда самъ выдумщикъ, то всегда разсказчикъ; что и чужое, переиначивая его или нѣтъ, разсказываетъ онъ по-своему; и это-то изложеніе придаетъ сказкѣ народный характеръ и цѣну, независимо отъ ея содержанія. Въ какой же мѣрѣ самое содержаніе той или другой сказки выражаетъ народный духъ, — это уже особый, очень важный и занимательный вопросъ, рѣшаемый при разсматриваніи самыхъ сказокъ.

Какъ на различіе между пѣснями и сказками, можно также указать на элементъ волшебный. Въ сказкахъ онъ постоянно присутствуетъ, и почти всѣ герои сказокъ находятъ себѣ опору и помощь въ волшебствѣ и волшебникахъ. Въ пѣсняхъ хотя нельзя не признать чародѣйственнаго элемента, но онъ всегда на враждебной сторонѣ, противенъ русскому духу, и богатыри русскіе не только не потерпятъ въ немъ силы, но постоянно ведутъ съ нимъ бой, прибѣгая съ молитвою къ одному Богу. Правда, есть пѣсня *о Волхвѣ; но это преданіе* (а не вымыселъ) о древнемъ сильномъ чародѣѣ, который самъ герой пѣсни и стоитъ совершенно одиноко между всѣми богатырями старины, глубже всѣхъ уходя въ древность. Всѣ богатыри и вообще всѣ герои пѣсенъ, начиная съ Ильи Муромца до Гордея, не водятся ни съ волшебствомъ, ни съ волшебниками, а вездѣ бьютъ и преслѣдуютъ ихъ.

Г. Шевыревъ находитъ сходство въ языкѣ и выраженіяхъ между сказками и пѣснями; но тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. И тамъ, и здѣсь языкъ русскій, народный; и тамъ, и здѣсь подчиненъ онъ извѣстнымъ сочетаніямъ словъ, эпитетамъ и проч. Такое сходство необходимо: оно основано только на единствѣ языка. Но если вглядѣться попристальнѣе, то сейчасъ увидишь существенную разницу языка и слога пѣсеннаго съ сказочнымъ. Стоитъ обратить вниманіе хоть на тѣ отрывки сказокъ, которые приводитъ г. Шевыревъ, выставляя ихъ въ примѣръ сходства. Вотъ нѣкоторыя выраженія: „Шелкъ не рвется, булатъ не трется, красное золото въ грязи не ржавѣетъ". Или: „Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей полымя".

Всякій, думаю я, согласится, что самый слогъ, отрывистый и скорый, пересыпанный близкими другъ отъ друга риѳмами, показываетъ, что сказка *сказывалась говоркомъ* или даже *скороговоркой*, а не пѣлась. Теперь не угодно ли сравнить какую-нибудь пѣсню, напр.

«Да изъ Орды золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ царь Калиновичъ...»
или
«А и буйные вѣтры не вихнутъ на ее,
А красное солнце не печетъ лице...»
или
А и ты мать, быстра рѣка, ты быстра рѣка Смородина!
Ты скажи мнѣ, быстра рѣка, ты про броды конные...

Вы видите, что рѣчь здѣсь не торопится, медлитъ и очевидно указываетъ, что она должна пѣться. Эти повторенія, эти вставочныя: *что*, *а и*, *тотъ* и пр., показываютъ очевидно, что они нужны были, какъ для гармоніи пѣнія, такъ и для оттѣнка самаго слога, совершенно особеннаго, слога собственно пѣсеннаго.

К. Аксаковъ.

Отношеніе сказки къ другимъ видамъ эпической поэзіи.

Ни одна отрасль народной словесности не отличается такою разносторонностію содержанія, какъ сказка. Это оттого, что она имѣетъ точки соприкосновенія со всѣми другими отраслями того же могучаго корня. Въ историческомъ ходѣ развитія поэтической мысли народа сказка занимаетъ срединное мѣсто между обрядовою и былевою поэзіей. Уже давно доказано, что первоначальная поэзія, какъ и первоначальное искусство вообще, коренится въ обрядѣ. Не имѣя еще самостоятельнаго значенія, она или воздаетъ хвалу божествамъ, или же озаряетъ такія событія въ быту самого человѣка, каковы, напримѣръ, бракъ, похороны; или даже стремится непосредственно помочь человѣку въ нуждѣ, призывая на него вліяніе свѣтоносной силы — въ заговорѣ. Уже нѣсколько независимѣе отъ практическихъ примѣненій становится поэзія народа, устремляясь

только сосредоточить его вниманіе на какой либо замысловатой сторонѣ миѳа — въ загадкахъ. Но и онѣ, т. е. разгадываніе ихъ, имѣло, повидимому, какъ доказываютъ миѳы, но еще не вполнѣ разъясненныя свидѣтельства самой народной поэзіи, какое-то особое, утилитарное значеніе въ жизни народа. Много должно было пройти времени, прежде чѣмъ поэтическая мысль народа, не измѣняя еще по преимуществу миѳическому настроенію, освобождалась окончательно отъ всякихъ практическихъ цѣлей и нашла выраженіе въ такой миѳической пѣснѣ, которая уже пѣлась свободно, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ — пѣлась просто потому, что нравилась; оставалась же миѳическою потому, что только такое содержаніе и приходилось еще по силамъ народа. Вотъ такъ-то долженъ былъ возникнуть тотъ независимый отъ обряда миѳическій эпосъ, изъ котораго извѣстнымъ уже намъ путемъ выработалась въ позднѣйшее время и сказка. Какъ выросшая первоначально на миѳѣ, она имѣетъ точки соприкосновенія, а потому и должна быть сравниваема со всѣмъ, въ чемъ выражается миѳъ: и со всѣми видами обрядовыхъ пѣсенъ, и съ заговорами, и загадками. Но изъ миѳическаго эпоса выработалась не одна сказка; изъ него же выдѣлилась особымъ путемъ былина. Какъ одинъ изъ двухъ главныхъ видовъ чистаго, свободнаго отъ всякихъ утилитарныхъ примѣненій эпоса, сказка можетъ и должна быть сравниваема съ другимъ главнымъ видомъ этого эпоса, съ имѣющею съ нею одинъ корень — былиною. Но миѳическая пѣснь нерѣдко перерабатывалась еще, и это уже подъ вліяніемъ христіанства, въ *духовный стихъ*; и онъ потому-то имѣетъ свои точки соприкосновенія съ послѣднею отъ той же миѳической пѣсни сказкою. Наконецъ эта послѣдняя, подъ тѣмъ же вліяніемъ христіанства, сама перерабатывалась въ легенду — вотъ и съ этимъ, хотя и побочнымъ видомъ эпоса, сказки, въ свою очередь, соприкасаются и должны быть сравниваемы. Наконецъ, такъ какъ сказка, по мѣрѣ того какъ она удалялась отъ основного миѳа, принимала въ себя черты бытовыя, именно черты изъ частнаго быта народа (подобно тому, какъ былина усвоила себѣ тѣ же бытовыя черты, но въ болѣе широкихъ историческихъ ихъ размѣрахъ), то этимъ своимъ бытовымъ элементомъ во многихъ сказкахъ, гдѣ преимущественно передъ нами сказки новеллы, соприкасается съ пословицею, съ этой особой от-

раслью народной словесности, особенно мѣтко отражающею основы народнаго быта и вытекающаго изъ него міросозерцанья.

О. Миллеръ.

Значеніе сказокъ по отношенію къ животному эпосу.

Значеніе такъ называемаго животнаго эпоса (Thierepos, Thierfabel), или эпическихъ разсказовъ о звѣряхъ, указано только новѣйшими нѣмецкими учеными и преимущественно Я. Гриммомъ въ его превосходномъ изслѣдованіи о средневѣковомъ Рейнгартѣ (Reinhart Fuchs, Berl. 1834 г.). Проницательная критика знаменитаго ученаго много разъяснила сущность и ходъ развитія животнаго эпоса; ея строгія опредѣленія, основанныя особенно на германскомъ эпосѣ, такъ вѣрно схватываютъ черты этого направленія народной поэзіи, что къ нимъ одинаково подходятъ и произведенія этого рода въ другихъ литературахъ и народностяхъ. Оттого мы безопасно можемъ воспользоваться главными положеніями Гримма и для опредѣленія русскихъ сказокъ. Возможность животнаго эпоса, какъ отдѣльной отрасли народной поэзіи, заключается въ томъ же поэтическомъ созерцаніи природы, которое произвело и другія ея созданія. Соединяя со словомъ извѣстное понятіе, сливая въ немъ цѣлый отдѣльный миѳъ, языкъ сообщалъ поэтическій колоритъ и безжизненнымъ предметамъ природы; тѣмъ рѣзче онъ долженъ былъ отмѣтить міръ животныхъ, имѣвшій такія близкія отношенія къ быту человѣка. Пастушеская и охотничья жизнь легко знакомила человѣка съ окружавшими его звѣрями, и онъ скоро могъ замѣтить въ нихъ что-то общее съ его собственной природой, что-то похожее на душевныя свойства и движенія человѣка, и даже превосходство звѣря въ физической силѣ, остротѣ слуха и зрѣнія. Въ быту своемъ человѣкъ или сохранялъ къ нимъ мирное расположеніе, или долженъ былъ страшиться и остерегаться ихъ. Все это давало животнымъ особенное значеніе въ глазахъ человѣка; онъ привыкъ считать ихъ самостоятельными и независимыми отъ него, и потому приписалъ имъ нѣкоторую личность: кромѣ обыкновенныхъ названій, иныя изъ нихъ, болье близкія или опасныя для него, получили кличку или собственныя имена, которыя впослѣдствіи, отъ постояннаго употребленія, могли опять пе-

рейти въ нарицательныя названія. Современный народный языкъ, называя медвѣдя Мишкой или Михаиломъ Иванычемъ, козу — Марьей, лису — Патрикѣевной и пр., сохранилъ въ этихъ именахъ намекъ на тѣ древнія отношенія къ животнымъ, когда человѣкъ старался установить съ ними обоюдное пониманіе. Древняя легенда считаетъ даже звѣря существомъ, равнымъ человѣку; миѳическія сказанія у всѣхъ народовъ сохранили повѣрье о превращеніяхъ людей въ животныхъ и обратно, о существахъ, состоявшихъ на половину изъ животнаго и человѣка, сфинксахъ, кентаврахъ и т. п.; отсюда ведетъ начало миѳъ о переселеніи душъ. Звѣри играютъ важную роль во всѣхъ языческихъ религіяхъ; иногда они, какъ египетскій быкъ или кошка, считались олицетвореніемъ божества; на ихъ дѣйствіяхъ, какъ на полетѣ птицъ, на кормѣ священнаго коня, основывались предвѣщанія и примѣты. Въ народной сказкѣ, даже мимо чистаго животнаго эпоса, животныя являются необходимыми участниками въ событіи: конь бываетъ совѣтникомъ и помощникомъ богатыря; волкъ, медвѣдь и лисица нерѣдко бываютъ союзниками сказочнаго героя и приносятъ ему помощь въ минуту опасности. Вмѣстѣ съ этимъ народная поэзія приписала имъ и даръ слова... По представленіямъ народной поэзіи, и вся природа одарена способностью говорить: крикъ животныхъ, пѣніе птицъ непонятны для простого человѣка; но звѣри по преимуществу владѣютъ этой способностью, и оттого они всего чаще выводятся дѣйствующими лицами среди людей, и въ животномъ эпосѣ играютъ роль совершенно наравнѣ съ ними. Изъ этого повѣрья о говорѣ звѣрей родилась любопытная поговорка, для обозначенія давно минувшаго времени: „когда еще говорили животныя“, въ хроникѣ С. Дени и въ другихъ средневѣковыхъ памятникахъ, такъ же какъ и у *Езопа* ὅτε φωνήεντα ἦν τὰ ζῶα, то есть когда еще говорили животныя.

Такимъ образомъ основа животнаго эпоса связывается съ тѣми миѳическими преданіями, изъ которыхъ выросли всѣ воззрѣнія народной поэзіи; но онъ существенно отличается отъ всякаго другого эпоса въ томъ, что предметъ послѣдняго проистекаетъ постоянно изъ дѣйствительнаго, историческаго факта, тогда какъ сказки о звѣряхъ, очевидно, не могутъ имѣть подобнаго источника. Вмѣсто этого, народная фантазія создала имъ свою исторію, она подмѣтила особенности въ характерѣ животныхъ и развила ихъ до извѣстной опредѣленности и неизмѣнности.

привела ихъ ко взаимному столкновенію: какъ только эта вольность была допущена, предметъ сказанія могъ развиться легко. Новый интересъ приданъ былъ животному эпосу участіемъ человѣка въ его событіяхъ, участіемъ, иногда очень дѣятельнымъ; оно возможно было тѣмъ болѣе, что звѣрямъ уже приписанъ былъ даръ слова, легко сблизившій ихъ съ обществомъ человѣческимъ. Участіе человѣка еще точнѣе обозначило свойства и границы эпоса. Съ одной стороны животныя одарены въ немъ умомъ и мыслью; переняли всѣ привычки обыкновеннаго быта людей: въ нѣмецкомъ эпосѣ убитую курицу приносятъ на носилкахъ къ царю звѣрей; онъ повелѣваетъ устроить погребеніе и поставить надгробную надпись; люди не отказываютъ волку, когда онъ приходитъ къ нимъ просить помощи; поселянинъ заключаетъ формальный договоръ съ лисою о своихъ курахъ и въ тяжбѣ съ нею признаетъ льва какъ общаго судью. Въ нашихъ сказкахъ, приведенныхъ у г. Аѳанасьева, лисица просится къ мужику переночевать, и онъ пускаетъ ее; обманывая волка, лиса говоритъ ему, что ее зовутъ на повой (пріемъ новорожденнаго); лисица, волкъ, заяцъ живутъ въ избушкахъ и проч.*). Съ другой стороны, не остаются забытыми и животные инстинкты и особенности звѣрей: лиса приходитъ, какъ мы сказали, ночевать въ избу мужика, но, проснувшись на другое утро, пугается собаки, которую спрятали въ ея мѣшокъ; и въ сказкѣ она любитъ куръ и гусей и пускается на всѣ хитрости, чтобы обмануть волка; медвѣдь сѣетъ вмѣстѣ съ мужикомъ пшеницу, но, подозрѣвая съ его стороны обманъ, грозится съѣсть его. Эти требованія вполнѣ естественны: лишенные человѣческой мысли, звѣри не могли бы дать сказкѣ драматическаго движенія, потому что поступки, вызванные только инстинктивными побужденіями, не представляютъ живого интереса; и напротивъ, лишенные своей животной природы, сказочные звѣри сдѣлались бы пустой формулой. Этимъ обусловливаются и другія требованія животнаго эпоса: если обыкновенная сказка заставляетъ говорить деревья, цвѣты, даже мертвые предметы, то сказки о звѣряхъ не принимаютъ ихъ въ свое содержаніе, какъ неспособные къ свободной дѣятельности. По той же причинѣ и звѣри не всѣ имѣютъ одинаковое значеніе для сказки: въ ней рѣдко являются маленькіе

*) Въ нашей сказкѣ самъ пѣтухъ, лиса [illegible] отлаживать [illegible].

звѣри; насѣкомыя получаютъ только второстепенныя роли, потому что не имѣютъ рѣзко-опредѣленныхъ физіономій; тѣмъ меньше кстати въ животной сказкѣ птицы, своей способностію летать удаленныя отъ того порядка, въ которомъ человѣкъ поставленъ съ животными; притомъ и самый, безпокойный по природѣ, характеръ птицы противорѣчитъ спокойному эпическому движенію; наконецъ большие, чужеземные звѣри не могутъ быть введены въ сказки уже потому, что незнакомы народу въ его собственномъ бытѣ и не напоминаютъ ему никакихъ отношеній. Такимъ образомъ главными дѣйствующими лицами являются болѣе извѣстные звѣри и домашнія животныя. Хотя и между послѣдними не всѣ принимаются въ эту драму: собака, лошадь, быкъ давно стали слишкомъ ручными и прозаическими, и потому не нашли мѣста въ сказкѣ, требующей отъ своихъ героевъ независимости и свободы дѣйствій. Въ такомъ ограниченномъ кругу поэтизируется древнее воззрѣніе на животную природу. На этомъ основаніи, сказки о звѣряхъ, какъ и эпосъ героическій, всегда сосредоточиваются около туземныхъ героевъ и относятся къ отдѣльной мѣстности.

Не можемъ не припомнить слѣдующаго мнѣнія К. С. Аксакова о сказкахъ про животныхъ: „Есть особый отдѣлъ сказокъ, это сказки домашнія, т. е. дѣтскія о волкѣ, медвѣдѣ, лисѣ, пѣтухѣ и пр. Онѣ исполнены невыразимой красоты и также заслуживаютъ вниманія“.

Пыпинъ.

Заклинанія.

Заклинанія суть молитвы нашихъ предковъ-славянъ, искаженныя временемъ и передѣланныя на новый ладъ подъ вліяніемъ христіанства. Въ немногихъ изъ нихъ упоминаются имена языческихъ божествъ, въ большей же части они замѣнены именами Господа Бога, Богородицы, ангеловъ и св. угодниковъ. За этими послѣдними скрываются имена языческихъ божествъ; а эти божества суть только символы (образы) явленій и предметовъ природы, предъ которыми преклонялся первобытный человѣкъ, чувствуя надъ собою ихъ повелѣвающее могущество, и умолялъ ихъ о помощи или пощадѣ.

Заговоры начинаются обычною формою: „стану я, рабъ Божій (имя), благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми,

изъ двора воротьми, выйду я въ чистое поле“. Затѣмъ чаще всего упоминается восточная сторона, къ которой заклинатель обращается лицомъ и кланяется. Уже въ этомъ обращеніи къ восточной сторонѣ видно поклоненіе восходящимъ съ востока свѣтиламъ: солнцу, лунѣ и звѣздамъ. Далѣе упоминаются находящіеся на восточной сторонѣ святое окіянъ-море и какой-то островъ. Заклинанія другихъ мѣстностей Великой Россіи начинаются прямо съ обращенія къ морю-окіяну и острову Буяну. На островѣ есть храмина, т. е. дворецъ, въ храминѣ стоитъ престолъ, на которомъ возсѣдаетъ Господь или Богородица, или св. Николай. Здѣсь же находятся различныя чудесныя животныя и предметы, напр. золотая щука, бѣлый камень и проч. Все это сходствуетъ съ представленіями славянъ-язычниковъ о жилищѣ свѣтлыхъ божествъ.

Обыкновенная заклинательная формула заговоровъ такая: какъ невозможно то-то и то-то (говорится о чемъ-нибудь невозможномъ), такъ и это пусть будетъ невозможно (о чемъ просятъ въ заклинаніи), напр.: „какъ не бывать въ пресвѣтломъ раю въ небесномъ царствіи проклятому діаволу и волшебнику, такъ не бывать на мнѣ р. б. N тѣмъ злымъ лихимъ притчамъ, скорбямъ и болѣзнямъ“... или: „како изъ гроба не возстаетъ мертвый мертвецъ, тако бы не могъ возставать супротивъ меня начальный человѣкъ“...

Какъ древнія языческія молитвы, наши заклинанія должны быть во многомъ сходны съ языческими молитвами индо-европейскихъ народовъ. И дѣйствительно, они похожи часто не только въ своихъ основахъ, но и въ выраженіяхъ. Разумѣется, тамъ, гдѣ въ языческихъ молитвахъ упоминаются имена божествъ, тамъ въ заклинаніяхъ употребляются имена Бога, Богородицы, ангеловъ и св. угодниковъ.

Изъ сравненія русскихъ заклинаній съ заклинаніями другихъ народовъ можно было бы добыть много чрезвычайно важныхъ свѣдѣній для миѳологіи, между прочимъ можно было бы возстановить первобытныя формы заклинаній, потому что многое изъ того, что утратилось у одного народа, сохранилось въ другомъ.

Заговоры „молитвы отъ нечистаго духа“ наполнены странною смѣсью языческихъ понятій съ христіанскими. Громъ и молнія то олицетворяются въ нихъ въ видѣ отдѣльнаго существа царя Грома и царицы Маланіи или Молніи, то при-

приписываются Господу Богу, небеснымъ силамъ — архангеламъ Михаилу и Гавріилу и Иліи пророку. Для примиренія языческихъ вѣрованій съ христіанскими, царя грома и царицу молнію подчиняютъ Господу Богу и называютъ ихъ святымъ духомъ, исходящимъ отъ Господа. Царь громъ и царица молнія, поднимающіеся съ востока, отъ престола Господня, гоняются за нечистыми духами, которые со страхомъ и трепетомъ убѣгаютъ въ свои „помѣстья“: „подъ пень и подъ колоду, въ озера и во омуты“. Лихорадка олицетворяется въ видѣ 12 Иродовыхъ дочерей. Всѣ злыя лихія порчи и скорби и болѣзни, двѣнадцать проклятыхъ Иродовыхъ дочерей отсылаются туда, откуда пришли, въ преисподнюю бездну, въ адъ, къ дѣду своему, проклятому сатанѣ.

Выраженія, которыми заканчивается большая часть заклинаній: „будьте мои слова замкомъ замкнуты, ключемъ заперты, будьте мои слова крѣпки и лѣпки, какъ ключи подземные, будьте мои слова тверды и крѣпки на вѣки нерушимы. Ключъ въ воду, а замокъ въ руки“ — почти не имѣютъ для насъ смысла и показываютъ, что заклинанія, сохранившіяся въ устахъ народа, сильно пострадали и сократились. Здѣсь память народная измѣнила себѣ. Поэтому для миѳологіи очень важны письменные заговоры, сохранившіеся въ большей полнотѣ и могущіе служить дополненіемъ первыхъ. Вышеприведенныя выраженія суть сокращенія нижеслѣдующаго. Заклинатель обращается къ Господу или св. угоднику и проситъ ихъ поставить около него или около скота „желѣзный тынъ“ отъ неба и до земли со всѣхъ четырехъ сторонъ и окружить его огненною рѣкою для предохраненія ихъ отъ нечистаго духа, болѣзней, дикихъ звѣрей и пр., потомъ проситъ замкнуть этотъ тынъ и положить ключи на престолъ Божій или спустить въ воду для того, чтобы ихъ поглотила божественная золотая щука, живущая въ жилищѣ свѣтлыхъ божествъ. Затѣмъ слѣдуетъ заклинательная формула: какъ нельзя достать ключей отъ престола Господня или отъ щуки, такъ бы не нападали на заклинателя и его скотъ скорби, болѣзни, нечистая сила, злые люди и звѣри. Этимъ объясняется обычай замыкать замокъ при заклинаніяхъ и бросать ключъ въ воду.

Желѣзный тынъ знаменуетъ собою небо, которое, по представленію язычниковъ, имѣло видъ крышки, покрывающей землю. Крышка эта сдѣлана изъ желѣза и опускается въ море-

океанъ, окружающій землю (огненная рѣка). Небо, по народнымъ преданіямъ, имѣетъ ворота, которыя ежедневно отпираетъ утренняя заря для проѣзда бога солнца, а вечеромъ запираетъ ихъ въ замокъ вечерняя звѣзда. Отсюда выраженіе „будьте мои слова замкомъ замкнуты, ключемъ заперты“, или „будьте тверды, какъ ключи подземельные“ означаетъ желаніе, чтобы слова заклинателя были такъ сильны и тверды, какъ замкнутое на замокъ небо.

Ефименко.

Главнѣйшіе періоды въ историческомъ развитіи пословицы.

Вмѣстѣ съ образованіемъ грамматическихъ формъ происхожденіе пословицы восходитъ ко временамъ доисторическимъ. И какъ языкъ отъ древнѣйшей эпохи, по преданію, переходитъ изъ рода въ родъ, сохраняя и до нашихъ временъ свои существенныя свойства въ устахъ народа, такъ и пословица, составившаяся при чуждыхъ нашимъ временамъ обстоятельствахъ давно угасшей жизни, по преданію же, доходитъ и до насъ въ народной рѣчи. Между такой древнѣйшею, доисторическою притчею и пословицами позднѣйшими, занимаютъ мѣсто собственно историческія, пріуроченныя къ какому нибудь историческому факту, лицу или учрежденію. Къ этимъ послѣднимъ пословицамъ должно отнести цѣлый рядъ народныхъ реченій, начиная отъ Несторовыхъ притчей о Родни, Волчьемъ хвостѣ, и до позднѣйшихъ намековъ на событія и лица даже нашего столѣтія, пословицы о татарахъ, каковы напр. „Постой, татаринъ! дай саблю вынуть“, о бѣлой дани, напр. „будто бѣлую дань платитъ“, о мѣстничествѣ, напр. „по имени тебѣ можно мѣсто дать, по отечеству можно пожаловать“, и мн. друг. Однако, сколько бы ни набралось такихъ историческихъ пословицъ, безъ сомнѣнія, драгоцѣнныхъ и для историка, и для лингвиста: все-таки далеко не исчерпается ими все богатство народныхъ реченій, изъ которыхъ однѣ, именно позднѣйшей эпохи, кажутся намъ ясными и примѣнительными къ современному быту; другія же, формаціи доисторической, неопредѣленны, исполнены намековъ на отжившую старину, о которой сама исторія немного сохранила преданій. Эти два періода въ историческомъ развитіи пословицъ отдѣляются другъ отъ друга распространеніемъ въ народѣ свѣта

христіанскихъ идей; потому пословицы перваго отдѣла носятъ на себѣ характеръ миѳическій, втораго — христіанскій. Пословица миѳическаго содержанія хотя и могла сохраниться въ употребленіи и до позднѣйшаго времени, но утратила свое настоящее, собственное значеніе, удержавъ за собою только смыслъ переносный. Такъ напр., кто скажетъ теперь пословицу: „Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ", — тому уже никакъ не можетъ придти въ голову, что солнце есть особенное существо изъ породы божествъ и притомъ именно богиня, на которую первоначально и намекаетъ эта пословица. Напротивъ того пословицы періода христіанскаго, и вообще всѣ тѣ реченія, которыя составились при обстоятельствахъ жизни, не чуждыхъ и теперешнему образу мыслей, — столь же понятны въ ихъ прямомъ, первоначальномъ значеніи, какъ и въ переносномъ. Пословицъ періода миѳическаго гораздо больше, нежели сколько думаютъ тѣ, которые видятъ въ пословицѣ только одно позднѣйшее ея примѣненіе въ переносномъ смыслѣ, полагая, что первоначальный ея составъ произошелъ случайно, даже безсмысленно. Такова, напр., пословица „врагъ силенъ, залѣзетъ и въ свиней". Въ этомъ отношеніи судьба пословицъ та же, что и самого языка. Мы употребляемъ слова: *богатый*, *святой*, *лекарь*, *лебедь* и др., вовсе не зная и не предполагая, какой имѣли они смыслъ первоначально въ эпоху миѳическую. Есть впрочемъ въ нѣкоторыхъ пословицахъ ясные намеки на переходъ ихъ изъ періода миѳическаго въ христіанскій. Сюда относятся тѣ, въ которыхъ миѳическое божество или замѣняется словами врагъ, бѣсъ, чортъ, или же намѣренно унижается, какъ напр.: „взялъ боженьку за ноженьку да и о полъ".

Изученіе областныхъ нарѣчій и тщательное собраніе и изданіе пословицъ и поговорокъ по областямъ многое объяснятъ въ нашей старинѣ, и особенно относящееся къ періоду миѳическому. Для примѣра возьмемъ слово *сшибокъ*; въ Вологодской, Ярославской и другихъ губерніяхъ ходитъ оно въ значеніи пира. Но одна пословица, употреблявшаяся въ Тульской губерніи, еще точнѣе опредѣляетъ его значеніе: пиръ собственно погребальный, поминки. Вотъ эта пословица: „по дѣдѣ сшибокъ, а по обѣдѣ шипокъ". Самое слово сшибокъ, предполагая глаголъ *сшибать*, *сшибаться*, указываетъ на его первоначальный смыслъ борьбы, боя, согласно съ словомъ

тризна, имѣющее значеніе и поминокъ, и подвига, игры, битвы, какъ объясняютъ это слово Азбуковники и Павла Берында. Такимъ образомъ память о древнѣйшей тризнѣ отъ временъ Ольги до позднѣйшихъ временъ сохранилась, какъ въ провинціальномъ словѣ сшибокъ, такъ и въ соотвѣтствующей этому слову миѳической пословицѣ.

Буслаевъ.

—

Миѳологическое и эпическое значеніе пословицы.

Было время, когда пословица, создаваясь въ устахъ народа вмѣстѣ съ миѳомъ и сказаніемъ, имѣла значеніе болѣе обширное и важнѣйшее, нежели теперь. Независимое отъ личнаго произвола, ея происхожденіе видно уже изъ общаго признанія того, что она сущая правда, никогда неизмѣнная. Однообразное теченіе — не внѣшнихъ событій, а нравственнаго быта эпической старины — постоянно возводило свое начало къ темной старинѣ. Въ эту эпоху всякій вымыселъ, всякая новая мысль могли получить право гражданства не какъ новость, но какъ припоминаніе утраченнаго преданія: какъ уясненіе и развитіе того, что отчасти было давно всѣмъ и каждому извѣстно. Слово, какъ вѣрнѣйшее хранилище преданія, по преимуществу должно было господствовать надъ всѣми жизненными интересами эпическаго періода. Конечно, не всякая рѣчь, имѣющая предметомъ насущныя потребности, могла остановить на себѣ вниманіе, какъ нѣчто самостоятельное, достойное разсужденія и преданія: вмѣстѣ съ текущимъ днемъ такая рѣчь навсегда исчезла изъ памяти народа, не покинувъ по себѣ никакого слѣда; потому что даже во время своего минутнаго существованія она, ни въ чьемъ сознаніи, не могла отдѣлиться отъ преходящей потребности, ею выраженной; не могла выступить, какъ разумное проявленіе дара слова. Слово, какъ выраженіе разумной силы, уже въ отдаленную эпоху отдѣлилось отъ ежедневной рѣчи и мимолетнаго разговора, отличивъ себя мѣрнымъ и стихотворнымъ ладомъ и принявъ черезъ то постоянную, никогда не измѣняемую личнымъ произволомъ форму. Въ такомъ словѣ народъ впервые сознавалъ свое духовное бытіе, и понятіе о мысли соединилъ въ неразрѣшимомъ единствѣ съ члено-раздѣльными звуками; потому-то и почиталъ

нилъ его высоко, и не какъ внѣшнее только выраженіе душевныхъ интересовъ, но какъ самую душу свою, какъ всѣ умственныя и нравственныя убѣжденія, силою дара своего пришедшія въ видимость. Уваженіе къ этому высокому дару, которымъ Творецъ отличилъ человѣка отъ прочихъ твореній, было тѣмъ сильнѣе, что въ словѣ народъ видѣлъ не произвольную мысль отдѣльныхъ лицъ, тотчасъ же зародившуюся и на глазахъ же погибшую, а значительность цѣлыхъ поколѣній, никому невѣдомо, когда и какъ образовавшуюся. Самая неизвѣстность доисторическаго происхожденія языка достаточно уже подавала народу поводъ видѣть въ словѣ нѣчто господствующее надъ живыми, нарождающимися поколѣніями, смѣняющими другъ друга въ теченіе вѣковъ; тогда какъ основной строй языка въ своихъ обычныхъ изреченіяхъ, пѣсняхъ и сказкахъ, поговоркахъ и заклятіяхъ, единство простирало свое господство надъ всѣми поколѣніями. Пословица, вмѣстѣ съ загадкою, заклятіемъ, наговоромъ, судебнымъ и всякимъ другимъ многозначительнымъ изреченіемъ, составляетъ часть того всеобъемлющаго и прекраснаго слова, которому соотвѣтствуетъ греческое названіе эпосъ, по преимуществу выражающее самое полное его проявленіе въ миѳологическихъ преданіяхъ о богахъ и животныхъ.

Будучи голосомъ преданія, идущаго отъ временъ темныхъ, эпическая поэзія, какъ для пѣвца, такъ и для слушателей, казалась произведеніемъ, стоящимъ внѣ произвола личнаго. Въ періодъ миѳическій первые проблески своей духовной силы человѣкъ признавалъ за выраженія въ самомъ себѣ какихъ-то постороннихъ, стихійныхъ, и именно вещественныхъ силъ.

Потому, если замѣчивалъ странныя проявленія своей души въ глазахъ, въ бровяхъ, даже въ пальцахъ, то тѣмъ болѣе обаятельную силу должна была оказывать на него живая рѣчь, въ которой высказывается душа во всей ея полнотѣ. По миѳическимъ представленіямъ слово вылетаетъ изъ за городьбы зубовъ, какъ птичка: потому Гомеръ говоритъ крылатое слово; или же оно летитъ, какъ рѣка: потому рѣчь и рѣка происходятъ отъ одного общаго корня *ри* или *рѣ*, гр. ῥέω; или же свищетъ и блистаетъ оно, какъ стихія свѣтлая, воздушная: потому наше *баять* имѣетъ при себѣ въ прочихъ языкахъ индоевропейскихъ родственныя слова съ значеніемъ свѣта: санскр. bhâ, греч. φάω, φαίνω. Но еще яснѣе санскритъ въ од-

номъ корнѣ соединяетъ понятія о словѣ, о рѣкѣ или водѣ, и о свѣтѣ: именно *над* говорить и свѣтить, откуда существительное *нада* — рѣка.

Какъ отдѣльный членъ эпическаго преданія, пословица заимствовала свою обязательную для всѣхъ силу отъ старины, откуда ведетъ она свое происхожденіе. Какъ въ заклятіяхъ и наговорахъ слово будто бы могло насылать и лѣчить болѣзни, причинять и удалять бѣды и напасти: такъ въ пословицѣ являлось оно не только окончательнымъ рѣшеніемъ здраваго смысла: „пословица всѣмъ дѣламъ порѣшница“, но и таинственнымъ изреченіемъ самаго рока. Въ пользу эпическаго характера пословицы надо привести то обстоятельство, что встарину захватывала она въ свой объемъ и прочіе члены эпическаго преданія, каковы примѣта, врачебное наставленіе, загадка и проч.

Буслаевъ.

— -

Загадки и пословицы.

Памятники народнаго творчества находятся между собой въ тѣсной, неразрывной связи. Они уясняютъ намъ отношенія народа къ природѣ и собственной жизни, важны не только для этнографа, но и для историка. Находя неумѣстнымъ распространяться о значеніи обширнаго отдѣла сказокъ и пѣсенъ, ограничимся проведеніемъ небольшой параллели между краткими ходячими изреченіями — каковы загадки и пословицы. Въ первыхъ отразились взгляды народа на природу и окружающую обстановку; въ послѣднихъ — вся житейская мудрость и нравственная личность простолюдина.

Въ загадкѣ, болѣе древней по формѣ и происхожденію, открылся полный просторъ для творческой фантазіи народа; въ пословицѣ — для его здраваго смысла и критики. На загадки всегда вліяла окружающая обстановка, для распространенія многихъ изъ нихъ существовали географическія, рѣзко очерченныя границы; на пословицы вліяла людская среда, въ нихъ всегда сквозила личность, характеръ сказавшаго. Возьмите для примѣра старыя пословицы новгородцевъ и москвичей, и вы найдете между ними значительную, мѣстами рѣзкую разницу.

Неодинаковыя условія вызвали въ одномъ случаѣ иную обстановку, въ другомъ — иную среду. Загадка про кедръ могла сложиться исключительно тамъ, гдѣ онъ ростъ; изреченія, полныя свободолюбія или приниженности, лишь тамъ, гдѣ эти качества вошли въ характеръ сложившаго ихъ народа.

Происхожденіе загадки относится къ темной древности, къ тому времени, когда человѣкъ глядѣлъ на природу, какъ на что-то живое, когда явленія ея были для него подавляющей, страшной тайной. Олицетворяя ихъ, дикарь первобытныхъ временъ создалъ свой образный миѳъ, и многія изъ загадокъ носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ этой миѳической давности. По мѣрѣ того, какъ борьба человѣка съ природой подвигалась впередъ, загадка, бывшая прежде хранительницей вѣрованій, постепенно утрачивала свое важное значеніе, стала удовлетворять одной народной любознательности. Осталась ея иносказательная, аллегорическая форма, уцѣлѣлъ образный сильный языкъ, но прежній смыслъ затерялся. Народъ сталъ смотрѣть на загадку, какъ на праздное упражненіе ума и предоставилъ ее почти исключительно дѣтямъ, существамъ, только еще раскрывающимъ глаза на окружающій міръ. Благодаря этому, образованіе загадокъ пошло новымъ путемъ.

Кругъ ихъ замѣтно расширялся по мѣрѣ того, какъ увеличивался кругозоръ самого народа. Накопленіе чувственныхъ и умственныхъ впечатлѣній отражалось въ непрерывающемся творчествѣ. При поверхностномъ взглядѣ на народныя загадки, можно различить ихъ главнѣйшія наслоенія, самый порядокъ отложенія послѣднихъ. Древнѣйшія, каковы загадки о небесныхъ свѣтилахъ и явленіяхъ природы, носятъ на себѣ ясные слѣды охотничьяго и пастушескаго быта, когда дикарь-человѣкъ почти не зналъ жилища и обстановки, весь завися отъ природы той мѣстности, на которой ловилъ звѣря и пасъ стада. Слѣдующее наслоеніе представляютъ загадки быта осѣдлаго, земледѣльческаго. Теплое жилье, хозяйство и орудія земледѣлія, большое общеніе съ подобными себѣ вызвало новыя формы иносказательныхъ представленій, опредѣленія одного предмета другимъ по какому-нибудь сходному признаку. Христіанство и грамота отложили одно изъ послѣднихъ наслоеній; [illegible] и [illegible] также свою дань. Взглядъ на большинство загадокъ, сложившихся у нашего народа, какъ на

пустое упражненіе въ словѣ, не стоящее вниманія, передается по наслѣдству и образованному классу. Загадки собирали и записывали сравнительно въ небольшомъ количествѣ, что нельзя было объяснить какими-нибудь особенными трудностями ихъ собиранія. Напротивъ, загадку можно вызвать по желанію, какъ сказку и всякое другое эпическое произведеніе; это не то, что пословица, говорящаяся къ слову, за которой надо слѣдить въ разговорѣ. Понятно, что никто не станетъ высказывать внутреннихъ убѣжденій безъ всякаго повода: душа человѣка не открыта первому встрѣчному, и для отысканія новой пословицы надо разговориться съ простымъ человѣкомъ; загадку же скажетъ всякій знающій, каждый ребенокъ; стоитъ лишь заговорить, возбудить любознательность, которая направлена, какъ извѣстно, въ ранніе годы больше на конкретныя понятія, какъ болѣе доступныя; въ зрѣлые — на понятія отвлеченныя.

Садовниковъ.

Погребальныя почести въ сознаніи индо-европейскихъ народовъ.

Для чувства человѣка естественно стремленіе полагать границу между царствомъ жизни и смерти; обезображенная смертію распадающаяся плоть требуетъ немедленнаго исключенія изъ среды живыхъ людей, но человѣческій родъ, по прекрасному замѣчанію Я. Гримма, отрекся бы отъ своей собственной природы, если бы это право живыхъ не смягчалось послѣднимъ правомъ мертвыхъ на честь и заслугу, необходимую для того, чтобы она могла перейти и водвориться въ вѣчномъ жилищѣ и тамъ продолжать свое существованіе. Забота отдать этотъ долгъ родному или собрату, покончившему расчеты съ жизнію, *сомкнуть очи, закрыть глаза*, какъ забота нравственно естественная, всегда была священною нравственною обязанностію человѣка; только самые грубые народы, преданные лишь животнымъ инстинктамъ и потребностямъ, пренебрегаютъ или не знаютъ этой повинности, оставляя своихъ покойниковъ на произволъ судьбы; у всѣхъ же другихъ племенъ, имѣющихъ залоги исторической будущности, погребальная почесть искони была предметомъ высокаго нравственнаго и религіоз-

ваго долга: въ произведеніяхъ народной словесности вездѣ проходитъ тоскливое чувство жалости и состраданія о человѣкѣ, лишенномъ погребальной чести: народная пѣсня не знаетъ болѣе страшнаго проклятія, какъ — *чтобы человѣкъ не имѣлъ гроба*, чтобы земля его не приняла; народная повѣсть съ любовію и сочувствіемъ останавливается на лицахъ, которыя не пренебрегли этою священною повинностію: она награждаетъ ихъ долгою и счастливою жизнію... И обычай, и законодательства освятили послѣднее право мертвыхъ на погребальную почесть. Въ Спартѣ каждый обязанъ былъ, найдя мертвое тѣло, похоронить его или, по крайней мѣрѣ, посыпать пепломъ; равнымъ образомъ и въ Аѳинахъ законъ предписывалъ похоронить трупъ, если онъ встрѣтится на дорогѣ, или за недосугомъ хотя посыпать его прахомъ. Законъ этотъ былъ общеэллинскимъ, онъ одинаково распространялся и на гражданина, и на чужеземца. Въ погребальной почести не отказывали даже врагу: дѣло благочестія стояло выше земныхъ страстей и ненавистей; оттого самымъ страшнымъ наказаніемъ въ классическомъ мірѣ было лишеніе погребенія; такъ карались только предатели отчизны, святотатцы, самоубійцы и должники. Лишаясь могилы и погребальной почести, человѣкъ, по понятіямъ древности, какъ бы лишался будущей жизни и подлежалъ вѣчному наказанію: душа его обрекалась на всегдашнее мятежное, безпріютное блужданіе; она, не отдавшая землѣ земного, не могла войти въ жилище усопшихъ и пріобщиться къ сонму милыхъ родственныхъ тѣней. Такъ муки собственной живой души, страдавшей при мысли о возможности лишиться священнаго обряда погребенія, человѣкъ переноситъ на своихъ усопшихъ. Нося въ груди такое вѣрованіе, онъ менѣе всего могъ быть равнодушенъ въ своихъ отношеніяхъ къ усопшимъ; понятно, почему и боги, и общественное мнѣніе преслѣдовали того, кто нарушалъ этотъ святой законъ или же пренебрегалъ имъ. Ничто такъ живо не даетъ чувствовать намъ высокаго значенія погребальной почести въ античномъ мірѣ, какъ художественнѣйшее произведеніе Софокловой музы „Антигона“, гдѣ неразумный отказъ въ погребеніи царскому сыну встрѣчаетъ и мужественный протестъ родственнаго чувства сестры умершаго, жертвующей жизнью за исполненіе своего святаго долга, и справедливую кару боговъ за презрѣніе ихъ „законовъ вѣчныхъ и незыблемыхъ“.

То же сознаніе высокаго значенія погребальной почести, то же чувство нравственнаго долга живыхъ относительно мертвецовъ мы находимъ и у прочихъ племенъ индо-европейскаго корня: одинъ видъ часто величественныхъ и погребальныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ по Европѣ и уцѣлѣвшихъ вопреки урагану тысячелѣтій, краснорѣчиво говоритъ о глубокомъ религіозномъ почтеніи, съ какимъ провожали эти народы своихъ, отходившихъ на покой, отцовъ и праотцевъ: оттого такимъ ореоломъ святости окружаются мѣста, гдѣ почіетъ дорогой прахъ опочившихъ предковъ: это величайшая святыня, не терпящая оскорбленія. „У насъ есть могилы отцевъ — говорили скиѳы посламъ Дарія — отважьтесь ихъ потревожить, тогда узнаете, будемъ ли мы сражаться за нихъ, или нѣтъ". Если такое религіозное почтеніе къ праху и могиламъ праотцевъ у народа кочевого, то у племенъ осѣдлыхъ оно идетъ еще глубже, является еще необходимѣе; для нихъ родная земля не только мѣсто, гдѣ человѣкъ родился и взросъ, но и гдѣ покоится прахъ его предковъ, гдѣ видны ихъ могилы: онѣ — покровители, стражи и свидѣтели родовой недвижимой собственности, по нимъ опредѣляются границы ея, рѣшаются возникающіе вопросы; онѣ, наконецъ, составляютъ общую святыню родственныхъ семей, которая, питая затемняемое годами сознаніе родственной связи, скрѣпляетъ ихъ въ тѣсный союзъ на общія предпріятія, одушевленныя унаслѣдованными отъ праотцевъ чувствами и стремленіями.

Котляревскій.

Значеніе похоронныхъ причитаній русскаго народа.

Похоронныя причитанія суть непосредственныя изліянія тѣхъ думъ и ощущеній, какія вызываются въ человѣкѣ потерею родныхъ и близкихъ сердцу. Уже одно то, что они суть отголоски сердечныхъ движеній, что они въ одно и то же время и творятся, и поются, что они сколько связаны съ состояніями духа, столько же опираются на внѣшней дѣйствительности, ручается за ихъ цѣнность для внутренней исторіи народовъ, для ихъ вѣрованій и быта, для ихъ языка и искусства. Если въ былинахъ, пѣсняхъ, побывальщинахъ и даже сказкахъ вызнается душа народа, то въ надгробныхъ и надмогильныхъ плачахъ еще скорѣе можетъ сказаться та правда, которой

нѣтъ въ дѣловыхъ актахъ, договорахъ и хроникахъ. Едва ли кто останется равнодушнымъ къ тому, что самъ народъ въ минуты горести повѣдаетъ самому себѣ и для себя, что разсказываетъ онъ о своемъ житьѣ — бытьѣ родному мертвецу, колодѣ бѣлодубовой и матушкѣ сырой землѣ..

При должномъ вниманіи къ народнымъ плачамъ нельзя не замѣтить, что въ нихъ отражаются слѣды вѣрованій разныхъ доисторическихъ эпохъ относительно духовнаго быта, смерти и посмертнаго существованія; въ народномъ сознаніи сталкивались и пересѣкались разныя міросозерцанія, образовались цѣлыя религіозныя наслоенія, которыя въ свою очередь не совсѣмъ вытѣснены ученіемъ христіанскимъ...

Со стороны бытовой и народныхъ нравовъ наши плачи рѣзко отличаются не только отъ плачей кореньканскихъ, но даже славянскихъ. Не чувствомъ мести и негодованія, какъ кореньканскіе, не духомъ воинственной храбрости, какъ сербскіе, дышутъ наши погребальные вопли: въ нихъ слышатся мирные, земскіе люди, которые борются только съ сѣверною природой за свое существованіе; и эта-то суровая, неблагодарная природа заставляетъ ихъ оплакивать въ умершемъ прежде всего потерю рабочей силы, безъ которой такъ бѣдственно положеніе оставшейся семьи.

Здѣсь вы постоянно встрѣчаетесь „съ темными лѣсами дремучими", съ высокими „горами — толкучими", „съ дикими болотами и мхами зыбучими", „съ Свирью — рѣкою свирѣпою", „съ малыми — круглыми озерышками", „съ островами незнакомыми и берегами небывалыми", „съ Онегушкомъ великимъ и Ладожскимъ сердитымъ". Предъ вами мелькаютъ „деревья шатучія, суховерхія, рощицы еловыя, горькія осинушки, кудрявыя березыньки, ракитовые кустики, малиновые прутики"; а въ нихъ витаютъ — „змѣи клевучіи и звѣри съѣдучіе"; чаще всего вы встрѣчаете „заюшка загнанаго, горностаюшка увилаго, сѣраго волка и звѣря (медвѣдя)"; много бываетъ здѣсь птицъ незнаемыхъ: изрѣдка залетаетъ сюда соловей — „птица свистучая", но чаще слышится „кокоша горегорькая"; есть птицы привѣтливыя и догадливыя: „соколочикъ златокрылевькой, орелъ — птица говорящая, косатая ластушка и бѣлая лебедушка"; но больше здѣсь птицъ хищныхъ и жалкихъ: „черный воронъ, гуси заблудящіе, сорока поскакучая, воронина полетучая и бѣлка упадь во темномъ лѣсу". Буйные

вѣтры господствуютъ здѣсь: подымается „падара — погода непомѣрная“, огромныя деревья вырываетъ съ корнемъ, горы даютъ трещины, въ морѣ вода мѣшается съ пескомъ.

Понятно, какую борьбу долженъ вести сѣверный человѣкъ съ такой угрюмой, бурной и непостоянной природой: не даромъ рабочая пора въ плачахъ называется „страдой или страднымъ временемъ“: для того только, чтобы поддерживать здѣсь свое существованіе, нужно имѣть „силу звѣриную, потяги надо держать лошадиные“.

Е. Барсовъ.

Воззрѣнія славянъ-язычниковъ на душу и ея загробное существованіе.

Множество древнихъ миѳовъ свидѣтельствуютъ, что въ ежедневномъ движеніи солнца первобытный человѣкъ видѣлъ цѣлую жизнь живого существа, подобіе своей собственной: оно *родилось*, быстро становилось *юношей*, затѣмъ — *мужемъ*, исполненнымъ силъ, постепенно *старѣло*, наконецъ — *умирало*. Во время своей жизни великое свѣтило дня согрѣвало міръ живительной теплотой, одушевляло его дѣятельностью и трудомъ, весельемъ и радостью; умирая, оно погружало природу въ мертвенность, мракъ и холодъ. Переводя такія воззрѣнія въ собственную жизнь, человѣкъ-младенецъ выразилъ ихъ рядомъ подражаній тѣмъ явленіямъ и картинамъ природы, которыми сопровождалось жизненное теченіе свѣтила. Представимъ теперь явленіе солнечнаго заката, или смерти солнца, вообразимъ природу, среди которой совершалось это величественное, поражающее зрѣлище, и мы будемъ имѣть первообразы, съ которыхъ юныя племена сняли обыкновеніе погребать своихъ мертвецовъ: у племенъ приморскихъ *солнце*, окончивъ жизненный путь свой, *сгорало и погружалось въ море*; у жителей равнинъ и горъ — *оно сожигалось и уходило въ землю или за горы*. То мѣсто на далекомъ западѣ, гдѣ скрылось оно, представлялось человѣку обителью, которая ожидаетъ его самого послѣ смерти, куда прежде отошли его отцы, гдѣ они наслаждаются новою жизнью... и вотъ онъ хочетъ помочь своимъ близкимъ усопшимъ переселиться въ это жилище и избираетъ тѣ же пути и способы, какъ и великое небесное существо: онъ отправляетъ ихъ въ страну блаженства въ ладьѣ, кото

рую иногда *сжигаетъ и опускаетъ въ открытое море; онъ сожигаетъ* ихъ и опускаетъ прахъ ихъ въ *землю* или въ *земляную гору*.

Такъ, нужно полагать, возникли важнѣйшіе способы погребальной языческой почести: отправленіе мертвеца на ладьѣ въ открытое море, сожженіе и похороны праха.

Была, конечно, нѣкоторая историческая послѣдовательность въ появленіи погребальныхъ обычаевъ, но все, что можно сказать относительно историческаго движенія ихъ, это фактъ старшинства погребенія мертвецовъ въ землѣ. Вѣрованіе, что покойникъ продолжалъ жизнь въ могилѣ, существовало уже въ глубокой древности: душу не отдѣляли отъ тѣла и, предавая погребенію мертвеца, думали, что онъ живетъ, имѣетъ такія же нужды и потребности, какъ и въ земной жизни.

Можно полагать, что въ жизни арійскихъ племенъ имѣлъ мѣсто и обычай отправленія мертвеца на ладьѣ въ море.

Несомнѣнно, что въ арійскую эпоху существовалъ и обычай сожженія тѣлъ. Сожженіе усопшихъ тѣмъ легче могло войти въ жизнь и стать обычаемъ, что народъ соединялъ съ понятіемъ огня смыслъ священнаго элемента, посредника между небомъ и землею, а душу представлялъ какъ воплощеніе небеснаго огня. Далѣе, самый образъ жизни молодого арійскаго племени не мало способствовалъ такому обычаю: оно, быть можетъ, начинало уже свое великое кочевое движеніе, осѣдлость уступала мѣсто роковымъ стремленіямъ на западъ: а при неосѣдлой жизни умѣстнѣе было сожженіе, чѣмъ погребеніе въ собственномъ смыслѣ. Погребальный обычай сожженія, снятый съ природнаго явленія огненной смерти солнца, распространился не въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, но обставился частностями старшаго погребальнаго порядка и такимъ образомъ очутился среди противорѣчій: съ покойникомъ сожигалась и его собственность, хотя совсѣмъ не трудно было понять, что послѣ такого обряда мертвецъ уже не воспользуется ею; остатки сожженныхъ предметовъ полагались вмѣстѣ съ прахомъ въ могилу, мертвецу приносились покормы, хотя душа отрѣшалась огнемъ отъ плоти и не нуждалась въ матеріальныхъ потребностяхъ. Однимъ словомъ, въ этой области народнаго благочестія, куда ни взглянемъ мы, насъ отовсюду окружаетъ противорѣчія младенческой жизни.

Сравнивая славянскія воззрѣнія на существо души и образы

посмертнаго ея существованія съ тѣмъ, что отмѣчено нами въ первое время общеплеменной арійской жизни, мы не увидимъ ни коренныхъ различій, ни слѣдовъ замѣтнаго поступательнаго движенія: только немногія частныя черты представленій указываютъ, что измѣняющая сила времени и жизненныхъ условій не оставалась праздною, что кое-гдѣ работала и мысль человѣка, пополняя или отвергая искони вѣка шедшія воззрѣнія, но общимъ основаніемъ все же служила праотеческая старина, переходившая по наслѣдству черезъ тысячи поколѣній.

И для язычника-славянина понятія жизни и смерти опредѣлялись видимой природой въ ея ежедневныхъ и годовыхъ измѣненіяхъ. Какъ природа начинаетъ ежедневную жизнь свою утромъ и оканчиваетъ вечеромъ, одѣваясь сумрачнымъ покоемъ, какъ она весною расцвѣтаетъ для жизни и постепенно, съ приближеніемъ зимы, теряетъ силы и погружается въ сонъ и холодъ, такъ и жизнь человѣка, по славянскимъ понятіямъ, имѣетъ свое утро и свой вечеръ и ночь, свою красную весну и свою черную зиму: при рожденіи возжигается свѣтильникъ жизни, со смертію онъ погасаетъ, и человѣкъ отходитъ въ область черной ночи, засыпая въ ней; но какъ природа, умирая, не уничтожается, но только облекается холоднымъ мракомъ и покоемъ, такъ и человѣкъ не гибнетъ, но только отходитъ на покой, засыпаетъ сномъ.

Понятіе о матеріальномъ существѣ души человѣка условливаетъ необходимость другого понятія — о загробномъ ея существованіи, и у славянъ-язычниковъ оно выражалось съ тѣмъ разнообразіемъ и съ тѣми же противорѣчіями, какъ и у ихъ арійскихъ праотцевъ: вѣря, что покойникъ продолжаетъ жизнь въ гробѣ, они тѣмъ не менѣе отдѣляли существованіе души отъ тѣла и назначали особую область для ея пребыванія и дѣйствія.

Слѣды древней вѣры въ матеріальную жизнь мертвецовъ ясно видны изъ многихъ произведеній славянской народной поэзіи: отвѣчая на призывы родственнаго чувства или необходимости, усопшіе часто прерываютъ свой могильный сонъ и выходятъ изъ жилищъ или подаютъ свой голосъ, чтобы попросить живыхъ о какой-либо услугѣ и дать имъ наставленіе: на такомъ вѣрованіи основанъ обычай вызыванія душъ усопшихъ, обычай естественно вытекавшій изъ сознанія не-

прерывной связи между поколѣніемъ живущихъ и сонмомъ усопшихъ. Могила — жилище усопшаго, но мрачное и безотрадное: сырая земля и камень налегли на сердце, руки и ноги замерли, глаза сомкнулись — вотъ образы, какими обыкновенно рисуетъ мертвецъ свою жизнь въ отвѣтъ на земные призывы: онъ не можетъ подняться и принять участіе въ горѣ или радостяхъ своихъ близкихъ.

Рядомъ съ этимъ первобытнымъ и грубымъ представленіемъ было и другое, по которому душа, существо воздушное, вѣтеръ, птица или огонь, оставляетъ тѣло и отлетаетъ въ воздушную область. Эпическій мотивъ души, которая *порхаетъ по деревьямъ* — въ древности могъ имѣть болѣе широкій смыслъ пребыванія души въ сферѣ воздушной, на *небесныхъ деревьяхъ* (облакахъ); народныя повѣрья представляютъ новорожденныхъ младенцевъ сидящими на деревьяхъ; на вѣтвяхъ играютъ и мавки-русалки, которыя первоначально были облачными олицетвореніями душъ усопшихъ, впослѣдствіи же получили значеніе рѣчныхъ и лѣсныхъ существъ. Понимая облака, какъ *небесныя горы*, фантазія помѣщала въ нихъ и души усопшихъ: въ горы уходятъ и богатыри русскіе при своей погибели. Вообще въ поэтическихъ преданіяхъ славянскаго язычества почти нѣтъ такихъ образовъ, которые, олицетворяя явленія воздушной природы, не связывались бы съ представленіями душъ усопшихъ: онѣ воплощаются въ различные образы ея и дѣйствуютъ какъ элементарные духи огня, вѣтра, тучъ и т. д.

Но какъ разнообразіе природной жизни отражалось въ умѣ и фантазіи человѣка-младенца измѣнчивымъ разнообразіемъ представленій, такъ и судьба міра усопшихъ и мѣсто ихъ пребыванія не имѣли въ его понятіяхъ строго опредѣленнаго, установившагося характера. Страна усопшихъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ носитъ названія: *рай, навь и пекло*. Слова эти, кажется, обозначали въ старѣйшемъ язычествѣ одинъ и тотъ же предметъ, или вѣрнѣе — различные образы, въ какихъ подземная облачная страна усопшихъ представлялась живой фантазіи язычника славянина; опредѣляемые послѣднею, образы эти не имѣли твердости религіознаго догмата.

При нетвердости понятій о загробномъ мірѣ, языческіе славяне не могли имѣть и опредѣленной мысли о возмездіи. Правда, чувства родственной любви и уваженіе предъ добромъ населяли рай сонмомъ блаженныхъ, отвращеніе ко злу и пороку — усоп-

вало муки людямъ злымъ и врагамъ; но и добродѣтельные той страны могли терпѣть нужды и горести; и злые, и рабы могли быть въ раю, хотя бы только предназначенные на служеніе блаженнымъ отцамъ. Вообще понятіе языческихъ славянъ о жизни въ загробномъ мірѣ было отраженіемъ земного быта и его условій: какъ здѣсь одни были свободны отъ тягостей и заботъ, другіе были рабами, такъ и въ жизни посмертной. Въ періодъ юности народовъ понятіе добра опредѣляется отношеніями родственными или племенными и не выходитъ за черту ихъ; потому и въ томъ мірѣ, по понятіямъ языческихъ славянъ, враги и чужіе были рабами, или вовсе исключались изъ блаженной жизни; подвигъ не цѣнился во врагѣ или въ рабѣ: какъ врагъ онъ велъ злую жизнь и терпѣлъ муки за гробомъ, какъ рабъ — онъ оставался рабомъ. Языческіе славяне были совершенно чужды понятія о загробной наградѣ за земныя горести и страданія: язычникъ уносилъ съ собой въ могилу твердую вѣру о продолженіи матеріальной жизни, именно той, которую онъ оставлялъ на землѣ; а какъ нужды были всегда удѣломъ человѣчества, то и загробная жизнь представлялась несвободною отъ нихъ, и притомъ не въ равной степени несвободною: ибо одни имѣли достатокъ и слугъ, другіе ихъ не имѣли; наконецъ, третьи сами несли рабскую повинность. Нуждамъ усопшихъ помогало благочестивое чувство живыхъ: оно начинало свою благотворительность у постели больного и продолжало ее до той поры, пока, по вѣчному закону природы, и само потребовало посмертной услуги.

Страна отцовъ отдѣлена отъ міра живыхъ воздушнымъ моремъ; чтобы достигнуть новаго жилища, душа или должна идти по *мосту, небесной дорогѣ*, подъ которой славянскія повѣрья понимаютъ то радугу, то млечный путь, или переплыть по морю на ладьѣ. Судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ древности, у славянъ существовало представленіе о *проводникѣ душъ*, который сопровождаетъ ихъ на этомъ трудномъ пути и водворяетъ на мѣстѣ.

Котляревскій.

Погребальные обычаи языческихъ славянъ.

Первой заботой живыхъ въ отношеніи къ умирающему была забота облегчить смертную борьбу или разставаніе души съ тѣломъ, закрыть глаза ему; для этого въ нѣкоторыхъ мѣстно-

стяхъ Руси снимаютъ потолокъ надъ мертвецомъ: у болгаръ снимаютъ все, что виситъ на потолкѣ, сметаютъ пыль, паутину, какъ бы съ той мыслью, что, имѣя предъ собою открытое пространство, душа легче выйдетъ изъ тѣла. Почти у всѣхъ славянскихъ племенъ бытуетъ обычай облегчать предсмертную борьбу положенiемъ умирающаго на полъ, на землю или на солому, въ томъ убѣжденiи, что на постелѣ онъ не легко разстается съ душой, иногда же вовсе умереть не можетъ.

Какъ скоро человѣкъ скончался, немедленно отворяли окно, на которое иногда ставятъ чашку съ водою, чтобы душа могла умыться и улетѣть. Славянскiя преданiя вообще связываютъ существо души съ элементомъ воды: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руси обмываютъ умирающаго еще заживо, и даже думаютъ, что дѣлать это послѣ кончины грѣшно. Впрочемъ, душа не удаляется отъ тѣла до исполненiя погребальнаго обряда и даже возвращается въ домъ по его совершенiи, почему въ Галичинѣ на окно ставятъ кружку съ водой и хлѣбъ для покорма души. Породнивъ душу съ огнемъ, народная мысль выразила это и въ обычаѣ поставлять при усопшемъ свѣчу; у чеховъ и у галичанъ онъ продолжается донынѣ; въ другихъ мѣстахъ влагаютъ возженную свѣчу въ руки умершему.

Съ кончиной кого-нибудь, въ домѣ прекращается работа, чтобы не нарушить покоя усопшаго; потребности живыхъ уступаютъ мѣсто исполненiю долга къ усопшему: одни заботятся о томъ, чтобы *опрятать* его и снарядить въ *далекiй* путь, другiе идутъ возвѣстить событiе смерти тому округу, которому принадлежалъ покойникъ.

Опрятыванiе покойника имѣло цѣлью удовлетворить его загробныя потребности, которыя, по понятiямъ языческой старины, ни въ чемъ не отличались отъ потребностей земной жизни; вѣря, что мертвецъ продолжаетъ жизнь, люди снабжали его всѣмъ необходимымъ какъ для того, чтобъ онъ могъ безпрепятственно совершить далекiй путь и достигнуть страны отцовъ, такъ и для довольства существованiя, чтобы онъ не почувствовалъ нужды и лишенiй и имѣлъ все, что прiобрѣлъ своимъ трудомъ и чѣмъ владѣлъ въ земной жизни.

Какъ въ славянской древности совершалось опрятыванiе мертвеца, можно судить и по краткому извѣстiю Ибнъ-Фоцлана и по многимъ народнымъ обычаямъ. По смерти русскаго купца тѣло его вынесли изъ дому, опустили въ особую могилу съ кры

шею и занялись приготовленіями къ погребенію, шитьемъ платья и заботой о будущей женѣ покойника: всѣмъ этимъ распоряжалась особая старуха, главное лицо погребальнаго обряда. Очень много разнообразныхъ обычаевъ опрятыванія сохранилось въ современномъ бытѣ славянскихъ племенъ. Это дѣло кое-гдѣ и донынѣ состоитъ въ вѣдѣніи особой старухи: она умываетъ усопшаго, одѣваетъ его въ лучшую одежду и, у словинцевъ, сторожитъ его цѣлую ночь. Со всевозможною заботливостью снаряжаютъ простолюдины-славяне своего покойника; особенно наблюдается, чтобы онъ былъ снабженъ *платкомъ* и *монетою*; первый повязываютъ на шеѣ, или за поясомъ, вторую влагаютъ въ руку мертвеца, или завязываютъ въ тотъ же платокъ. При этомъ монета, очевидно, имѣетъ значеніе платы проводнику и перевозчику небесному, который переправляетъ душу черезъ великій потокъ или воздушное море; что же касается платка или полотенца, которое даютъ покойнику, то можно полагать, что и его назначеніе было не иное. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ какъ не полотномъ могъ заплатить покойникъ небесному перевозчику въ ту эпоху славянской жизни, когда еще не существовало монеты, какъ представителя цѣнности? Обычай перевозной платы наблюдается почти у всѣхъ славянскихъ племенъ, но у нѣкоторыхъ онъ выродился въ странное обыкновеніе закрывать деньгами глаза усопшаго; у другихъ монета бросается въ гробъ или могилу при самомъ погребеніи.

Опрятавъ мертвеца, его клали на лавку или усаживали на особомъ мѣстѣ. Затѣмъ присутствовавшіе, родные и близкіе покойника, начинаютъ обрядъ прощанія. Къ нему приготовляется хлѣбъ и вино, люди *пьютъ чашу на добрую дорогу* усопшему. Ибнъ-Фоцланъ говоритъ, что у русскихъ язычниковъ одна часть имущества назначалась именно на покупку напитка. Въ современномъ бытѣ поселянъ, почти у всѣхъ племенъ, вино, питье чаши составляетъ предметъ первой необходимости. Такую же важную роль имѣетъ въ погребальныхъ обычаяхъ и хлѣбъ. Обычай осыпать жилище и особенно мѣсто, гдѣ лежалъ мертвецъ, зерновымъ хлѣбомъ существуетъ у простолюдиновъ Червонной и Малой Руси: онъ имѣетъ, конечно, очистительное значеніе: жизнь (жито) возвращала силу тому, что осквернилось прикосновеніемъ смерти. Такимъ образомъ прощаются съ усопшимъ, желая ему счастливаго пути

Душа мертвеца, по понятіямъ славянскаго язычества, слѣдовала за тѣломъ. По вѣрованію болгаръ, душа, въ образѣ птички или бабочки, летитъ за тѣломъ до могилы и садится на ближайшее дерево, ожидая погребенія; по совершеніи его, она отправляется со своимъ проводникомъ въ далекій путь; мазуры также думаютъ, что до погребенія душа находится вблизи тѣла и даже бываетъ видима; за гробомъ она слѣдуетъ и улетаетъ по окончаніи обряда. На основаніи такого вѣрованія провожающіе мертвеца бросаютъ на встрѣчный перекрестокъ или границу пучекъ соломы, чтобы душа могла отдохнуть.

Отсюда становится яснымъ важное значеніе погребальнаго обряда у языческихъ славянъ: онъ былъ необходимъ, чтобы душа могла оставить землю и успокоиться; иначе она будетъ безпріютно блуждать и мстить людямъ за неисполненіе ихъ долга.

Изъ глубочайшей древности доносятся къ намъ глухіе отголоски, позволяющіе думать, что усопшихъ предковъ когда-то хоронили въ самомъ жилищѣ, подъ семейнымъ порогомъ, помостомъ или въ переднемъ углу избы; тамъ кое-гдѣ и теперь хоронятъ некрещенныхъ младенцевъ. Тамъ, по повѣрьямъ, живутъ домашніе пенаты-покровители, которыми становились души предковъ; примѣръ прочихъ народовъ какъ будто даетъ поддержку этой догадкѣ; ничего несогласнаго съ понятіями языческой жизни не имѣетъ она и сама по себѣ, ибо могилы родителей составляли домашнюю святыню, на которой основывалось благосостояніе дома.

Балтійскіе славяне и чехи въ эпоху язычества хоронили своихъ мертвецовъ по лѣсамъ и полямъ: по лѣсамъ — въ силу вообще священнаго значенія этого мѣста, по полямъ же — кажется, не безъ мысли, что предки будутъ оберегать владѣнія землевладѣльца. Этимъ понятіемъ можно объяснить и замѣченный нашимъ лѣтописцемъ русскій языческій обычай ставить прахъ покойниковъ *на путяхъ*, ибо пути были межою поземельной собственности, а пограничными стражами ея стояли могилы, хранившія священный прахъ предковъ. Потому, кажется, что въ славянской языческой сторонѣ не было опредѣленнаго обычая хоронить мертвецовъ на общемъ кладбищѣ: кладбища были семейныя или родовыя; общія же предназначались для людей безземельныхъ, не имѣющихъ ни роду, ни племени.

Рабу не оказываютъ погребальной почести, бѣднаго чело

вѣка погребаютъ просто, но когда умретъ какой-нибудь знатный, его хоронятъ торжественно, вмѣстѣ съ имуществомъ, слугами и женой". Вотъ общій, предварительный выводъ, какой можно сдѣлать о характерѣ погребальнаго обряда языческой славянской старины. Разсмотримъ теперь частные порядки погребальнаго обряда.

Частности похороннаго славянскаго обряда зависѣли отъ состоянія и образа жизни покойника: богатый и знатный и хоронился богато, бѣдный же — просто, съ удовлетвореніемъ только первыхъ необходимостей загробной жизни. Воинъ погребался съ воинскою обстановкой, земледѣлецъ — съ земледѣльческою. Однимъ словомъ, загробный міръ, жизнь въ немъ и ея условія въ понятіяхъ язычниковъ были тѣ же, что и на землѣ.

Неизвѣстно съ точностью, когда у славянъ совершалась погребальная *тризна*: передъ началомъ обряда, или по окончаніи его. Держась письменныхъ свидѣтельствъ, должно принять первое. Тризна отличалась отъ поминокъ: она была торжественнымъ прощаніемъ съ покойникомъ и имѣла видъ воинскаго ристанія, игры или битвы. О такомъ воинственномъ характерѣ обычая свидѣтельствуютъ многіе источники древности. Тризна могла родиться не иначе, какъ среди воинскаго быта: только воину прилично отдавать прощальную честь усопшему собрату воинской игрой или битвой; племена мирныя не знаютъ тризны и обходятся вмѣсто нея мирными поминками; потому, кажется, не всѣ славяне имѣли этотъ обычай, какъ не всѣ были воинами; исторически засвидѣтельствовано существованіе его у русскихъ и у чеховъ. Съ теченіемъ времени обычай тризны слабѣлъ, такъ что въ современныхъ суевѣрныхъ обычаяхъ почти не сохранилось его отголосковъ: онъ уступилъ мѣсто *стравѣ*, или поминкамъ, которыя совершались въ заключеніе погребальнаго обряда.

Несомнѣнныя свидѣтельства древности указываютъ на два способа славянской погребальной почести: погребеніе въ собственномъ смыслѣ, т. е. похороны въ землѣ безъ сожженія, и сожженіе съ погребеніемъ праха. По свидѣтельствамъ древности видно, что въ позднѣйшую эпоху язычества не только у различныхъ славянскихъ племенъ, но и у одного и того же племени и у различныхъ вѣтвей его одновременно употребляются разные погребальные обычаи, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ ихъ исторической преемственности; равнымъ образомъ

нѣтъ и слѣдовъ того, что такая разница зависѣла, какъ полагали нѣкоторые ученые, отъ разности религіозныхъ понятій племенъ или матеріальнаго достатка покойниковъ. Напротивъ, религіозныя понятія кривичей и сѣверянъ едва ли въ чемъ отличались отъ понятій древлянъ, а между тѣмъ эти племена имѣютъ различные обычаи погребенія; богатство же или бѣдность усопшихъ опредѣляли не самый обрядъ, но его внѣшнюю обстановку: бѣднякъ также сожигался, какъ богатый, послѣдній былъ также погребаемъ въ землѣ, какъ первый. Тѣмъ не менѣе причина различія должна была существовать, и ее можно предугадывать. Мы знаемъ, что еще въ эпоху глубокой древности возникъ и распространился обычай сожженія тѣлъ, но что не исключалъ совершенно старѣйшаго обычая погребенія въ землѣ, а бытовалъ совмѣстно съ нимъ. Нѣтъ никакихъ причинъ думать, что иначе было и въ послѣдующее время: если бы сожженіе окончательно вытѣснило похороны въ землѣ, то христіанство застало бы первый обычай повсемѣстнымъ, а этого не было; наоборотъ,— если бы погребеніе въ землѣ пересилило обычай сожженія, то христіанство не могло бы застать сожженія. Остается полагать, что какъ погребеніе въ землѣ, такъ и сожженіе бытовали совмѣстно и одновременно съ древнѣйшей эпохи до самой поры распространенія христіанства. Что такой фактъ дѣйствительно существовалъ, на это есть прямыя доказательства: при раскопкахъ нерѣдко встрѣчаютъ разные обычаи въ одной и той же могилѣ: возлѣ *сожженнаго* лежатъ иногда останки *погребеннаго*. По всему этому можно дозволить себѣ догадку, что развитіе двухъ способовъ погребенія въ славянской языческой древности было различіемъ не вѣрованій и исторической жизни, а различіемъ преданія, хранившагося съ незапамятной древности въ отдѣльныхъ семьяхъ и родахъ. Союзъ семей различнаго преданія черезъ женитьбу можетъ служить объясненіемъ, почему одна и та же могила иногда принимала какъ сожженные, такъ и несожженные останки усопшихъ.

Покойнику погребаемому приготовляли посмертное жилище или домъ, вырывали въ землѣ могилу на подобіе просторной комнаты и полагали туда мертвеца.

Намъ неизвѣстенъ способъ устройства могилы, но можно предполагать, что онъ зависѣлъ отъ состоянія покойниковъ: бѣдные прямо опускались въ землю, для болѣе богатыхъ усы-

пальница огораживалась деревомъ или камнемъ. Такого рода могилы дѣйствительно находятся на пространствѣ, занятомъ славянскимъ племенемъ. Усопшаго полагали или просто, или въ особомъ помѣщеніи, въ выдолбленной колодѣ или ладьѣ. О послѣдней говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, хотя въ примѣненіи къ покойникамъ *сожигаемымъ*. Имѣя однако въ виду указаніе первоначальной лѣтописи, позволительно думать, что ладью иногда давали и *погребаемымъ*. Мысль язычниковъ не стѣснялась непослѣдовательностью: и погребаемый въ землѣ могъ, по ихъ понятіямъ, воспользоваться ладьею для отплытія въ страну отцовъ, лежащую за моремъ.

Усопшій, котораго сожигали, не нуждался въ вырытой могилѣ: ему, какъ видно изъ Ибнъ-Фоцлана, строили иное жилище: ладью подымали на столбы или костеръ, на нее ставили смертное ложе, убирали его, раскидывали надъ нимъ шатеръ и на ложе полагали снаряженнаго покойника. Людей бѣдныхъ просто сожигали въ ладьѣ или на кострахъ. Такъ было у русскихъ язычниковъ.

Полагая, что усопшій и за гробомъ продолжаетъ ту же жизнь, языческая славянская старина равно надѣляла какъ погребаемыхъ, такъ и сожигаемыхъ всѣмъ необходимымъ для будущаго существованія: жены, рабы, домашнія животныя, одежда, украшенія и оружіе, домашняя утварь, яства и питья, и вообще всѣ предметы житейской необходимости, житейскихъ занятій и симпатій покойника полагались ему въ могилу. Воинъ погребался съ оружіемъ и конемъ, земледѣлецъ — съ животными и орудіями его мирнаго быта, женщина — съ украшеніями. Предметы назначались для прямого удовлетворенія нуждъ усопшаго и для того, чтобы облегчить ему переходъ въ вѣчность. Покойнику давали и молотъ, вѣроятно, по связи этого символа молніи съ представленіемъ души и ея посмертнаго мѣстопребыванія.

Показанія византійскихъ и арабскихъ писателей и „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ о томъ, что славяне надѣляли покойниковъ имуществомъ, находятъ полное оправданіе въ другихъ источникахъ древности. Археологическія раскопки свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ распространеніи этого обычая: могила безъ житейскихъ предметовъ — рѣдкость и исключительный случай въ археологическомъ мірѣ; она указываетъ на полную бѣдность и круглое сиротство усопшаго. Нѣкоторыя могилы пред-

лагаютъ даже ясное подтвержденіе обычая одновременнаго погребенія жены съ мужемъ.

Изъ Ибнъ-Фодлана видно, что обрядъ сожженія происходилъ при громѣ палицъ въ щиты: при громѣ небесномъ, по народнымъ повѣрьямъ, отворялись небеса — рай. Подражая небесному явленію, наивное вѣрованіе думало отворить двери рая для новаго пришельца, точно такъ, какъ оно и теперь думаетъ, что душа человѣка, убитаго громомъ, войдетъ въ рай, что случайный громъ при погребеніи обозначаетъ отвореніе небесныхъ воротъ для принятія души.

Надъ домомъ усопшаго *погребеннаго* насыпали холмъ, который долженъ былъ увѣковѣчить его память; останки же *сожженнаго* на другой день собирались въ сосудъ и ставились на холмѣ. Такъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Даста относительно славянъ. По словамъ же Ибнъ-Фодлана, вслѣдъ за сожженіемъ на жаровищѣ былъ насыпанъ круглый холмъ, который и скрылъ подъ собою усопшаго. Свидѣтельства взаимно пополняютъ другъ друга. Извѣстіе Ибнъ-Фодлана о насыпаніи холма вполнѣ подтверждается археологическими раскопками.

По возвращеніи домой участники погребальнаго обряда подвергались очищеніямъ отъ слѣдовъ общенія со смертью. Главными элементами являются огонь и вода: въ южнославянскихъ земляхъ возвращающихся съ похоронъ встрѣчаетъ старуха съ горящими угольями, на нихъ льютъ воду и ею умываются; на Руси — берутся руками за печь или заглядываютъ въ нее. За очищеніемъ слѣдовали поминки, въ которыхъ непремѣнно входило питье чаши вина въ память покойника и поминальный пиръ, иногда состоящій изъ особыхъ жертвенныхъ яствъ.

Подобно прочимъ народамъ, и славяне въ язычествѣ чтили усопшихъ: они видѣли въ нихъ боговъ-покровителей, домашнихъ пенатовъ, которые блюли за благосостояніемъ семьи, роднаго крова и семейной собственности. Слѣды такой вѣры до сихъ поръ еще ясны въ многочисленныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ славянскихъ племенъ. *Чуръ*, *дѣдушко*, *дѣдъ*, *родъ* и цѣлая толпа предковъ — пенатовъ подъ именемъ *домовыхъ*, *хранителей*, *дѣдковъ* — встарину стояли въ гораздо болѣе близкомъ общеніи съ семьею, чѣмъ нынѣ: они были предметомъ благочестиваго чествованія, имъ приносились жертвы и покормы. Какъ высоко чтили славяне своихъ покойниковъ, видно изъ того, что ихъ останки были священны, надъ которыми про

[illegible] къ могиламъ, [illegible] прибѣгали въ затруднительныхъ случаяхъ жизни, отъ нихъ ждали помощи, совѣта и благословенія, ихъ вызывали изъ могилъ молитвами и причитаніями.

Угощенія усопшихъ покормомъ и поминки по нихъ совершались [illegible] на 3-й, 6-й, 9-й и 40-й день погребенія, потомъ періодически [illegible] На Руси [illegible] усопшихъ [illegible] *Радуница* [illegible] обычай.

[illegible]

соединяетъ много суевѣрныхъ преданій.

К[illegible]

Происхожденіе апокрифовъ.

Апокрифами или апокрифическими книгами [illegible] сочиненія. [illegible] соборными постановленіями.

Всѣ апокрифическія сочиненія такого рода имѣютъ одинъ общій характеръ: въ нихъ религіозныя истины смѣшаны съ разными заблужденіями. Мысль или событіе, составляющія [illegible] повѣсти или сказанія, заимствованы изъ книгъ священнаго писанія, библейской или церковной исторіи и житій святыхъ, но она распространена такими вымышленными подробностями.

для которыхъ нѣтъ основанія ни въ св. писаніи, ни въ церковной исторіи. Происхожденіе такихъ сочиненій объясняется весьма естественно. И въ древнемъ, и въ новомъ мірѣ строгой и точной исторіи всегда сопутствовала своеобразная народная легенда: великія лица и событія всегда служили центромъ самыхъ разнообразныхъ народныхъ сказаній. Дѣйствительные факты украшались разными вымыслами, оставленные исторіей пробѣлы или пропуски дополнялись разными разсказами. Этой общей участи не могли не подвергнуться и великія событія священной исторіи, и великіе дѣятели ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви. Самыя важныя и самыя любопытныя событія разсказаны въ священной исторіи чрезвычайно кратко, какъ напр. жизнь прародителей Адама и Евы, паденіе и изгнаніе ихъ изъ рая, ихъ жизнь по изгнаніи изъ рая, всемірный потопъ при праведномъ Ноѣ, судьба [illegible] лицъ въ исторіи, напр. Эноха, взятаго на небо, Мелхиседека и другихъ. [illegible]

[illegible] сказы, было, конечно, много; они переходили отъ одной [illegible]

въ разсказахъ не всегда могли отличать истину отъ вымысла. страсть къ чудесному и стремленіе во всемъ видѣть особенный смыслъ готовы были принять всякое невѣроятное сказаніе. При этомъ одна мысль св. писанія, часто одно слово или выраженіе, подъ вліяніемъ возбужденнаго воображенія, превращались въ настоящее событіе. Кромѣ того, христіанскіе учители первыхъ вѣковъ, чтобы яснѣе сдѣлать какой-нибудь догматъ, живѣе представить какое-нибудь событіе, любили прибѣгать, какъ показываютъ ихъ сочиненія, къ ораторскимъ пріемамъ и часто передавали христіанское ученіе въ оживленныхъ, иногда аллегорическихъ картинахъ; эти картины для необразованнаго большинства могли получать буквальный смыслъ и приниматься, какъ дѣйствительныя событія. Наконецъ, нѣкоторые апокрифы обязаны своимъ происхожденіемъ разнымъ еретикамъ, которые составляли ихъ съ тою цѣлью, чтобы защитить свое ученіе. Такъ произошли и евангеліе Никодима, евангеліе Іакова, переписка Іисуса Христа съ Авгаремъ, акты Пилата, плачъ Богородицы, путешествіе апостоловъ и евангелистовъ. Первые вѣка христіанства были временемъ борьбы его съ язычествомъ и отживающей языческой цивилизаціей древняго міра. Во время этой борьбы явилось множество героевъ вѣры и церкви — мучениковъ, исповѣдниковъ, подвижниковъ и учителей; преданія о ихъ подвигахъ составляютъ обширный отдѣлъ религіозныхъ сказаній. Въ этихъ сказаніяхъ воображеніе также часто къ истиннымъ событіямъ примѣшивало разные вымыслы; такъ явились апокрифическія сказанія о святыхъ.

Порфирьевъ.

Распространеніе, характеръ и значеніе апокрифовъ.

Большая часть апокрифовъ составилась еще въ самыя первые времена христіанства и вмѣстѣ съ христіанствомъ переходили отъ одного народа къ другому и распространились повсюду. Въ средніе вѣка особенно они имѣли весьма сильное вліяніе на развитіе духовной поэзіи, церковной живописи и скульптуры, которыя постоянно брали изъ нихъ сюжеты для своихъ изображеній. Особенно западныя духовныя драмы или такъ называемыя *мистеріи* обязаны апокрифамъ и своимъ

происхожденіемъ и своимъ развитіемъ. Одно изъ первыхъ [illegible] мистерій „Страданія Спасителя", начинаясь [illegible] предсказаніемъ о рожденіи Богоматери и оканчиваясь [illegible] Воскресеніемъ Спасителя, взята изъ евангелія рожденія Пресвятой Дѣвы и евангелія Никодима. Наконецъ [illegible] сказаній легко усматривается въ позднѣйшихъ произведеніяхъ [illegible] литературы, напр. въ [illegible] Мильтона и „Мессіадѣ" Клопштока. Въ [illegible] апокрифическія сочиненія перешли изъ Византіи [illegible] [illegible] книгахъ [illegible] были однако распространены [illegible] въ русскихъ [illegible] [illegible] Ноѣ; повѣсти о Соломонѣ; [illegible] о рожденіи Іисуса Христа; преніе Іисуса Христа [illegible] Адамъ [illegible] по мукамъ; хожденіе апостола Павла по мукамъ, [illegible] Богослова [illegible] (Григорія Богослова и [illegible]) и вопросы [illegible] 12 [illegible].

Всѣ апокрифическія сочиненія [illegible]

бужденьями и вымыслами фантазіи. Мѣста писанія понимаются иногда въ превратномъ смыслѣ, къ истиннымъ событіямъ священной исторіи примышляются самыя несообразныя вымышленныя подробности. Поэтому церковь и духовенство, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, запрещали читать апокрифическія писанія. Это запрещеніе (кромѣ другихъ сочиненій) выражалось въ спискѣ книгъ каноническихъ и апокрифическихъ. У насъ этотъ списокъ явился въ XIV в. и до конца XVII в. постоянно переписывался въ рукописяхъ и, наконецъ, былъ напечатанъ въ извѣстной *Кирилловой книгѣ*. Но, несмотря на запрещеніе, апокрифическія писанія были весьма распространены въ древнія времена. Древне-русская жизнь и древне-русское образованіе имѣли основу религіозную; на такой же основѣ возникали и развились и апокрифическія сказанія. Слѣдовательно они, какъ нельзя болѣе, приходились по вкусу древнимъ русскимъ читателямъ. А тѣхъ ошибокъ и невѣроятностей, того страннаго смѣшенія вымысла съ истиной, какія насъ поражаютъ въ апокрифахъ, древніе читатели, при своемъ слабомъ образованіи, не могли вполнѣ и сознавать; даже самые образованные изъ нихъ едва-ли обладали такимъ знаніемъ св. писанія и исторіи, чтобъ критически могли относиться къ апокрифическимъ сочиненіямъ. А между тѣмъ въ этихъ сочиненіяхъ была привлекательная сторона: они удовлетворяли самому смѣлому любопытству, самой требовательной любознательности: они сообщали свѣдѣнія, какихъ не могла дать ни одна книга. То, что составляетъ непроницаемую тайну для исторіи, апокрифъ знаетъ самымъ обстоятельнымъ образомъ: онъ указываетъ день и даже часъ, когда произошло паденіе Адама и Евы, разсказываетъ подробности о первой ихъ жизни по изгнаніи изъ рая и, наконецъ, еще большія подробности о смерти Адама; онъ знаетъ, что чувствовали и говорили, находясь въ аду, Адамъ и другіе патріархи и пророки, предъ пришествіемъ къ нимъ Спасителя; онъ рисуетъ подробныя картины кончины міра, страшнаго суда и будущей жизни, разсказывая о томъ, въ какомъ возрастѣ и видѣ возстанутъ на судъ умершіе, узнаютъ ли на томъ свѣтѣ другъ друга, и будутъ ли имѣть общеніе между собою родственники, чѣмъ насыщаются праведные въ раю. Другіе апокрифы нравились своею сказочною или анекдотною формою, какъ напр. *Сказаніе о Соломонѣ* и *Бесѣда трехъ святителей*. Наконецъ въ нѣкоторыхъ апокри-

фахъ встрѣчаются глубоко-трогательныя и въ высшей степени поэтическія картины: таковы напр. въ *Хожденіи Богородицы по мукамъ*, изображено, какъ Богоматерь, осмотрѣвъ всѣ муки ада, призываетъ всѣхъ святыхъ пророковъ, апостоловъ и всѣ небесныя силы молиться за грѣшниковъ, и какъ всѣ падаютъ ницъ предъ престоломъ Божіимъ и молятся; таковы же изображены въ *Видѣніи апостола Павла*, какъ вся природа жалуется Богу на беззаконія людей, а Богъ проситъ ее потерпѣть, пока люди покаются; какъ ангелы Божіи, приставленные къ людямъ, по окончаніи каждаго дня и каждой ночи, приходятъ къ Богу и приносятъ дѣла добрыя и злыя. Не даромъ христіанскіе художники въ средніе вѣка такъ часто обращались къ апокрифическимъ сочиненіямъ за сюжетами для своихъ картинъ: въ нихъ дѣйствительно много истинно художественныхъ элементовъ. Съ этой стороны апокрифы замѣняли для древне-русскаго человѣка произведенія искусства поэтическаго, котораго въ древней словесности не было. Удовлетворяя чувству религіозному, они въ то же время удовлетворяли и чувству поэтическому, и тѣмъ лучше, что удовлетворяли изъ одного и того же религіознаго источника, который признавали единственно законнымъ въ силу изначала установившагося склада русской жизни. Послѣ этого понятно, почему, несмотря на запрещеніе и преслѣдованіе, апокрифическія сказанія были весьма распространены въ древнія времена. Постоянно читаемыя, они имѣли большое вліяніе на складъ религіозныхъ понятій и представленій нашихъ предковъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ произведенія религіозной народной поэзіи — такъ называемые *духовные стихи*.

Порфирьевъ.

Голубиная книга.

Въ этой книгѣ подъ ея позднѣйшимъ христіанскимъ значеніемъ таится основное миѳическое. Правда, съ одной стороны образомъ ея могли послужить парсу книги, о которыхъ говорится въ апокрифѣ „Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской“: „видѣхъ книги лежаща, яко мнѣ равно съ горѣ толщина ихъ, долгота же ихъ умъ человѣчь не можетъ разумѣти“; въ другомъ апокрифѣ „Эпистолія о недѣлѣ“ упо-

минается о спаденіи свитка книжнаго съ неба — въ Іерусалимѣ, а по нѣкоторымъ западно-европейскимъ преданіямъ — въ Римѣ. Въ иныхъ варіантахъ съ неба спадаетъ камень, по распаденіи котораго въ немъ обрѣтается свитокъ. Но вѣдь ясно, что и въ такихъ христіанизованныхъ преданіяхъ таится что-то древнее дохристіанское. Съ другой же стороны, на такую основу указываетъ и наше названіе выпавшей съ неба книги голубиною. Если тутъ и можетъ заключаться намекъ на христіанское символическое значеніе голубя, то не надобно забывать, что голубь же имѣлъ въ отдаленныя времена значеніе космогоническое. Въ извѣстной колядкѣ два голубя образуютъ міръ. По ассирійско-вавилонскому миѳу голуби высидѣли яйцо неба, положенное въ Евфратъ и выброшенное рыбою на берегъ. — Въ одномъ изъ преданій, передаваемыхъ Геродотомъ, міръ образовался изъ яйца, положеннаго птицею фениксомъ. Въ финской „Калевалѣ“ міръ творится изъ яицъ, положенныхъ на колѣна Вейнемейнену орломъ-птицею... Отсюда становится понятнымъ и миѳическое зерно въ той книгѣ соборной — голубиной, о которой говорятъ раскольническія преданія. Въ свою очередь и книга вообще, въ смыслѣ рукописанья, письменъ, имѣла значеніе уже въ преданіяхъ поры языческой (О существованіи до христіанства письменъ у славянъ, хотя и несовершенныхъ — черты и рѣзы — свидѣтельствуетъ писатель X. в. черноризецъ Храбръ; доски праводатныя упоминаются въ Судѣ Любуши. Также точно къ отдаленнѣйшей древности относятся и скандинавскія руны). Своего рода письмена упоминаются уже въ извѣстной намъ миѳической загадкѣ: разсыпалась грамотка по синему бархату (звѣздное небо). Къ языческой порѣ должна относиться и книга гадательная царя Волшана, находящаяся въ своего рода связи съ птицею: отъ помазанія перышками Могулъ-птицы она лишается своей силы. Имѣетъ ли собственно эта книга какую-нибудь связь съ голубиною, это, разумѣется, трудно сказать. Но надобно думать, что у насъ существовали миѳическія преданія о принесеніи съ неба книги голубемъ. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ окончательномъ видѣ стиха наша книга сдѣлалась символомъ откровенія — *великою книгою самописаною*. При описаніи необъятности таинственной книги употребляется чисто русскій пріемъ: скромно говорится про нее, что она

И не малая, не великая...

[illegible]
Только Давиду она сама разгибается,

Все божественное писаніе объявляется.

[illegible]

Умомъ намъ сей книги не совмѣстити
И очамъ намъ книгу не обозрити...
Я по старой своей по памяти
Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ.

[illegible]
достояние разныхъ народовъ...

[illegible] ловы — цари, изъ мощей (вѣроятно, туловища) — князья и [illegible]

подобное старинѣ условій, ставитъ перемѣнами. Все з[illegible]вѣри растенія между двумя созданію не въ духѣ народной поэзіи [illegible] главными представителями которой крестьянскій народъ [illegible] посвятившихся съ Божествомъ [illegible] для всякаго рода. [illegible] въ стихѣ нашемъ Давидъ начинаетъ [illegible] перечисленіе [illegible] и оказывается, что перечень [illegible] лучшій [illegible] Тутъ оказывается и Глава Христова, но уже потому, что надъ ней былъ поставленъ крестъ Христовъ, [illegible] о древѣ крестномъ. Первенствующій тутъ городъ Іерусалимъ, въ которомъ стоитъ церковь Софіи, а въ ней риза самого Христа. Іерусалимъ первенствующій тутъ городъ также и по тому обстоятельству, на которое указываетъ и нашъ литературный памятникъ XII в. Даніилъ Паломникъ: въ немъ средина земли. Въ стихѣ упоминается также камень *алатырь*, получившій первенство потому, что на немъ [illegible] держалъ самъ Іисусъ Христосъ и съ него распускалъ во всѣ стороны Голубиную книгу. Такимъ образомъ камень миѳическій получаетъ тутъ значеніе христіанское, подобно [illegible] Голубиной [illegible], въ основѣ которой также миѳъ. Въ высшей степени поэтически описывается [illegible] плакунъ-трава, своимъ происхожденіемъ обязанная слезамъ Богородицы, пролитымъ о Спасителѣ: черта по всей вѣроятности принадлежащая народу, который съ особенною любовью останавливался на отношеніяхъ Спасителя къ Богородицѣ — очевидно, вслѣдствіе коренного семейственнаго чувства русскаго человѣка. Океанъ-море является тутъ матерью морямъ не потому, что всѣ ихъ собою обнимаетъ, а потому, что посреди его церковь Климента, попа (папы) римскаго, изъ которой выходила опять Богородица, омывалась изъ океана и молилась на церковь. Эта церковь Климента, находящаяся среди моря, можетъ быть, дальнимъ образомъ напоминаетъ на мощи св. Климента, вывезенныя Владиміромъ изъ [illegible] Корсуня. Богородица же, омывающаяся изъ океана, очевидно, является тутъ взамѣнъ миѳическаго лица, быть можетъ, богини Зари; подъ церковью же можетъ тутъ скрываться Буянъ съ его алатыремъ. Слѣдующія затѣмъ первенствующія существа — уже прямо существа миѳическія: это — Китъ-рыба, кото-

рыи когда поворотится, то бѣлый нашъ свѣтъ покончится. Страшимъ-птица, производившая бурю на морѣ; Индрикъ-звѣрь, который куда пройдетъ, тамъ струи ключа забьютъ. Подобныя же существа встрѣчаются и въ стихѣ о Егоріи храбромъ. Подробности объ нихъ отчасти могли сохраниться въ народной памяти, какъ остатокъ родной миѳической старины, отчасти занесены сюда въ стихи изъ различныхъ, переведенныхъ съ греческаго, сочиненій о дивныхъ родахъ звѣряхъ, въ томъ числѣ и о фантастическихъ; а такія сочиненія были сильно распространены встарину; что касается собственно кита, то онъ являлся и въ апокрифахъ, гдѣ упоминается даже о 30-ти китахъ, очевидно, попавшихъ изъ народныхъ преданій; сходные съ ними имѣются опять и не у однихъ индоевропейцевъ: въ бурятской легендѣ, когда поворачивается рыба, дѣлается землетрясеніе. Но и съ этими чисто миѳическими существами соединяются воззрѣнія уже христіанскія. Хотя земля и основана на китахъ, стихъ немедленно прибавляетъ, что тѣмъ не менѣе она основана Св. Духомъ, а содержана словомъ Божіимъ, т. е. безъ слова Божія киты не трогнутся, и бѣлый свѣтъ не покончится. Если Страшимъ птица, встрепенувшись, и можетъ топить товары гостиные, то это дѣлается не иначе, какъ

По Божьему все повелѣнію.

Наконецъ Индрикъ звѣрь въ нѣкоторыхъ вариантахъ живетъ уже не на святой горѣ (миѳической — м. б., той, на которой жили старины, т. е. полубоги, богатырь Святогоръ), а на горѣ Аѳонъ, знаменитой своимъ монастыремъ, гдѣ становится не только существомъ мирнымъ, но даже молится Богу. Изъ всего этого видно, что, говоря по старымъ преданіямъ, Давидъ въ нашемъ стихѣ говоритъ подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ воззрѣній. Заставивъ и его отказаться отъ проникновенія въ глубину писанія, народъ черезъ то сознался въ своей собственной неспособности проникнуть умомъ въ эту глубину; но въ то же самое время, старыя свои преданія обновивъ образами изъ христіанскаго міра, онъ тѣмъ самымъ показалъ, что если не глубоко умъ, то уже воображеніе его подчинилось вліянію христіанскому. Преданіе же о плакунъ-травѣ показываетъ, что христіанство было отчасти и по сердцу народа. Сонъ Владиміра и его разгадка заимствованы стихомъ изъ

„Бесѣды трехъ святителей", но стихъ сдѣлалъ изъ него самостоятельный и болѣе глубокій выводъ. Въ „Бесѣдѣ" кривда [illegible] правду, а [illegible] осталася, т. е. побѣда явнымъ образомъ путь за кривдой. Народъ, повидимому, не могъ примириться съ такимъ мрачнымъ воззрѣніемъ, столь противорѣчащимъ тому, что мы имѣли въ сказкахъ. Признавая уже въ стихѣ, что кривда не только осталась, но даже разошлась по всей землѣ, по всей землѣ свято-русской, что отъ кривды сталъ народъ неправильный, народъ нашъ не захотѣлъ видѣть въ этомъ окончательной побѣды надъ правдою; онъ даже утверждаетъ въ своемъ стихѣ, что побѣда, напротивъ того, осталась за правдой, но что она какъ бы сама не захотѣла оставаться на землѣ, пошла на небо. Народъ убѣжденъ въ томъ, что она тамъ, въ странѣ будущаго, что она у самого Христа, царя будущаго вѣка.

О. Миллеръ.

Егорій Храбрый.

Между принесенными къ намъ изъ Греціи житіями мучениковъ особенно привлекало своими апокрифическими подробностями житіе побѣдоносца Георгія *). Самое это названіе побѣ-

---

*) Существуютъ [illegible] Егорія: мифическое — Ор. Миллера и Афанасьева и [illegible]. [illegible] мучителемъ есть окончательная побѣда свѣтлаго начала надъ темнымъ.

[illegible] Георгія [illegible] Долгорукова, цивилизатора сѣвера.

К[illegible].

[illegible]

той, высшей силы?

По Божьему все велѣнью,
По Георгіеву все моленію —
Святую вѣру утверждаючи
Бесерменскую вѣру побѣждаючи.

[illegible] три рѣки черезъ кровь: первая рѣка была пшеница пахарямъ, другая — рѣка прѣснаго молока пастухамъ, третья рѣка — янтарнаго вина винодѣламъ*.

Новый свѣтъ на стихъ о Егоріи бросаетъ сличеніе съ другими [illegible] сказаніями, въ которыхъ даже историческій [illegible] Егорія, Діоклетіанъ, рисуется въ чудовищномъ образѣ [illegible], похитителя солнца. Послѣ этого и плѣнъ Егорія Діоклетіаномъ въ подвалахъ глубокихъ долженъ оказаться

мифическимъ пламенемъ летняго солнышка. Стало быть и историческая сторона христіанскаго сказанія о Георгіи, — его страданія, примкнула къ древнимъ мифическимъ сказаніямъ о страданіи свѣтлаго божества въ зимнемъ его плѣну у демона-змѣя — тучи. Въ основѣ и духѣ своемъ [illegible] опять таки сродны мифическимъ вѣрованіямъ Егорья, такъ что собственно говоря, мы имѣемъ въ стихахъ только [illegible] на одну нить [illegible] послѣдовательныхъ [illegible] мифы одного и того же [illegible] борьбы [illegible] божества съ тучею. На мифическое значеніе [illegible] и тотъ чудесный образъ, какой приписывается въ стихахъ сестрамъ Егорья, и который рѣшительно соотвѣтствуетъ грозовымъ превращеніямъ.

[illegible]

тахъ церкви: изъ чтенія ихъ народъ можетъ быть слышалъ и видѣлъ, что христіанство росло и крѣпло среди мученій, что именно кровью своихъ исповѣдниковъ покупало оно побѣду. И у насъ на Руси были свои мученики — варяги отецъ и сынъ, принесенные въ жертву богамъ въ началѣ княженія Владиміра, но народъ позабылъ объ нихъ, какъ позабылъ и о равноапостольномъ значеніи князя, величаемаго имъ только ласковымъ княземъ Владиміромъ Солнышкомъ яснымъ, но не переставалъ онъ пѣть о своемъ обращеніи въ христіанство, не позабылъ, что у насъ, какъ вездѣ, оно было ознаменовано кровью: только свое обращеніе онъ отнесъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ и виновникомъ его сдѣлалъ знаменитаго мученика христіанской церкви, который такимъ образомъ совмѣстилъ въ себѣ и Владиміра равноапостольнаго, и двухъ мучениковъ варяговъ. Народъ совершенно усвоилъ себѣ Георгія или Егорія, какъ онъ передѣлалъ его имя.

О. Миллеръ.

Егорій Храбрый.

Стихъ о Георгіи Храбромъ имѣетъ космогоническій характеръ, но въ немъ говорится уже не о началѣ всего міра, какъ въ Голубиной книгѣ, а только о началѣ устроенія и просвѣщенія русской земли, которое приписывается св. Георгію. Въ стихѣ о Георгіи можно различить двѣ части. Въ первой части описывается происхожденіе и мученія Георгія. Сказаніе о происхожденіи Георгія представляетъ странное, противорѣчащее исторіи смѣшеніе времени, мѣстъ и лицъ. Св. Георгій жилъ при Діоклетіанѣ и отъ него принялъ мученическую кончину; имя Діоклетіана сохранилось, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ спискахъ; въ другихъ же его замѣнили царище Демьянище, Деміанище, Деоклище и др. Подъ этими именами, очевидно, изображается языческій царь, или вообще язычество. Иначе съ хронологіей Рожденія Георгія: по сказанію стиха, въ Іерусалимѣ, тогда какъ оказывается въ Россіи: отецъ и мать Георгія не названы въ стихѣ, но фантазія народная матерью его сдѣлала Софію Премудрую, которая породила три дочери, разумѣя подъ ними, вѣроятно, знаменитую мученицу Софію

и трехъ ея дщерей — Вѣру, Надежду и Любовь. Но всего страннѣе въ этомъ разсказѣ изображеніе самаго Георгія:

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорья вся жемчужная,
По всемъ Егоріи часты звѣзды.

[illegible] приказалъ его „во пилы пилить“.

По Божьему повелѣнію,
По Егоріеву моленію,
Не берутъ пилы жидовскія,
У нихъ зубья позагнулися,
Мучители всѣ утомилися,
Ничего Егорью не вредилося;
Егореево тѣло соцѣлялося;
Возставалъ Егорій на рѣзвы ноги;

Поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ все гласы архангельскіе.

Потомъ царь приказываетъ Егорія „въ топоры рубить“, „въ сапоги ковать гвозди желѣзные“, „въ котелъ сажать и въ смолѣ варить“; „но ничего Егорію не вредилося“. Наконецъ царь велѣлъ посадить его въ глубокій погребъ, закрыть досками желѣзными и засыпать песками рудожелтыми. Здѣсь Георгій сидѣлъ 30 лѣтъ. Когда исполнилось 30 лѣтъ, явилась Георгію пресвятая Богородица и сказала:

«Ты за это за претерпѣніе
Ты наслѣдуешь себѣ царство небесное».

И поднялись вѣтры буйные, разнесли пески рудожелтые, размётали доски желѣзныя, — и Егорій вышелъ на святую Русь и пришелъ въ городъ Іерусалимъ. Здѣсь, въ соборной церкви, онъ нашелъ свою матерь. Разсказавъ матери, что съ нимъ случилось, онъ сталъ просить у нея благословенія отправиться въ путешествіе по землѣ русской. Мать снаряжаетъ въ путь Георгія, какъ настоящаго богатыря:

«Ты поди далече во чисты поля,
Ты возьми коня богатырскаго,
Со двѣнадесять цѣпей желѣзныихъ,
И со сбруей богатырскою,
Со вострымъ копьемъ со булатныимъ
И со книгою, со евангеліемъ».

Далѣе слѣдуетъ самое путешествіе Георгія по землѣ русской, которое можно назвать второю частію стиха. Земля русская представилась Георгію совершенно дѣвственною и дикою, ненаселенною и невоздѣланною: повсюду „лѣса дремучіе“, „горы толкучія“, „рѣки текучія“, „звѣри рыскучіе“ и „змѣи огненныя“: нельзя ни пройти, ни проѣхать.

Святой Егорій глаголуетъ:
«Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
Встаньте и расшатнитеся,
Расшатнитеся, раскачнитеся:
Порублю изъ васъ церкви соборныя,
Соборныя да богомольныя;

Въ васъ будетъ служба Господняя.
Заростится вы лѣса
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ, по высокімъ.
По Божьему все велѣнію,
По Егоріеву все моленію,
Разраслись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
Растутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.

Проѣзжая далѣе, Георгій встрѣтилъ „рѣки быстрыя текучія“ и велѣлъ имъ размѣститься по всей землѣ русской. Послѣ рѣкъ онъ наѣхалъ на „горы толкучія“ и сказалъ имъ:

«Станьте вы, горы, по-старому:
Поставлю на васъ церковь соборную,
Въ васъ будетъ служба Господняя».

Затѣмъ ему встрѣтилось стадо звѣриное:

Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучіихъ.
И пасутъ стадо три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы.
На нихъ тѣло, яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль трава;
Ни пройти, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
«Вы волки, волки рыскучіе!
Разойдитеся, разбредитеся,
По два, по три, по единому,
По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ,
А ходите вы повременно,
Пейте вы, ѣшьте повелѣнное,
Отъ свята Егорья благословенное!»

Еще встрѣтились Георгію змѣи огненные, которымъ онъ повелѣлъ разсыпаться по сырой землѣ. Наконецъ онъ доѣхалъ до города Кіева. На херсонскихъ вратахъ Кіева сидитъ птица черногаръ и въ когтяхъ держитъ осетра рыбу. Георгій велѣлъ ей летѣть на океанъ-море. Внутри города онъ нашелъ

палаты бѣлокаменны, гдѣ жилъ царище Диоклетіанище. Описаніе встрѣчи съ нимъ Георгія очень напоминаетъ встрѣчу Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ въ былинахъ. Увидѣвъ Георгія, царище, подобно Соловью, кричитъ по звѣриному, визжитъ по змѣиному, такъ что конь Георгія упалъ на сыру землю. Егорій убилъ царище, разрушилъ его жилище, утвердилъ въ Кіевѣ вѣру самому Христу, царю небесному. Потомъ взялъ своихъ сестеръ, привелъ ихъ къ Іорданъ рѣкѣ и велѣлъ имъ умыться и окреститься: „камышъ-трава съ нихъ свалилася и еловая кора опустилася“. Онъ возвратилъ ихъ своей матери.

Такимъ образомъ, изъ мученика за вѣру, какимъ Георгій изображается въ первой части стиха, онъ превращается во второй части въ учредителя порядка, устроителя и просвѣтителя русской земли. Черты, въ какихъ онъ изображается, очевидно, сняты съ какого-нибудь древняго богатыря, хотя его дѣятельность не имѣетъ вполнѣ богатырскаго характера. Онъ ѣздитъ на богатырскомъ конѣ, съ вострымъ копьемъ богатырскимъ, но ни разу не употребляетъ его въ дѣло. Только уже въ Кіевѣ, лицомъ къ лицу встрѣтившись съ Діоклетіанищемъ, своимъ врагомъ и врагомъ христіанства, онъ пустилъ въ него каленую стрѣлу и разрушилъ палицей его палаты, но все путешествіе онъ совершаетъ необыкновенно мирнымъ образомъ. Землю русскую онъ устрояетъ тѣмъ, что распространяетъ вѣру христіанскую, строитъ церкви соборныя и богомольныя, ѣздитъ повсюду съ книгою евангеліемъ. Такимъ именно въ высшей степени мирнымъ способомъ, путемъ распространенія христіанской вѣры, дѣйствительно, и происходило устроеніе и просвѣщеніе земли русской. Въ Георгіи, можно думать, народъ представилъ вообще типъ тѣхъ духовныхъ богатырей, героевъ вѣры и просвѣщенія, которые въ древнія времена повсюду являлись въ одеждѣ инока и мірянина, въ санѣ князя и епископа, просвѣщали дикія племена Руси, распространяя между ними вѣру, строя города, церкви, монастыри и пустыни.

Порфирьевъ.

Св. Георгій въ представленіи славянскихъ народовъ.

Образъ св. Георгія, издревле пользовавшагося у славянъ предпочтительнымъ уваженіемъ, очевидно, соединилъ въ себѣ всѣ черты, которыми народная фантазія во времена язычества надѣляла бога солнца: его чествуютъ, какъ „бога съ небесъ", какъ коня, какъ бога свѣта или Бѣлбога, какъ поборника злой силы, какъ бога весенняго плодородія и покровителя нивъ и стадъ.

а) Св. Георгій — „богъ съ небесъ".

Въ лужицко-сербской пѣснѣ къ нему обращаются какъ къ солнцу — „богу на небѣ:"

Милый боже съ небесъ,
Милый святой Юрій!

Въ одномъ изъ великорусскихъ заговоровъ св. Георгій рисуется въ блескѣ сіяющаго золотомъ солнечнаго бога: „Сходитъ Егорій съ небесъ по золотой лѣстницѣ", сноситъ 300 стрѣлъ златоперыхъ, 300 луковъ и 300 тетивъ златоволочныхъ.

б) Св. Георгій — конь (хорсъ).

Почитаніе бога солнца въ видѣ „солнцева коня", перенесенное на св. Георгія, удержалось до нашихъ дней въ Бѣлоруссіи. Дѣвушки въ день этого святого (23 апрѣля) пляшутъ около коня, котораго величаютъ золотымъ, т. е. сіяющимъ, блестящимъ, какъ золото.

Блестящій, сіяющій конь, воспѣваемый въ праздникъ рожденія солнца, во время котораго былъ обычай водить „всадника на бѣломъ конѣ", несомнѣнно находится въ связи съ древнимъ представленіемъ о блестящемъ солнцевомъ конѣ — хорсѣ, сивкѣ-златогривкѣ, превратившемся въ Бѣлоруссіи въ Юрія-коника, а у чеховъ — въ коня-Янека.

Примѣчательно еще, что въ Олонецкомъ и Онежскомъ уѣздахъ св. Георгій считается конскимъ богомъ, и „Егорьевъ день" считается конскимъ праздникомъ. Лошадей въ этотъ день приводятъ къ церкви, священники служатъ молебны св. Георгію и кро-

паютъ лошадей святой водой. Лошади пользуются въ этотъ день самымъ лучшимъ кормомъ и гуляютъ по посконинѣ.

в) Св. Георгій — Бѣлбогъ или Дажъ-богъ.

Характеристичнымъ признакомъ св. Георгія служитъ, между прочимъ, его бѣлый конь. Бѣлые кони посвящались именно богу солнцу, какъ у древнихъ азіатскихъ аріевъ, такъ и у грековъ и у древнихъ славянъ.

Въ великорусскомъ заговорѣ на удачную охоту читаемъ: „Егорій храбрый, садись на бѣлаго коня!“ „Егорій храбрый на бѣломъ конѣ булатнымъ копьемъ подпирается“ произносятъ въ другомъ заговорѣ. „Ой ты гой еси, бѣлой рѣзвой конь“, восклицаетъ самъ св. Георгій въ духовномъ стихѣ. Но не только конь его, а и самъ святой, въ качествѣ Бѣлбога, представляется въ заговорахъ весь бѣлый, и все одѣяніе, всѣ атрибуты его — также бѣлаго цвѣта: „На синемъ морѣ бѣлый камень, на бѣломъ камнѣ бѣлый человѣкъ въ бѣломъ платьѣ, свѣтъ Георгій храбрый.

г) Св. Георгій — побѣдитель дракона.

Какъ важнѣйшія языческія божества небесныя въ древности представлялись побѣдителями злыхъ духовъ, являющихся въ образѣ змѣй или драконовъ, такъ и св. Георгій, обыкновенно называемый храбрымъ, поражаетъ треглаваго дракона и тѣмъ доставляетъ людямъ великія благодѣянія. Въ болгарской народной пѣснѣ, которую поютъ въ Юрьевъ день, при собираніи лекарственныхъ травъ, перечисляются блага, возникающія для человѣка изъ крови умерщвленнаго св. Георгіемъ дракона: кровь течетъ тремя ручьями изъ трехъ отсѣченныхъ головъ дракона:

Хлынули три рѣки,
Три рѣки черной крови:
Первая рѣка, на пользу земледѣльцевъ —
Лучшая пшеница;
Вторая рѣка, на пользу пастуховъ —
Прѣсное молоко;
Третья рѣка, на пользу землекоповъ (виноградарей)
Румяное вино.

Св. Георгій, въ качествѣ побѣдителя дракона, представителя злой силы, враждебной человѣчеству, также, какъ побѣдитель

всевозможныхъ, непреодолимыхъ для простого смертнаго, препятствій, является въ нѣкоторомъ родѣ Геркулесомъ, хотя съ христіанской окраской. Ему нерѣдко приписывается побѣда надъ нечистою силою, его призываютъ на помощь противъ недуговъ — дѣлъ рукъ діавола. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи проявляется на свадьбахъ забота о томъ, чтобы охранить молодыхъ и „поѣзжанъ" отъ порчи и вообще вреднаго дѣйствія злыхъ силъ. Въ Пермской губерніи въ такомъ случаѣ обращаются къ помощи св. Георгія, какъ побѣдника злыхъ силъ. Пока поѣзжане и женихъ собираются въ путь, вѣжливецъ обходитъ лошадей, передвигаетъ телѣги, побрякиваетъ колокольцами и въ то же время шопотомъ говоритъ:

„Благослови меня, пресвятая Богородица, Егорій храбрый, со княземъ, со тысяцкимъ, со большими боярами, ко княжнѣ (т. е. невѣстѣ) ѣхати, княжну получити, съ княжной въ Божью церковь доѣхати, законъ Божій приняти"...

Въ числѣ благодѣяній, оказываемыхъ человѣчеству св. Георгіемъ, признается и защита имъ путниковъ отъ воровъ и разбойниковъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій великорусскій заговоръ при отправленіи въ путь:

Ѣдетъ Егорій храбрый на бѣломъ конѣ,
Златымъ вѣнцомъ украшается,
Булатнымъ копьемъ подпирается,
Съ татемъ ночнымъ встрѣчается,
Рѣчью съ нимъ препирается:
«Куда, тать ночной, идешь?»
— Иду я людей убивать,
Купцовъ проѣзжихъ добывать.
А Егорій удалъ
Ему дороги не далъ,
Православныхъ обороняетъ.
Въ пути — дорогѣ сохраняетъ.

Именемъ св. Георгія заклинаются змѣи (гадюки) и пр.

„Заклинаю всѣхъ гадовъ именемъ Господа нашего І. Христа и св. великомученика побѣдоносца Георгія"...

Въ [illegible] онъ побѣждаетъ и не[illegible] [illegible]

„Сходитъ Егорій съ небесъ... и стрѣляетъ и отстрѣливаетъ у раба божія (имя рекъ) уроки, прикосы“ и т. д.

д) Св. Георгій — богъ весны („ключникъ“) и плодородія, изобилія и богатства.

Побѣда надъ дракономъ соотвѣтствуетъ въ народномъ сознаніи побѣдѣ солнца надъ зимнею стужею и мракомъ, тѣмъ болѣе, что празднованіе дня св. Георгія совпадаетъ съ возвращеніемъ весны. Юрьевъ день принадлежитъ къ важнѣйшимъ весеннимъ праздникамъ православныхъ и приходится въ апрѣлѣ (23-го числа)... По народному вѣрованію, онъ отмыкаетъ скованную зимнимъ холодомъ землю и, какъ весеннее солнце, вызываетъ въ ней новую жизнь.

„На Егорія весна въ разгарѣ“ (русская поговорка). „Нѣтъ лѣта безъ Юрьева дня“, говорятъ сербы. Въ Юрьевъ день во многихъ мѣстахъ, заселенныхъ славянами, устраиваются обрядныя процессіи, шествія вокругъ полей, закликаются луга (у словаковъ), начинаются весеннія игры, въ разныхъ мѣстахъ Россіи поются молебны на поляхъ и устраиваются крестные ходы вокругъ селъ и полей. Болгары обходятъ каждый свою ниву, держа коровай въ одной рукѣ и баклагу съ виномъ въ другой; потомъ всѣ сходятся на холмѣ, возвышающемся среди зеленой жатвы, ѣдятъ коровай, пьютъ вино, молясь по очереди, чтобы св. Георгій развеселилъ ихъ нивы и даровалъ имъ большія колосья, полные крупнаго зерна.

Бѣлоруссы, обходя въ Юрьевъ день поля, при чемъ несутъ пирогъ, водку и другіе припасы, взываютъ къ св. Георгію:

Юрій, вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпущай росу
На цеплое лѣто,
На буйное жито,
На ядроистое,
На полосистое,
Людзямъ на здоровье...

е) Св. Георгій — „волчій пастырь“, покровитель и защитникъ стадъ отъ хищныхъ звѣрей и недуговъ. Онъ у славянъ представляется волчьимъ пастыремъ, вообще повелителемъ надъ звѣрями.

Въ болгарскомъ заклинаніи (баянии) св. Георгій, сидя на горѣ, собираетъ вокругъ себя хищныхъ звѣрей и сковываетъ ихъ тремя стами замками:

Вышелъ св. Георгій на высокую гору и заигралъ въ мѣдную трубу, и собралъ волка съ волчатами, медвѣдицу съ медвѣжатами, лисицу съ лисятами, зайца съ зайчатами и всякую живую дичину; и отошелъ къ тремъ стамъ кузнецамъ и сковалъ триста замковъ и замкнулъ всякую дичину: уста, чтобы не ѣла, носъ, чтобы не дышала, очи, чтобы не глядѣла, уши, чтобы не слышали, ноги, чтобы не ходили.

По словамъ великорусскихъ и малорусскихъ заговоровъ, св. Юрій ходитъ или ѣздитъ на своемъ бѣломъ конѣ (по желѣзному мосту, вел.-рус.), въ сопровожденіи трехъ псовъ: сѣраго или червоннаго, бѣлаго и чернаго. Разъѣзжая по лѣсамъ, онъ раздаетъ звѣрямъ наказы. По словамъ духовнаго стиха, онъ наѣзжаетъ „на стадо звѣриное, — на волковъ рыскучіихъ“ и повелѣваетъ имъ:

Вы волки, волки рыскучіе!
Разойдитеся, разбредитеся
По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ,
А ходите вы повременно,
Пейте, ѣшьте повелѣнное
Отъ свята Егорія благословенія.

Звѣри, по словамъ стиха:

.... пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, благословенное
Отъ Георгія храбраго.

Для полученія себѣ пищи, говоритъ Ефименко, волки, по малорусскому повѣрью, вымаливаютъ ее воемъ въ теченіе цѣлыхъ пяти дней, стоя на хвостахъ передъ св. Георгіемъ; поэтому когда бываетъ слышенъ вой волковъ, то народъ въ Великороссіи, Малороссіи и Бѣлоруссіи говоритъ, что они просятъ у Бога пищи. Животное, назначенное волкамъ въ добычу, не можетъ нигдѣ укрыться отъ нихъ; при приближеніи волка къ стаду овецъ, роковая овца не только не уходитъ отъ него, но, напротивъ, сама, съ глазами налившимися кровью, бѣжитъ къ нему. Животнаго, задушеннаго волками, какъ назначеннаго самимъ Богомъ, народъ не употребляетъ въ пищу — развѣ

только въ такомъ случаѣ, когда священникъ освятитъ его. Въ Великороссіи вовсе не употребляютъ такихъ животныхъ.

Понятно, что при непосредственной власти св. Георгія надъ волками, главнымъ бичемъ стадъ и скотоводовъ, народъ старается всѣми силами задобрить и умилостивить этого святого, который у южныхъ и восточныхъ славянъ почитается покровителемъ скота.

Южные славяне (болгары, сербы) въ Юрьевъ день закалываютъ въ честь празднуемаго святого перваго въ году барашка (у болгаръ обязательно бѣлаго), съ соблюденіемъ своеобразныхъ пріемовъ и обрядовъ, несомнѣнно сохранившихся отъ временъ язычества. Обрядное зарѣзываніе живого животнаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и въ Карпатахъ замѣнилось символическимъ жертвоприношеніемъ покровителю стадъ, а именно: главный пастухъ закалываетъ пирогъ, сдѣланный въ видѣ овна. Въ этотъ день почти повсемѣстно въ первый разъ выгоняется въ поле скотъ.

Фаминцынъ.

Юрьевъ день.

Этотъ день чрезвычайно важенъ въ жизни крестьянина, безусловно во всей Великороссіи: это — первый день выгона скота въ поле. Г. Барсовъ, близко знакомый именно съ тою областью русской, которая болѣе другихъ удержала остатковъ старины, говоритъ, что при этомъ первомъ выгонѣ пастухъ на одну сторону отъ скотины кладетъ ключъ, по другую замокъ и по спинѣ скотины водитъ какимъ-то желѣзнымъ орудіемъ. Онъ обходитъ скотъ съ иконой въ рукахъ, причемъ имѣетъ при себѣ такъ называемый „божественный обходъ", напр.: „Помилуй, всемогущій Боже, св. великомученика Георгія побѣдоносца съ пламеннымъ копьемъ на сохраненіе честнаго моего скота"; далѣе слѣдуетъ перечисленіе опасностей; онѣ суть: звѣри, сглазъ, колдуны и пр.

У пинежанъ (Арх. губ.) относительно этого дня существуютъ такія повѣрья: „на Егорья заря съ зарей сходится": „если Митрей на конѣ, то Егорій въ лодкѣ"; если на ночь на Егорьевъ день — заморозокъ, то будетъ еще 40 утреннихъ морозовъ; чтобы скотъ не пострадалъ отъ медвѣдя, нужно

сходить ночью на Егорьевъ день на паству и прокричать, какъ можно сильнѣе.

Въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ на Егорьевъ день дѣлаютъ закликъ: „Егорій свѣтъ храбрый! дай росу тихую да смирную и сохрани мою скотину нынѣшнимъ лѣтомъ, а я завѣчаю тебѣ въ день Ильи свѣта-преподобнаго барана или лошадь“. Въ этотъ же день дѣтей заставляютъ купаться въ лужахъ и котловинахъ.

Въ Лужскомъ уѣздѣ въ Егорьевъ день послѣ обѣда хозяинъ три раза обходитъ свой скотъ, держа въ рукахъ образъ, яйцо и топоръ; яйцо зарываетъ въ землю, а топоръ — подъ порогъ и гонитъ скотину освященной вербой. На пастбищѣ пастухъ съ образомъ обходитъ три раза стадо, потомъ перекидываетъ съ одной стороны яйцо, съ другой — топоръ; яйцо и топоръ зарываются на полѣ, а вербы кидаются въ воду; если есть порохъ, стрѣляютъ на воздухъ. Въ этотъ же день пекутъ особый коровай подъ названіемъ моленникъ, который жертвуютъ пастуху, а онъ кромѣ этого освященнаго хлѣба отдаетъ скоту.

Въ Ярославской губерніи въ ходу повѣрье, что Юрьева роса помогаетъ отъ сглаза и отъ семи недуговъ.

Въ Смоленской губерніи до 23 апрѣля не станутъ городить изгородей въ поляхъ; въ этотъ день скотъ прежде всего пускаютъ въ поля, засѣянныя озимью. Скотъ въ полѣ обходятъ съ тремя яйцами. Пастухи закликаютъ волковъ, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ: „Глухой, глухой, ци слышишь? — Не слышу. — Когда бы далъ Богъ, чтобы волкъ не слыхалъ нашего скота. — Хромой, хромой, ци дойдешь? — Не дойду. — Когда бы Богъ далъ, не дошелъ волкъ до нашего скота. — Слѣпой, слѣпой! ци видишь? — Не вижу. — Дай Богъ, чтобы волкъ не видѣлъ нашего скота“. Въ этотъ же день сѣютъ разсаду.

Въ Тульской губерніи въ этотъ день служатъ молебны на колодцахъ, окропляютъ скотъ св. водой и выгоняютъ его освященною вербою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день справляется красная горка. Въ Чухломскомъ и Кологривскомъ уѣздахъ въ этотъ день окликаютъ Егорья, напримѣръ, такою пѣснею:

Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали,

Макарья величали:
Егорій ты нашъ храбрый,
Макарій преподобный,
Ты паси нашу скотину, и пр.

Въ этотъ день играетъ солнце.

Въ Муромскомъ уѣздѣ въ Юрьевъ день молятъ объ урожаѣ.

Въ Черниговской губерніи, освятивъ воду, идутъ съ церковною процессіей въ поле, ставятъ столъ, покрываютъ его бѣлымъ покровомъ, кладутъ на него хлѣбъ, соль и ставятъ храмовую икону св. Георгія. Послѣ обѣда снова съ закусками выходятъ въ поле.

Особенно много обрядовъ и пѣсенъ связано съ Юрьевымъ днемъ въ Бѣлоруссіи и Западномъ краѣ.

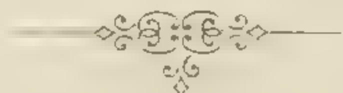
Пословицы, загадки и народныя примѣты указываютъ на связь Егорья съ пастушествомъ и земледѣліемъ: „На Юрья дождь — скоту легкій годъ“; „на Юрья крупа — урожай на гречу“; „на Юрья дождь — гречи неродъ“; „до св. Юрья кормъ есть и у дурня“; „на Егорья роса — будутъ добры проса“; „какъ Егорьевъ день въ исходѣ, пускай коня на волю“; „какъ Егорьевъ день въ молоду, держи коня въ поводу“; „на Егорья морозъ, такъ будетъ и подъ кустомъ овесъ“. Въ однихъ мѣстахъ Егорій является съ водою, въ другихъ съ тепломъ, кормомъ.

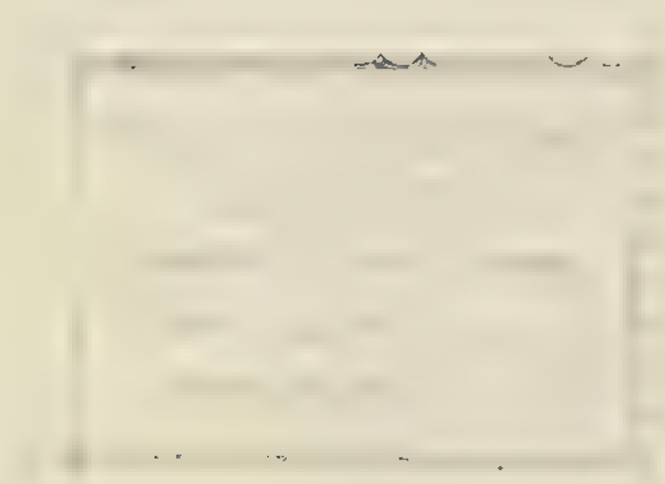
Въ загадкахъ птичка, прилетающая на Юрьевъ день, — соха; Егорій съ копьемъ — стогъ сѣна.

Въ заговорахъ Егорій вмѣстѣ съ Царицею (т. е. Богородицею), Миколой и Господомъ ограждаетъ скотъ тыномъ, вмѣстѣ съ Зосимою и Савватіемъ покровительствуетъ пчеловодству, охраняетъ на пути отъ татя, при чемъ является на бѣломъ конѣ и съ копьемъ; въ томъ же видѣ онъ является помощникомъ на охотѣ; при этомъ его замѣняетъ какой-то бѣлъ-мужъ Жубрило, Михаилъ архангелъ и др. Вмѣстѣ съ Михаиломъ и другими святыми онъ охраняетъ скотъ — „Власьевъ родъ“; Михаилъ архангелъ и Егорій „съ тупыми стрѣлами, съ вострыми кнутами“ дѣйствуютъ въ заговорѣ противъ потевой болѣзни. Георгій храбрый ограждаетъ растенія отъ червей; онъ же излѣчиваетъ своими стрѣлами отъ болѣзни, являясь въ видѣ бѣлаго человѣка въ бѣломъ платьѣ, на бѣломъ конѣ, въ сообществѣ двухъ стрѣльцовъ, Симеона и Герасима.

И въ поговоркахъ, и въ сказаніяхъ Егорій пасетъ звѣрей, особенно волковъ, и распредѣляетъ имъ пищу. При исполненіи обязанности звѣринаго пастыря Егорій является иногда бородатымъ старикомъ; съ нимъ раздѣляетъ эту обязанность св. Власій, и его замѣняетъ въ этомъ случаѣ иногда св. Николай. Вмѣстѣ съ Ильею и Михаиломъ Егорій колеблетъ скалы, отчего и происходитъ громъ (Углицкій уѣздъ).

Карпишиковъ.

Козьминъ, К. Грамматика церковно-славянскаго языка, новаго періода. Съ приложеніемъ образцовъ для этимологическаго и синтаксическаго разбора текста Евангелія. Пособіе для городскихъ училищъ. Изданіе 3-е. Одобрена Учен. Комит. М. Н. Пр., какъ руководство. М. 1885 г. Ц. 50 к.

— Церковно-славянская Хрестоматія, пособіе для сельскихъ и городскихъ училищъ. Книга эта служитъ приложеніемъ къ «Грамматикѣ церковно-славянскаго языка». М. 1885 г. Ц. 40 к.

— Образцы систематическаго диктанта для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Этимологія. Составлены согласно съ руководствомъ «Русское Правописаніе» Якова Грота. М. 1886 г. Ц. 75 к.

— Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи и при веденіи объяснительнаго чтенія на высшей его ступени. Для среднихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и старшихъ классовъ городскихъ училищъ. Одобрено Учен. Комит. М. Н. Пр. М. 1882 г. Ц. 1 р.

— Орѳографическія прописи. Пособіе при изученіи орѳографіи. Тетрадь первая. М. 1885 г. Ц. 35 к.

Козьминъ, К. и **Покровскій, В.** Теорія словесности. Сводъ теоретическихъ положеній, выведенныхъ изъ разборовъ образцовъ прозы и поэзіи. Одобрена Учен. Ком. М. Н. Пр. М. 1883 г. Ц. 30 к.

— Біографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей, для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Одобрено Учен. Комит. М. Н. Пр. М. 1883 г. Ц. 50 к.

Краткая грамматика французскаго языка по Ноэлю, Шапсалю и др., приспособленная къ примѣрной программѣ, напечатанной въ учебныхъ планахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ М. Н. Просвѣщенія. Одобрена Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщ., какъ руководство для преподаванія французскаго языка. М. 1880 г. Ц. 60 к.

Любутовъ. Пособіе при изученіи теоріи словесности. М. 1883 г. Ц. 25 к.

Мещерскій, М. И., законоучитель 1-й Московской военной гимназіи. Элементарный курсъ Закона Божія (объясненія общеупотребительныхъ молитвъ, символа вѣры, заповѣдей и IX евангельскихъ блаженствъ. Для дѣтей отъ 9—12 лѣтъ, поступающихъ въ низшіе классы военныхъ и гражданскихъ гимназій и прогимназій, а также для военныхъ и народныхъ школъ. Изданіе четвертое, исправлен. и дополнен. М. 1884 г. Ц. 35 к.

Млинаричъ, И., преподаватель 1-й Московской гимназіи. Lucianus Samosatensis. Разговоры боговъ и разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Текстъ съ словаремъ и объясненіемъ собственныхъ именъ. Изданіе 2-е исправленное и дополненное. М. 1880 г. Ц. 70 к.

— Этимологія греческаго языка для гимназій. Одобрена Учен. Ком. М. Н. Пр. М. 1881 г. Ц. 1 р.

— Синтаксисъ греческаго языка для гимназій. Одобренъ Учен. Ком. М. Н. Пр. въ видѣ руководства по греческому языку для гимназій и прогимназій. М. 1880 г. Ц. 65 к.

Никитинъ, С., преподаватель 1-й и 4-й Московскихъ женскихъ гимназій. Элементарный курсъ географіи по синтетическому методу. Для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и элементарныхъ школъ. Выпускъ 3-й — Отечествовѣдѣніе и выпускъ 4-й — Міровѣдѣніе. Изд. 3-е. М. 1880 г. Ц. 50 к.

Николаевскій, И., директоръ Несвижской учительской семинаріи. Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики въ учительскихъ семинаріяхъ М. Н. Пр. Дидактическая пропедевтика, курсъ II класса. Одобрено Уч. К. М. Н. Пр., какъ руководство для учительскихъ семинарій и институтовъ и для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ. М. 1883 г. Ц. 50 к.

— Педагогическая пропедевтика, курсъ III класса. М. 1885 г. Ц. 50 к.

Покровскій, В. О педагогическомъ значеніи классиаго чтенія отрывковъ изъ образцовыхъ писателей. Ц. 60 к.

— Поэзія, какъ главный факторъ эстетическаго развитія. М. 1885 г. Ц. 1 р.

Покровскій, Н. Справочный словарь русскаго правописанія, съ обозначеніемъ корней, указаніемъ происхожденія словъ и приложеніемъ правилъ русскаго правописанія. М. 1885 г. Ц. 50 к.

— Русская Хрестоматія для приготовительнаго класса средне-учебныхъ заведеній съ приложеніемъ церковно-славянскаго текста и орѳографическихъ упражненій. Одобрена Уч. К. М. Н. Пр. Ч. 1-я. М. 1885 г. Ц. 50 к.

— Русская Хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ церковно-славянскаго текста. Часть II. М. 1886 г. Цѣна 75 коп.

Преображенскій, П. В., преподаватель Московской 4-й гимназіи. Наука о величинахъ. Основанія алгебры и ариѳметики. Ч. I. М. 1884 г. Ц. 80 к.

— Руководство къ ариѳметикѣ цѣлыхъ, отвлеченныхъ и именованныхъ чиселъ. Для старшихъ и среднихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. М. 1885 г. Ц. 30 к.

— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. М. 1884 г. Ц. 25 к.

— Приложеніе 1-й и 2-й части ариѳметики. М. 1885 г. Ц. 20 к.

Савинъ, И., преподаватель 1-й Московской военной гимназіи. Приготовительный курсъ геометріи, съ чертежами въ текстѣ. Для военныхъ гимназій, женскихъ институтовъ, гимназій и народныхъ школъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М. 1879 г. Ц. 50 к.

Шапошниковъ, Н. А., преподаватель университета, 4-й гимназіи и женскихъ курсовъ въ Москвѣ. Курсъ ариѳметики. Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. М. 1882 г. Ц. 40 к.

— Основанія теоріи детерминантовъ. 1882 г. Ц. 60 к.
